

ARS HISTORICA

Сборник научных статей

Выпуск 16

Электронное издание

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации

Ars Historica

Сборник научных статей

Выпуск 16

Архангельск
САФУ
2025

УДК 94(470)(08)

ББК 63.3(2)я431

A80

Научный редактор

Т.С. Минаева, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры отечественной истории ВШСГНиМК САФУ

Редактор-составитель:

Г.С. Рагозин, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории ВШСГНиМК САФУ

A80 **Ars Historica:** сборник научных статей. Вып. 16 / науч. ред.
Т.С. Минаева; ред.-сост. Г.С. Рагозин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т
им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2025. – 201 с. – 1 электрон.
цифровой диск (DVD). – Текст: электронный.

ISBN 978-5-261-01780-6

Сборник содержит материалы VI Всероссийского междисциплинарного
молодежного Конгресса «Проблемы интерпретации исторических
источников», проходившего в Северном (Арктическом) федеральном
университете 22–24 мая 2024 г.

Для студентов и преподавателей вузов, широкого круга интересующихся
исторической наукой.

УДК 94(470)(08)

ББК 63.3(2)я431

Публикуется в авторской редакции.

Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д.56

ISBN 978-5-261-01780-6

© Минаева Т.С., научная редакция, 2025

© Рагозин Г.С., составление, 2025

© Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова, 2025

Содержание

Секция I. Источники по политической истории	6
Ильченко И.А. Римский полководец и его армия в конце Республики по материалам Записок Юлия Цезаря.....	6
Рошина Д.К. Работа Русского советского правительственного Бюро как первый опыт дипломатии Советского правительства (по документам внешней политики СССР).....	11
Тарасов В.И. «Свои и чужие» в Германии X века (по «Деяниям саксов» Видукинда Корвейского).....	15
Хребтов Н.А. Кражи Таможенной казны из палаты Немецкого Гостиного двора в 1763 г.: обзор источника и содержание дела.....	19
Секция II. Источники по истории культуры	25
Бабина А.А. К вопросу о роли топосов в интерпретации позднеантичной латинской агиографии (на примере работы Ф. Беццоне).....	25
Беспалько Г.Н. , Кёрцдёрфер Е.А. Проблема достоверности сведений в визуальном историческом источнике на примере документального фильма «Твоя работа в Германии».....	30
Буланова В.А. Отчеты о работе Маймаксанской школы как источник по истории образования в г. Архангельске в 1920-е годы.....	33
Кренёва К.И. «Краткая история Англии»: колониальный джингоизм глазами Гилберта Честертона.....	39
Лысцева А.А. Реакция американского общества на проявление расизма в фильме "Унесенные ветром".....	43
Марданова Е.С. Древний мир в трудах Н.И. Кареева.....	48
Михеева П.А. Американский кинематограф в 1920-е гг. как средство пропаганды расистских идей Ку-клукс-клана.....	51
Уварова А.В. Мемориальный гардероб как источник исследования.....	56
Шатков В.Г. Материалы следственных дел как источник для изучения истории колдовства в России в конце XVII в.....	60
Секция III. Мемуары и прессы как исторический источник.....	65
Бородина М.А. Периодические издания «Художник» и «Юный художник» как источники теоретической реконструкции образа советской художественной культуры 1970 - 1980-х годов.....	65
Деникина А.И. Памятные адреса как исторический источник (на примере истории АОВК)	70
.Киреев Е.К. Дневники епископа Никодима (Казанцева) как источник по изучению истории Русской Православной Церкви.....	74
Пильников Ф.В. Постройка эллинга для судовладельцев Архангельской губернии в начале XX в. (по материалам периодической печати).....	78
Прокин Д.А. Записки избирателей кандидатам в народные депутаты СССР как исторический источник (на материале Архангельского избирательного округа № 118).....	83

Резанов А.Д. Образ жандарма в неофициальной периодической печати Архангельской губернии (1905-1907 гг.).....	87
Соловьев В.А. От дневниковых записей до публикации рукописи в 1933 году: исторический путь мемуаров Армана де Коленкура (1773-1827 гг.)....	92
Сущева К.В. Общественная деятельность преподавателей в первые месяцы Первой мировой войны по материалам газеты «Северное утро».....	97
Федулин Н.С. Письма американских детей в Россию в 1919 г. (по материалам газеты «Северное утро»): опыт контент-анализа.....	103
Секция IV. Предметы искусства как исторический источник.....	108
Вадов Н.В. Особенности интерпретации прижизненных и посмертных изображений французских монархов на примере Филиппа IV Красивого и Людовика X Сварливого.....	108
Дудинская В.А. Архангельский городской публичный музей в документах Губернского статистического комитета.....	112
Иванова А.А. Трудности интерпретации: преимущества философско-искусствоведческого анализа В.И. Жуковского (на материале анализа картины «Акколада» Эдмунда Лейтона).....	117
Карманова М.С. Образ стиляг 1950-1960-х гг. в карикатурах: проблемы интерпретации (на примере журнала «Крокодил»).....	123
Левченкова Е.М. Колода таро Pierpont-Morgan: семейная история миланских династий Висконти и Сфорца.....	128
Поткин С.В. Рассказ Лю Синью «Классный руководитель» как презентация последствий «культурной революции» в «литературе шрамов».....	132
Торопова П.Э. Как наступил ренессанс в Миланском герцогстве: анализ карт таро Висконти-Сфорца как исторического источника.....	136
Секция V. Источники по социальной истории	142
Лошилов А.В. Вологодские епархиальные ведомости как источник по истории старообрядчества конца XIX – начала XX веков.....	142
Соковнина С.А. Торговая жизнь Бреста в XVI – первой половине XVII веков.....	146
Сынкова Е.М. «...Необходимо изменить существующий порядок отпуска леса на изделия»: северные крестьяне глазами лесного инспектора в конце XIX – начале XX века (по материалам Лайского лесничества)	151
Шиловский И.Н. Протокольная и сопутствующая ей документация заседаний (собраний) сельсоветов и колхозов 1920-1930-х гг. как источник по истории общественного сознания (на материалах Северного края).....	157
Секция VI. Источники по исторической памяти	162
Антоновская В.В. Дискурсивные стратегии реабилитации национально-социализма по материалам выступлений Ульрихсбергского собрания ветеранов (1986-2017 гг.).....	162

Арония А.М. Почтовые марки как источник исторической памяти о движении за гражданские права в США.....	167
Безродный Д.А. Образ викингов в исторической памяти ирландцев XII—XVII веков.....	172
Ивашева С.А. Источники по истории национально-культурных автономий (на примере Белорусской НКА г. Сыктывкара).....	176
Орлов А.Р. Русский Север как фронтиризм: взгляд А. П. Энгельгардта.....	182
Пиперкова С.Е. Устные воспоминания унверсантов ЛГУ 1960-1980-х гг. как исторический источник: предварительные замечания.....	186
Чухутин О.А. Наградные документы как источник по истории героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны (по материалам Вельского района).....	192
Сведения об авторах.....	196

Секция I. Источники по политической истории

И.А. Ильченко

*Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск*

Римский полководец и его армия в конце Республики по материалам Записок Юлия Цезаря

К концу последнего века Римской Республики сформировался особый характер отношений между армией и ее полководцем. Указанный характер можно наглядно рассмотреть на примере последнего из целой плеяды великих полководцев, обеспечивших себе успешную политическую карьеру победами на полях сражений. Военная карьера Гая Юлия Цезаря началась с 58 года до н. э., когда он получил в управление Галлию. К этому времени римское государство уже контролировало ее юго-восточную область – т.н. Цизальпийскую Галлию. Задачей Цезаря стало завоевание основной части Галлии - обширной территории, протянувшейся от Средиземного моря - до Ла Манша и от побережья Атлантики - до Рейна и Дуная и населенной многочисленными племенами. Успешное осуществление этого плана должно было обеспечить ему не только честь и славу победоносного полководца, но и победоносную армию верных ему легионеров, готовую поддержать его в борьбе за власть в Риме.

Первым военным достижением, которым и начинаются написанные Цезарем «Записки о Галльской войне», является битва при Арапе, ныне реке Сона, в 58 году до н. э., в которой Цезарь нанес поражение гельветам – многочисленному галльскому племени, вторгнувшемуся на территорию союзных Риму секванов. На наш взгляд, именно этот успех был первым этапом в складывании высокого военного авторитета Цезаря в солдатской среде. Наряду с полководческим даром, Цезарь уже в этой первой из многих

последовавших кампаний в Галлии проявил себя весьма заботливым командиром. Стремясь, во избежание недовольства со стороны подчиненных, обеспечить войско продовольствием, он даже приостановил преследование побежденного незадолго до этого противника с тем, чтобы запастить продовольствием в городе союзных Риму эдуев Бибракте [Записки I, 23, 1–3], под стенами которого в дальнейшем гельветы были окончательно разгромлены.

В битве при Бибракте Цезарь, желая укрепить воинский дух своего войска, прибег к воодушевляющему приёму [Записки 1, 25, 1]. Сойдя с коня и приказав сделать то же самое другим командирам, Цезарь продемонстрировал подчинённым готовность разделить возможное поражение вместе с ними, ведь он в случае затруднения в битве должен будет находиться в равном с ними непростом положении. Этот персональный пример позволяет нам судить о желании Цезаря показать войску веру в его силы и собственную уверенность в правильности предпринятых им подготовительных мероприятий и надёжности занимаемой войском позиции.

Указанная вера, впрочем, не раз подвергалась в дальнейшем испытанию на прочность. Показательным примером здесь может быть кампания против германского вождя Ариовиста, который захватил ряд территорий, населенных союзными Риму племенами. Стремясь не допустить дальнейшего расселения германцев на территории Галлии к западу от Рейна, Цезарь, по мнению ряда исследователей спровоцировал конфликт, выдвинув Ариовисту ультиматум с заведомо невыполнимыми условиями [4, с. 125-126]. Следует отметить, что подобные не всегда честные приемы ведения войны Цезарь практиковал не раз за время своей галльской кампании. [4, с. 125-126]. Так, автор биографии Цезаря римский историк Гай Светоний Транквилл писал: «он не упускал ни одного случая для войны, даже для несправедливой или опасной, и первым нападал как на союзные племена, так и на враждебные и дикие.” [Светоний, 24, 3]. Накануне кампании в среде римских солдат Цезаря распространились слухи о присущей германцам

невероятной свирепости и моци. Стремясь не допустить пораженческих настроений, губительных для римлян в грядущем сражении, Цезарь, упрекнув соратников в трусости, объявил войску о своей безусловной уверенности в победе и готовности идти в бой с одним лишь десятым легионом [Записки I, 40, 12-15]. Таким образом, взывая к солдатской чести и воинской дисциплине, Цезарю удалось восстановить боеспособность войска и укрепить свой авторитет [2, с. 110-112].

Последующие страницы записок повествуют нам и об иных достижениях Цезаря в области сплочения солдат в трудный момент и, как следствия, завоевания им авторитета в глазах подчинённых. Племена нервиев подле реки Сабис смогли застать римские войска, укрепляющие лагерь, врасплох и учинить неожиданное сражение [Записки II, 19, 1-8]. Тогда как и позднее, при осаде Алезии, Цезарь появился там, где более того требовалось со своим ободрением. Описывая этот и другие подобные ему эпизоды Галльской войны, Цезарь традиционно уделяет большое внимание самоотверженности своих солдат, сражающихся в трудных условиях. Так, застав на поле боя римское подразделение, находящееся в большой опасности ввиду численного превосходства противника, он «выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрав солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее исполнить свой долг, то напор врагов был несколько задержан» [Записки II, 25, 2-3].

Цезарь описывает поступок знаменосца девятого легиона, который во время высадки римского войска в Британии в 55 г. до н.э., сумел воодушевить своих соратников, дрогнувших перед лицом превосходящего врага, призвав следовать за знаменем во исполнение воинского долга

[Записки, IV, 25, 3–6]. В этом эпизоде характерно то обстоятельство, что ободрение войска исходило не от полководца – налицо инициатива самих воинов, которые взывали к храбрости своих соратников. Они, поддерживая друг друга таким образом, оказались готовы вступить в неравный бой на вражеском берегу. Подобного рода истории, демонстрирующие храбрость и высокую сознательную дисциплину войска Цезаря, их преданность своему полководцу, готовность, порою безрассудную, идти за ним на любого врага, встречаются на страницах «Записок» многократно [См.: Записки V, 44, 1–14; V, 2, 3]. Так, во время осады крепости Аварик легионеры, игнорируя приказы, ринулись в атаку и предприняли приступ стены, но потерпели поражение, и многие храбрецы оказались убиты. При этом Цезарь – хотя и выразил недовольство таким самоотверженным, но глупым поступком воинов, однако не наказал никого из участников [Записки, VII, 47–52]. С.Э. Зверев, упоминая излишнюю инициативность воинов в указанном эпизоде, считает её источником существенных потерь во время этого штурма [2, с. 112].

Об особом характере отношений между Цезарем и его воинами повествует и биограф Цезаря Светоний. По его свидетельству, Цезарь был одновременно и взыскателен, и снисходителен, прощая мелкие проступки и жестоко преследуя беглецов и бунтовщиков. Строгой дисциплины и постоянной боеготовности от солдат он требовал при близости неприятеля [Светоний, Цезарь, 65–67]. Многочисленные случаи взаимовыручки, личной храбрости, были проявлениями традиций воинской солидарности и корпоративного духа, которые сформировались в солдатской среде во многом благодаря его личным качествам как полководца. Цезарь начал военную службу с 18 лет и прекрасно разбирался во всех тонкостях военного дела, понимал солдатскую психологию и умел использовать полученные знания и навыки в деле руководства войском. Результатом подобного воспитания стала финальная битва за римское господство в Галии осада Алзии. Огромный труд, который проделали легионеры для достижения

победы в этой осаде, вправду мог быть достигнут только при слаженной работе командующего и подчинённых, прошедших вместе множество битв и доверяющих друг другу.

Таким образом, Юлий Цезарь, назначенный Сенатом на пост наместника провинции, в течение десяти лет пребывания в этой должности завоевал для Рима обширные территории в Западной Европе, дважды пересек Рейн и дважды высаживался в Британии. Будучи персоной честолюбивой и влиятельной, он оставил подробное описание основных событий этой кампании в «Записках», составленных на основе регулярных отчетов (записок) о своих действиях, направляемых полководцем Сенату и народу. «Записки», наряду со свидетельствами других авторов, являются важнейшим историческим источником по истории римского завоевания Галлии. В то же время мы можем наблюдать здесь процесс формирования на фоне сменяющих друг друга на протяжении десяти лет военных кампаний особых отношений между полководцем и его войском. Успешная деятельность Юлия Цезаря в качестве наместника в Галлии позволила ему не только присоединить к Риму новые территории, но и позволила завоевать безусловное доверие и безоговорочную поддержку в его собственном войске. Упомянутые поддержка и доверие войска нашли подтверждение в начавшейся вследствие возвращения Цезаря из Галлии в Италию гражданской войне.

Список источников и литературы:

1. Гай Юлий Цезарь. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлий Цезарь, М. М. Покровский; под редакцией М. М. Покровского. М. : Юрайт, 2024. 362 с.
2. Зверев, С. Э Военная риторика Древнего мира. СПб.: Алетейя, 2011. 176 с.

3. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М. : Наука, 1993.
4. Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1976. 365 с.

Д. К. Роцина
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

**Работа Русского советского правительственного Бюро как первый опыт
дипломатии Советского правительства (по документам внешней
политики СССР)**

Первые годы установления власти большевиков на территории России происходили в условиях внешней и внутренней нестабильности. Внутренняя нестабильность напрямую была связана с внешней и заключалась в Гражданской войне. Подписание мирного договора с Германией и политический хаос в России сделали возможной вооруженную интервенцию на территорию РСФСР. Брестский мир позволил Германии перебросить часть войск с Восточного на Западный фронт, а в Лондоне и Париже обеспокоились возможным захватом германскими войсками стратегически важных портов Мурманск и Архангельск, а в последнем находилось поставленное Антантой снаряжение.

Сложная внутриполитическая обстановка в России создала удобные условия для разделения страны на сферы влияния, вплоть до установления прямого контроля над наиболее интересными в военно-политическом или экономическом отношении территориями. Например, Мурманск, как крупнейший порт региона, был интересен Англии. Поскольку Англия и Франция не обладали в тот момент достаточным количеством сил для проведения интервенции, они обратились за помощью к США. Президент Вудро Вильсон с готовностью согласился помочь.

Самые сложные отношения у молодого Советского государства складывались с Соединёнными Штатами. Как известно, именно в годы Гражданской войны американским правительством формулируется так называемая «политика непризнания», которая в дальнейшем определила взаимоотношения между двумя государствами.

Тем не менее, Советское правительство даже в условиях интервенции и усиления Гражданской войны продолжало искать пути нормализации отношений с США, поэтому стоит отметить работу Русского советского правительственного Бюро, которую можно считать первым опытом дипломатии Советского правительства. Параллельно с началом Парижской мирной конференции, в январе 1919 г., правительство РСФСР назначило своего полномочного представителя в США – им стал Людвиг Карлович Мартенс, один из соратников Ленина, который с 1916 г. находился в эмиграции. Так формируется первое неофициальное дипломатическое представительство Советской России в Соединённых Штатах – Русское советское правительственные Бюро, называемое иногда просто «Советское Бюро».

Основные источники на русском языке о работе данного Бюро представлены в различных сборниках документов. В данном исследовании использованы II том сборника документов внешней политики СССР, опубликованный в 1958 г., а также сборник документов по Советско-американским отношениям в годы непризнания, изданный в 2002 г.

Первый важный документ о работе Бюро — Меморандум Представителя РСФСР в США Государственному Департаменту США от 19 марта 1919 г., в котором Л.К. Мартенс заявляет американцам о том, что Советское государство успешно справляется со многими трудностями (но нуждается в поддержке) и готово пойти на уступки, которые касаются финансовых вопросов [1, с. 101]. Но цель данного меморандума — предложение о сотрудничестве: «Советское Правительство России желает установить торговые отношения с другими государствами, и особенно с США» [1, с. 105]. Конечно, для США сотрудничество представлялось невозможным, так как в 1919 г., в разгар Гражданской войны, сложно было сделать вывод о положении дел в России в целом и о каких-либо реальных шансах осуществлять внешнюю торговлю с США, в частности.

Без официального признания Л. К. Мартенс представлял Советское государство в США до 1921 г. За недолгое существование данного Бюро, Мартенсом было сделано многое, что могло так или иначе повлиять на взаимоотношения двух государств. Офис Бюро включал в себя штат из 35 человек, и оно объявлялось торговыми-информационным агентством

Советского правительства. По совместительству «Бюро» финансировало коммунистическое движение в США, за что его помещения подвергались обыскам правоохранительными органами штата Нью-Йорк в 1919 г. Об этом, 14 июня 1919 г. Л.К. Мартенс написал обеспокоенное письмо в НКИД РСФСР: «В последнем моем письме я указал вам на полученное нами из одного источника сообщение о том, что на наше Бюро готовится набег. Набег этот теперь уже совершившийся факт. Произошел он в четверг 12-го июня в 3 ч. дня и совпал он с открытием заседания парламентской комиссии штата Нью-Йорк, занимающейся расследованием «крамольной» агитации, пропаганды и проч.» [4, с. 104]. Мартенс также отмечал, что в течение последующих трех недель «та же комиссия совершила в Нью-Йорке еще три набега: на социалистическую школу («Рэнд Скул оф сошиал сайянсес»), на Бюро левого крыла социалистической партии и на организацию «АйДабл-ю-Дабл-ю» [4, с. 106].

В Нью-Йорке Л. К. Мартенс при Бюро организовал технический отдел, главной задачей которого являлось «извлечение из Америки всякого рода сведений и средств для развития промышленности в Советской России» [4, с. 111]. Экономическое сотрудничество – важный аспект советско-американских отношений в годы непризнания (1919–1933 гг.), поэтому следует обратить внимание на то, что большевистское руководство уделяло этому сотрудничеству особое внимание. Призывы учиться у американцев исходили от В. И. Ленина. В черновиках к статье «Очередные задачи советской власти» (1918) он напрямую указал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ = социализм» [2, с. 550].

Бюро занималось активной просветительской деятельностью, организовывало митинги, лекции, публиковало журнал «Soviet Russia». Исходя из писем Л.К. Мартенса в Россию, телеграмм В.И. Ленина, можно сделать вывод, что Бюро по большей части занималось экономическими вопросами. «Летом 1919 года по инициативе советской миссии в Нью-Йорке было организовано первое Общество технической помощи Советской России, встретившее огромное сочувствие со стороны не только российских, но и американских рабочих» [3, с. 148].

В отчёте от 1 мая 1920 г. народному комиссариату иностранных дел РСФСР Л.К. Мартенс писал о работе технического отдела Бюро: «Технический отдел ведет регистрацию товарищей, техников и рабочих специалистов, предлагающих свои услуги Советской России и готовых по первому зову отправиться туда. Нам уже удалось зарегистрировать более 10 000 человек. <...> Технический отдел организует по всей Америке Общества технической помощи Советской России. <...> Технический отдел занимается собиранием всевозможных сведений научного и технического характера, могущих быть полезными России» [4, с. 130-131]. Однако, работа шла с большими затруднениями. Советское правительство не имело возможности финансировать работу Бюро так, чтобы она стала максимально эффективной как в экономическом, так и в просветительском (дипломатическом) планах.

Работу Русского советского правительенного Бюро можно охарактеризовать как первый опыт дипломатии молодого Советского государства. Л. К. Мартенс без стеснений направлял обращения и заявления американскому правительству несмотря на то, что Бюро не была признано США официальным представительством Советской России (так как фактически это означало бы признать власть большевиков). В качестве примера можно привести Заявление Л.К. Мартенса от 16 января 1920 г., в котором он выражает позицию Советской России в желании «жить в мире и дружбе», в том числе с государствами, которые были образованы из частей бывшей Российской империи [1, с. 325]. В течение 1920 г. в США происходили «преследования революционных организаций в полном ходу», в том числе, Советского Бюро [4, с. 129]. Советское Бюро в общей сложности работало около двух лет, и закончило свою деятельность после того, как 20 декабря 1920 г. американской стороной было принято решение о депортации Л.К. Мартенса из США [4, с. 169].

Список источников и литературы:

1. Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/278556-dokumenty-vneshney-politiki-sssr-t-ii-1-yanvarya-1919-g-30-iyunya-1920-g> (25.04.2024).

2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений, том 36. URL: <https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/05/Lenin-PSS-tom36.pdf> (25.04.2024).
3. Мартенс, Л. К. Воспоминания о В. И. Ленине. URL: <https://leninism.su/memory/3547-vospominaniya-o-vi-lenine-martens.html> (25.04.2024).
4. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918-1926. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/90507-sovetsko-amerikanskie-otnosheniya-gody-nepriznaniya-1918-1926> (25.04.2024).

В.И. Тарасов

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет*

**«Свои и чужие» в Германии X века (по «Деяниям саксов»
Видукинда Корвейского)**

«Деяния саксов»¹ – хроника сакского монаха Корвейского аббатства Видукинда (ок. 925 – после 973). О его жизни почти ничего неизвестно, кроме того, что содержится в его сочинении [1, с. 22]. Видукинд имел отношение к аристократии, и предполагается, что он мог стать монахом тогда, когда Корвейский монастырь пополнялся людьми из светского общества [1, с. 24]. В историографии можно встретить разные оценки датировки написания. Вероятно, что изначально она велась для внутреннего пользования [1, с. 29], а затем уже была пересмотрена ок. 973 г. [2, с. 193] в соответствии с политической конъюктурай [3, с. 6.]. Источник посвящён Матильде (955-999), дочери Оттона I Великого (912-973), аббатисе Кведлинбургской. Поэтому хроника носит апологетический характер по отношению к саксонской династии Людольфингов. Содержательно она почти полностью посвящена процессу закрепления династии у власти, а также борьбе саксов с соседями. Упоминая о цели написания своего сочинения, Видукинд пишет, что хочет «потрудиться» ради своего народа [1, с. 126], что в целом задаёт патриотическую направленность повествования. Это является главной особенностью хроники, которая интересна тем, что написана

¹ Res gestae saxonicae sive annalium libri tres (лат.)

этническим саксом и её рассмотрение через призму проблематики «своего» и «чужого» будет напрямую отражать критерии, по которым Видукинд и его соотечественники формировали свою собственную идентичность в Германии X века.

Одним из таких критериев для Видукинда является императорский характер власти саксов. Так, обращаясь к Матильде, Видукинд называет её «госпожой всей Европы» [1, с. 152], выражая тем самым идею гегемонии Саксонии в Германии и властивущей династии. Согласно концепции Видукинда, саксы «благородный»¹ народ, претендующий на особый статус [1, с. 201]. Заслуживают они его благодаря своим связям с франками ещё со времени совместных войн в VI в. Как пишет Видукинд, саксы превосходили франков «телесно и духовно» [1, с. 132], а те, в свою очередь воспринимали саксов как необузданную породу людей, способных сокрушить их державу [1, с. 132]. Так, два народа становятся равными друг другу. Византийского правителя Оттон I Великий (912-973) называет королём, а не императором [1, с. 194], что также транслирует идею равенства. Дед Оттона, Оттон Сиятельный (ум. 912), которого Видукинд называет отцом отечества² [1, с. 138], претендует на германскую корону после смерти последнего Каролинга Людовика Дитя (893-911), при этом выбрать его хотят, якобы, и франки, и саксы [1, с. 136], но из-за преклонных лет тот от неё отказывается в пользу франконского герцога Конрада I (881-918), который становится королём «по его совету» [1, с. 136]. В период усобицы, Конрад, лежащий на смертном одре, говорит брату, что сопротивляться саксам бесполезно, поэтому наказывает передать Генриху королевские инсигнии [1, с. 141]. Здесь же проявляется имперская концепция: в войне с саксами может пасть народ франков, а саксонскому герцогу всё равно суждено стать королём, повелителем народов [1, с. 141]. Преемство от римлян заключается также в сакральном смысле. Во время похода в Лотарингию Генрих I заполучил от короля Франции Карла III Простоватого (879-929) моши римского святого Вита (290-303), которые попадают сначала из Рима во Францию, а затем в Саксонию [1, с. 145].

¹ Nobilis (лат.)

² Pater patriae (лат.) – этот статус жаловался тем, кто особенно отличился перед римским государством.

Имперская тенденция в данном случае тесно сопряжена с христианской миссией к варварам. В речи Майнцского епископа Гильдерберта, который «посвящал» в короли Оттона I Великого, можно увидеть отношение германцев к варварским народам, против которых Оттону было суждено сражаться: «...сокруши им [мечом] всех противников Христа, варваров и плохих христиан» [1, с. 154]. Главная черта варварства – язычество [1, с. 230]. В первую очередь здесь имеются в виду славяне [1, с. 230], особенно ценившие свободу [1, с. 163]. При этом Видукинд, упоминая времена Карла Великого, вовсе не описывает жестокую войну с саксами. Для него, как упоминалось выше, саксы изначально претендовали на особый статус. Принятие христианства для него не более, чем преодоление «заблуждения отцов» [1, с. 136], что дало возможность стать «как бы единым народом по христианской вере» [1, с. 136] с франками. В большей степени рубежи Германии X в. были беспокойны из-за венгров. Хотя они были язычниками, Видукинд варварами их по какой-то причине не называет [1, с. 210]. Язычники также жили и севернее, в Дании. Упоминается южнодатский король Кнут, теснившего фризов, которого разбил Генрих I [1, с. 151].

Западные рубежи державы саксов простирались до Лотарингии [1, с. 41]. В этой связи Галлия, населенная франками, является для Видукинда мерилом для обозначения Саксонии как отдельной страны [1, с. 221]. Некогда Саксония была просто герцогством, но теперь воспринимается центром королевства [1, с. 222]. Жителей Западно-Франкской державы Видукинд отличает от своих соотечественников. Он отмечает, что среди саксонского войска были те, «которые умели немного говорить на гальском языке» [1, с. 161], т.е. на языке западных франков. Оттон I тоже разговаривал на этом «романском» языке [1, с. 242]; также мог говорить на славянском, благодаря своему первому браку на знатной славянке, из-за которой у Оттона появилось соответствующее окружение [1, с. 242]. О южном направлении политики Видукинд почти не даёт сведений; походы в Италию упоминаются вскользь, более подробно в контексте излагается про Лангобардию, территорию в Северной Италии, населенной одноименным германским племенем. Когда они туда ушли из Германии, оставив свои земли, саксы заняли их ещё в VI в.

Рассуждая о внутригерманской политике, нельзя не отметить тот факт, что к X в. внутри Германии сформировались отдельные могущественные герцогства. Помимо Саксонии Видукинд упоминает такие, как Швабия, Бавария, Франкония. В самом же королевстве к X в. были сильны центробежные силы [1, с. 36], поэтому и Генрих I, и Оттон Великий занимались принуждением к миру отдельных областей страны. Внутри семьи Людольфингов также было неспокойно. Из-за феодальных владений против Генриха I восставал его сводный «незаконнорожденный» брат Танкмар (ок. 907-938). Родной брат Оттона Великого Генрих Младший (919-955) тоже оспаривал королевскую власть: «был ещё очень молод, душа была его пылкой, одержимый большой жаждой власти», ради чего был готов пойти на союз с баварским герцогом, чтобы тот, в случае успеха, уступил ему корону [1, с. 159]. Хронист выказывает довольно негативное отношение к нему в связи с этими событиями [1, с. 236]. Однако Генрих не одобрил мятеж сына Оттона Людольфа (930-957). Видукинд передаёт речь Генриха: «...когда ты воюешь против господина и своего отца, ты выступаешь тем самым против Бога» [1, с. 178]. Говоря о расположении правителем к себе подданных, милости, которыми он одаривал, не гарантировали, что люди не поднимут мятеж. Оттон говорил о том, что он может стерпеть войну сына против него, но не мятеж людей, которых возвысил [1, с. 180]. Называет он это преступлением и вероломством [1, с. 180]. Так, транслируется идея установления христианского мира правителем не только среди варваров, но и внутри Германии. Когда прекращаются все войны, наступают «божеские и человеческие законы» [1, с. 169].

Говоря об институционной принадлежности Видукинда, нельзя не сказать, что церковь также была замешана во внутренних распрях. Однако Видукинд довольно осторожен в своих высказываниях на церковные темы. Так, Майнцского архиепископа Фридриха он называет одновременно «умным и ревностным» [1, с. 169], но при этом высказывает отрицательное к нему отношение, намекая на его измену королю [1, с. 243]. Не в последнюю очередь такая осторожность может быть вызвана и тем, что Корveyский монастырь был подчинён Майнцскому епископу [1, с. 243]. Поэтому Видукинд избегает особо резких характеристик: «если мы в чём-либо ошибемся в этой части, да будет нам прощено» [1, с. 164]. Можно сравнить с

упомянутым негативным отношением к Генриху Молодому в контексте его мятежа, когда он прямо обвиняет его в покушении на убийстве короля [1, с. 166]. Это объясняет апологетический характер хроники. Видукинд представлял интересы той части духовенства, которая поддерживала сильную власть саксонского правителя [1, с. 24]. Обращение к Матильде в этой связи неудивительна. Кведлинбургское аббатство было тесно связано с королевским домом. В этом же городе находилась королевская резиденция.

Список источников и литературы:

1. Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975.
2. Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
3. Памятники средневековой латинской литературы X-XI века. / отв. ред. М.С. Касьян. М., 2011.

Хребтов Н.А.

*Архангельский краеведческий музей,
САФУ им. М.В. Ломоносова*

Краже Таможенной казны из палаты Немецкого Гостиного двора в 1763 г.: обзор источника и содержание дела

В Государственном архиве Архангельской области (ГАО) в фонде №1 «Канцелярия Архангельского губернатора» хранится дело №6205 на 455 листах. Документ датируется временным промежутком с 18.11.1763 по 16.02.1766 гг. и называется «Дело о краже денег из палаты немецкого гостиного двора».

Массивный документ включает в себя рапорты, экстракты, промемории между таможней, губернской канцелярией, полицмейстерской конторой и другими учреждениями, протоколы и копии допросов за личной подписью губернатора Е.А. Головцина, многочисленные отчеты по проведенным очным ставкам, описи имущества подсудимых, ответы таможенных чиновников в канцелярию по поводу организации охраны казны.

При изучении данного комплекса документов был использован локально-исторический метод [1, с. 80]. Его эффективность и полезность

раскрываются в рамках социальной и новой локальной истории для исследования событий в городе, о которых пойдет речь [3, с. 13].

31 июля 1762 г. Указом Екатерины II Архангельск был уравнен в торговых правах с Санкт-Петербургом [4, с. 28]. К концу навигации 1763 г. таможенных поступлений было собрано 31747 руб. 17 коп., из которых 5697 руб. 26 ½ коп. необходимо было сдать в Адмиралтейство [2, л. 421, 440 об].

Дело №6205 начинается с рапорта цолнера Ф. Протопопова в Архангелогородскую губернскую канцелярию от 17 ноября 1763 г., в котором указывалось, что при очередном осмотре Немецкого Гостиного двора 30 мешков с деньгами от таможенной казны не обнаружилось. В каждом по 40 руб., итого – 1200 руб. было вынесено [2, л. 1–1 об].

Начало расследования в документе представлено допросами пойманных похитителей, среди которых:

- Иван Полозухин – бывший портовый таможенный досмотрщик. Рожден в Ярославской губернии, но переехал в Архангельск;
- Михайло Ермолин – дьяк Кольского Печенегского монастыря, высланный в Архангельск, где стал пономарем Успенской Боровской церкви;
- Иван Озеров – архангелогородец, посадский человек.

В ходе допросов воры рассказали о том, как проходила кража, когда они попали на территорию Гостиного двора, как взломали палату и вытащили мешки, куда развезли деньги, кто встречался на пути, и кто помогал спрятать и менять медную монету на серебряную. Таким образом, на основе этих допросов появляется возможность полностью восстановить ход событий. Среди всех показаний также встречается огромное количество информации о новых персоналиях. Это замешанные в деле люди, или как в документе их называют «оговорными» [2, л. 18–18об, 175].

У подозреваемых в квартирах был проведен обыск, и у домов поставлен караул. До наших дней сохранилось донесение [2, л. 322–324] с описями их имущества.

Эти документы особо уникальны тем, что, во-первых, дают представление о быте архангелогородца во второй половине XVIII в. и уровне жизни разных социальных категорий населения.

Приведем пример: двор и имущество «оговорного» Федора Шестакова очень подробно описали для оценки на продажу с аукциона в уплату

«недоимка» (имеются в виду похищенные средства) Канцелярии: «в нем строения изба жилая с сенями, назад горница холодная, на боку чулан теплый, в нем печь кирпичная. Земли длинника 14 с половиной, поперешника шесть сажен – оценено в 40 руб. У него же образа святых писаные на красках без окладов, печатные на бумаге – всего 12 штук, два сундука окованных железом с подсвечниками, стаканами, пилой, шесть пивных бочек, веретена и пр. – оценено на 53 руб. 82 коп.» [2, л. 339–342].

Во-вторых, ценность документа заключается в том, что мы получаем сведения, хоть и фрагментарные, о расположении домов и дворов Архангельска, что интересно с точки зрения исторической урбанистики/микроурбанистики.

Приведем примеры: Пелагея Соловьева жила в квартире на «Моховой Перспективной улице промеж Крестовой и Устиновой», у grenadera Устюжского полка Ивана Шилинского «квартира состоит на Кузнецихе, идучи от города Архангельского в Первой улице со Мху третий двор» и т.д. [2, л. 71–75].

Эти сведения с использованием дополнительных источников, например, схем и планов города, позволяют подробнее реконструировать застройку Архангельска во второй половине XVIII в. и изучить формирование его застройки и облика.

Известно, что воры попали на территорию гостиного двора в восемь часов вечера, и только к 23:00 приступили к срыву замка палаты и спуску денежных мешков со второго этажа. Учитывая, что мешки были наполнены мелочью, они, наверняка, гремели. Мало того, что удалось вытащить 30 мешков, воры возвращались за награбленным к Гостиному двору, т.к. не смогли увезти все за один раз. Фактически, преступники не имели никаких трудностей в совершении кражи.

Губернская Канцелярия запросила по поводу организации охраны ответ от администрации портовой таможни. Как оказалось, директор таможни приказал «деньги в другую верхнюю палату класть, хоть и опасно там содержать деньги, потому что в прежние годы у верхних палат ворами свод выломан и купеческие товары оттуда крадены были, несмотря на это все-таки было приказано Ярославцевым сложить в палату за таможенным крыльцом, Ярославцев про караул и умолчал» [2, л. 236, 419].

Сделаем небольшое отступление, чтобы дать краткое описание состояния Гостиного двора в 1760-е гг. Согласно записке архангелогородского губернатора С.М. Козмина, «весь замок уже обветшал и хорошего вида лишился». Губернатор даже предлагал употребить материал нескольких полуразрушившихся сооружений Гостиного двора на строительство других зданий, в частности, губернаторского дома [5, с. 272, 292].

В свою очередь Ф. Протопопов далеко не сразу отметил, что «печатей на замке у палаты по все дни сам не осматривал, а как правило полагался на отчётные рапорты капралов у караула» [2, л. 417]. По всей видимости, и капралы не утруждались в постоянной проверке печатей и отчитывались номинально.

Таким образом, администрация таможни, сама того не подозревая, создала условия для кражи, ослабив меры безопасности по охране казны.

Отдельное место в данном деле занимает деятельность военнослужащих местного гарнизона. Солдаты и офицеры Архангелогородского полка отличились в этой истории с положительной стороны: стояли в караулах у домов преступников, контролировали процесс описи имущества преступников, принимали участие в поимке беглых воров. Помимо этого, военнослужащие отметились и с негативной стороны: так, секунд-майор Григорий Готовцев помогал менять медные деньги на серебро, взяв свой процент со сделки – по две копейки с каждого рубля» [2, л. 66]. Солдаты Семен Гундышев и Иван Шилинский приняли взятку у Полозухина – по мешку с деньгами на каждого, вместо того, чтобы взять вора под стражу.

Комплекс документов рассматриваемого дела позволяет исследовать некоторые стороны повседневной жизни военного сословия Архангельска, глубже изучить их обязанности военно-полицейского и фискального характера, определить их положение в социальной структуре города.

Допросы и очные ставки все были проведены, беглых поймали, а от таможенных чиновников получили объяснительные.

Главных воров клеймили, публично били кнутами и сослали в Балтийский порт на вечные каторжные работы, соучастников также били на городской площади батогами, кому-то запретили селиться в черте Архангельска, а некоторых сослали на каторгу на Нерчинские заводы.

Солдат-взяточников оштрафовали и прогнали через шпицрутены. Таможенных чиновников также оштрафовали и уволили.

Большое по объему дело позволяет полностью реконструировать события 1763–1766 гг., связанные с кражей казны. Комплекс документов является ценным источником по истории повседневности города и его социальной среды, деятельности и взаимодействия административных, военных и судебных органов Архангельска 1760-х гг.

Помимо этого, на основе сведений, представленных в деле, появляется возможность персонифицировать посадское население, представителей военного сословия, бюрократический аппарат Архангельска. Это, в свою очередь, может служить дополнительным источником для генеалогических исследований.

Благодаря многочисленным допросам можно изучить истинные мотивы действий преступников, которые были обусловлены обычными человеческими пороками и жизненными трудностями:

- алкоголизмом (воры тратили деньги «на вино и пропои»);
- бедностью («оговорные», бравшие взятки, отмечали, что тратили деньги на покупку харчей и сена для лошадей);
- долгами (например, только Полозухин на момент кражи имел долг 200 руб.);
- одиночеством («оговорная» Марфа Пенкова, бравшая деньги от Ермолина на хранение, отмечала, что мужа забрали в полевую службу шесть лет назад, и никаких новостей о нем не имела);
- мздоимством.

Представленный комплекс документов является также важным источником по истории формирования облика и структуры города, и интересен с точки зрения исторической урбанистики.

Список источников и литературы:

1. Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств. // Вестник Томского государственного университета, 2014. №385. С. 79–84.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6205.

3. Историческая урбанистика: теория и практика: учебник для вузов / Под ред.: Поповой Н.А., Пономаревой М.А. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. 320 с.

4. Летопись города Архангельска. 1584–1989 / Г.Г. Фруменков, Е.И. Овсянкин. Архангельск, 1990. 297 с.

5. Архангельский край в 1760–1770-х годах. Публ. подготовлена З.В. Дмитриевой и А.Н. Чистиковым // Архангельск в XVIII веке [составитель и отв. редактор Ю.Н. Беспятых]. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1997. С. 272–292.

Секция II. Источники по истории культуры

A.A. Бабина

Ивановский государственный университет

К вопросу о роли топосов в интерпретации позднеантичной латинской агиографии (на примере работы Ф. Беццоне)

Модель святости латинской агиографии претерпевает ряд изменений в IV-V в. Фокус рассказа смещается с описания мученической гибели святого на его образцовую религиозную жизнь. Этапы развития повествования складывались в топосы, которые концептуализировали отдельные черты святого [3, С. 102]. Основанный на такой топике порядок построения жития стал жанровым образцом для последующей латинской агиографии.

В течение IV в. также изменилось представление о святости: теперь дар чудотворения должен был быть засвидетельствован [12, С. 468]. Поэтому зачастую авторов житий интересовали не биография святого, а отображение его избранности [5, С. 798]. Святость давалась свыше как божий дар без личного участия получателя [2, Р. 16]. Вопрос достижения героем святости у агиографов не стоял, поскольку святой являлся таковым изначально [6, С. 159].

Итальянская исследовательница Франческа Беццоне в своей работе «Deconstructing the man, constructing the saint...» [1] представляет интересную точку зрения на *Vita Germani*, где она доказывает, что в тексте происходит деконструкция «человечности» Германа и его постепенный переход к святости.

При этом как нам кажется, при анализе автор не учитывает представления о топосах и моделях построения святости в позднеантичных житиях. Рассмотрим несколько ключевых аргументов данной работы, чтобы продемонстрировать игнорирование ряда факторов, влияющих на создание образа святого.

Первым аргументом Ф. Беццоне выступает эпизод отказа Германа от епископата [10, С.33], который она рассматривает как изображение человеческого восстания Германа против навязанного долга и духовности [1, pp. 83–84]. Автор считает, что отказ от епископских обязанностей демонстрирует человеческую сторону Германа.

Однако этот сюжет имеет множество аналогий в позднеантичной агиографии. В *Vita Ambrosii* описывается эпизод, когда святой пытался ложно опозорить себя и пробовал бежать из города, считая себя недостойным сана епископа [13, С. 17-18]. В *Vita Martini* св. Мартина хитростью выводят из монастыря, чтобы он был доставлен в город толпой «словно под стражей» [15, С. 100].

По всей видимости, отказ от рукоположения кандидата на церковную должность был ритуальным жестом, подтверждающим его достоинство [2, pp. 145–146]. Рукоположение святого ничего не прибавляло к его авторитету, а было лишь жестом подтверждения святости, дарованной свыше [2, Р. 141]. Автор *Vita Germani* также рассматривает единодушие жителей как проявление божественной воли [10, С.33].

Ф. Беццоне также считает, что подробное описание аскетических практик Германа [10, С.33-34] выражают борьбу святого против его человеческой природы. По мнению исследовательницы, святой представляется читателю как измененная личность, которая пытается контролировать свою собственную человеческую природу через аскетизм в употреблении пищи [1, pp.122–131].

Действительно ранее западные агиографические произведения не так подробно описывали аскетические привычки святого, но в агиографии того времени можно найти параллели в изображении аскетизма святого. Например, Констанций Лионский Гонорат Массилийский описывают аскетизм св. Германа и св. Илария почти одинаково [8, С. 112], что может быть связано с влиянием Леринского монастыря, откуда происходил Иларий [9, С. 207].

Следует учитывать, что после IV в., когда мученичество как путь к спасению уходит в прошлое, литературная модель святости усложняется. Теперь святость обретается через «бескровное мученичество», *imitatio Christi* могло подчеркиваться именно аскезой [3, С. 102]. Констанций Лионский стремится донести мысль о том, что вся жизнь св. Германа является своего рода мученичеством, растянутым во времени. Эта идея отражена в отрывке, посвященном описанию аскезы святого, где епископ назван «гонителем своего тела» [10, С.33]. Автор подводит итоги своего повествования об аскезе Германа следующими словами: «Пусть каждый сам

скажет, что он думает об этом; я же ограничусь тем, что блаженный Герман среди стольких страданий нес на себе долгое мученичество» [10, С.34].

Тем самым, аскетизм так же, как и первоначальный отказ от должности, становится своеобразным агиографическим топосом, обязательным для воспроизведения в житиях. Несмотря на некоторые особенности текста, *Vita Germani* сохраняет основные традиционные элементы аскета.

В системе аргументации Ф. Беццоне ключевое место отводится чуду воскрешения юноши в тексте жития, что воспринимается ею как момент перехода Германа к святости. Воскрешение – это одно из последних чудес, совершенных святым [10, С.60-61]. В *Vita Martini* воскрешения происходят уже в начале текста. Ф. Беццоне связывает это с тем, что Мартин был определен как святой с момента начала повествования [1, Р. 190].

Стоит заметить, что чудеса воскрешения исключительны даже для Иисуса Христа: их встречается всего три в Новом Завете. В агиографической литературе IV-V вв. их также немного, за исключением жития Мартина Турского. По всей видимости, чудеса воскрешения, оказывающие потрясающее воздействие на очевидцев, немногочисленны. Как нам кажется, этим объясняется и место данного чуда в контексте всего *Vita Germani*. Этот наиболее эффектный эпизод, происходящий в Равенне под конец жизни святого, как бы венчает всю деятельность Германа, превращая его в фигуру общегалльскую и даже общеевропейскую.

Апофеозом святости Германа Ф. Беццоне считает эпизод посмертного чуда исцеления расслабленной женщины у тела епископа [10, С.64]. Останки Германа наполнены святостью и могут совершать чудеса даже после его смерти, что является последним признаком достигнутой Германом святости [1, pp. 182–189].

Чудеса, демонстрирующие исключительность святого, сопровождают его жизнь и продолжаются после его ухода [14, С. 258]. Идея о присутствии силы божьей в его телесных останках формируется в эпоху поздней античности [11, С. 405]. Посмертные чудеса были главным аргументом в пользу формирования массового почитания святого [11, С. 408]. Культ складывается вокруг тела и реликвий святого, и посмертное чудо мыслилось как естественное продолжение его праведной жизни [6, С. 101]. Все это

приводит к мысли о закономерности появление посмертного чуда исцеления в *Vita Germani*.

Необходимо отметить, что в тексте есть и другие эпизоды, в которых чудо совершается без участия святого. Герман останавливается у своего друга, пресвитера Сенатора, и его жена тайком кладет на постель святого подстилку. Позже, когда некий муж Агресций оказывается во власти демонов, матрона достает подстилку и укрывает ею одержимого, что исцеляет его [10, С.49-50].

Как и посмертное чудо, чудо отсутствия объяснялось тем, что на такие вещи распространяется божественная благодать [4, С. 162]. Сила божья, явленная через святого, сохраняется даже в тех вещах, с которыми он соприкасается недолго. Признавая наличие такой *potentia* в теле святого после смерти и принимая ее за признак святости, Ф. Бецзоне игнорирует проявление этой силы в середине повествования, когда, по ее мнению, Герман еще не стал святым.

В целом, аргументация Ф. Бецзоне о святости Германа представляется слабой, так как его избранность и святость не подвергаются сомнению с самого начала жития. Рассказы о чудесах Германа были важным условием для его канонизации и подтверждением его святости. Все повествование между пятью путешествиями Германа наполнено рассказами о чудесах.

Анализ идей Ф. Бецзоне показывает, что автор, вероятно, имеет мало представлений о структуре агиографий IV-V в. Этот пример демонстрирует, как пренебрежение логикой и системой построения образов святости в агиографии может исказить восприятие исторического источника. Построение даже литературоведческой концепции требует учета структуры модели святости и знания позднеантичных агиографических топосов.

Список источников и литературы:

1. Bezzone F. Deconstructing the man, constructing the saint: the literary sanctification of Germanus of Auxerre in the "Vita Germani Auctore Constantio" by Constantius of Lyon: a thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Philosophiae Doctor. Galway, 2013.

2. Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: the Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, 2005.

3. Арнаутова Ю.Е. *Imitatio Christi*: Теологема и литературная модель в бенедиктинской агиографии // Одиссей. Человек в истории. 2004. №1. С. 99–139.
4. Арнаутова Ю. Е. Чудесные исцеления святыми и народная «религиозность» в средние века // Одиссей. Человек в истории. 1995: Представления о власти. М., 1995. С. 151–169.
5. Бикеева Н. Ю. «Тайный» аскетизм св. Радегунды: конструирование святости в агиографии раннего Средневековья // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 158 (3). С. 796–806.
6. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. М., 1995.
7. Голикова С. В. Чудо исцеления в контексте культа святых (на примере Симеона Верхотурского) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 4. С. 98-108.
8. Гонорат Массилийский. Житие Святого Илария епископа Аrelатского / пер. Д. В. Зайцева // Аrelатские проповедники V – VI вв. М., 2004. С. 92 – 127.
9. Зайцев Д. В. Герман, св., еп. Осерский // Православная энциклопедия в 59 т. Т. 11. М., 2006. С. 205-207.
10. Констанций Лионский. Житие святого Германа / Пер. на рус. яз. А. А. Бабиной и В. М. Тюленева. Иваново, 2019.
11. Парамонова М. Ю. Реликвии // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 405–408.
12. Парамонова М.Ю. Святые // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 467–478.
13. Паулин Медиоланский. Житие свт. Амвросия Медиоланского /Пер. О.П. Цыбенко. СПб, 2013.
14. Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды. М., 1994. С. 245–273.
15. Сульпиций Север. Житие святого Мартина, епископа и исповедника // Сочинения / пер. А.И. Донченко. М., 1999.

Г.Н. Беспалько,
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
Е.А. Кёрицдерфер,
независимый исследователь

**Проблема достоверности сведений в визуальном историческом
источнике на примере документального фильма «Твоя работа в
Германии»**

Одной из ключевых целей исторической науки, как и у любого другого научного познания, является открытие, описание и предание наибольшей огласке объективной истины, [2; с. 64] где эпитет «объективной» подчеркивает исключительное значение критерия достоверности научного знания или, как указывают отдельные исследователи, рациональности [1; с. 26].

С научно-техническим прогрессом в человеческой жизни появляются новые средства передачи информации, в частности – кинематограф. Бесспорным фактом является то, что киноиндустрия оказывала и продолжает оказывать колossalное влияние на формирование массового общественного сознания. При всестороннем и всеобъемлющем рассмотрении отдельных периодов новейшей истории, невозможно игнорировать произведенное в изучаемых хронологических рамках кино, становящееся в процессе научного познания важным визуальным историческим источником.

Учитывая вышеупомянутое, цель настоящей статьи, на примере отдельного документального фильма «Твоя работа в Германии», проанализировать достоверность визуального и текстового материала данного источника, выявить случаи искажения исторических данных.

Фильм «Твоя работа в Германии» («Your job in Germany») был срежиссирован в 1945 г. по заказу Военного департамента Соединенных Штатов Америки для обучающих целей – для демонстрации его содержания военному контингенту, выполняющему задачи, связанных с поддержанием порядка в Американской зоне оккупации Германии, реализацией положений,

утвержденных и закрепленных в протоколах соглашений Крымской и Потсдамской конференций [6].

После краткого вступления, демонстрирующего последствия поражения национал-социалистического режима во Второй мировой войне, повествование переходит к объяснению отдельных событий в немецкой истории, а именно – генезису наиболее значимых с середины XIX в. войн, в итоге, после краткого экскурса, обращая внимание зрителя на уже актуальные ко времени создания фильма события, переходя к «третьей части» - периоду правления Адольфа Гитлера.

«И ласковый, раскаявшийся, сожалеющий немецкий народ принес факел своей культуры...» - с этими словами начинается демонстрация кадров преступлений, совершенных немцами якобы в упомянутых диктором странах. Однако внимательный, обладающий соответствующими познаниями о кинематографе обозначенного периода зритель обратит внимание на явное несоответствие озвучиваемых утверждений с происходящим на экране.

«В Австрию» (5:19) - далее зритель видит кадр с трупом девушки и разбросанными вещами на фоне. Но в действительности к истории Австрии, в частности, к событиям мартовского Анилюса 1938 г. демонстрируемое не имеет никакого отношения. Кадр, вставленный в фильм, был вырезан из советской документалистики – из полнометражной киноленты 1943 г. «Битва за нашу советскую Украину», а убитая являлась жительницей города Харькова [3; 51:13].

«Голландию» (5:34) - здесь зритель видит проходящего с винтовкой солдата в шлеме Берндорфа, что никогда не входил в общевойсковой стандарт Вермахта, но использовался вооруженными силами Первой австрийской республики. Так мы обнаруживаем, что эти кадры не имеют никакого отношения к оккупации Голландии немецкими войсками, а были вырезаны из новостного выпуска «Movietone News», посвященного событиям Гражданской войны в Австрии в феврале 1934 г [5; 2:04].

«Данию» (5:37) – вновь солдаты в шлемах Берндорфа сопровождают задержанных преступников: та же самая ситуация, что и с «Голландией»: - кадры вырезаны из уже упомянутого выпуска «Movietone News» [5; 1:22].

«Люксембург» (5:42) - показана переживающая горе, погруженная в скорбь женщина, чей внешний вид определенно не соответствует ни

традиционной одежде самого Люксембурга, ни какой-либо из стран западной Европы. Как и в случае с «Австрией», мы вновь обращаемся к фильму «Битва за нашу советскую Украину», обнаруживая, что кадры «Люксембурга» вырезаны из советской фронтовой хроники [3; 3:01].

«Югославия» (**5:47**) – находящиеся у многочисленных гробов женщины – так же жительницы освобожденной из-под немецкой оккупации УССР, так же кадры были вырезаны все из той же «Битвы за нашу советскую Украину» [3; 3:07].

«Греция» (**5:50**) – аналогично «Югославии», показанная на кадрах изможденная женщина с ребенком – жительница освобожденного Харькова [3; 51:33].

Уже ближе к концу рассматриваемого нами фильма, завершив объяснение зрителю степень вовлеченности, по мнению сценаристов, немецкого народа в деятельность НСДАП, подчиненных данной партии организаций, снова сопровождая речь кадрами жертв немецких войск, мы видим среди отображаемого очевидное несоответствие. Например, удалось заметить фотографию (**12:12**) из знаменитого сборника норвежского исследователя Фриттофа Нансена периода голода в России с 1921 по 1923 гг. [4].

Вступительная заставка к рассматриваемому фильму гласит: «Вы только что увидели зверства, совершенные немцами», - однако, часть представленного кинематографического материала, как было нами доказано, не относится не только к периоду Второй мировой войны, но и к истории Германского Рейха в целом. Кроме того, излагаемые в фильме Военного департамента США сведения, сопровождаемые кадрами, относящимися к преступлениям немцев в ряде государств западной и южной Европы, на самом деле являются материалами советской документальной хроники освобождения УССР от немецких войск и их союзников.

Таким образом, даже такие визуальные источники, как документальные фильмы, как мы продемонстрировали на примере американской киноленты «Твоя работа в Германии», нуждаются в тщательной проверке на предмет достоверности излагаемых фактов.

Список источников и литературы:

1. Губанов Н.И., Губанов Н.Н., Третьяков Н.Г. Критерии некоторых аспектов научного знания // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2016. №1. С. 25-35.
2. Философия науки: учебное пособие для аспирантов. / Л. В. Баева, П. Л. Карабущенко, А. П. Романова, Ю.В. Алтуфьев. Астрахань: Издательский дом «Астраханский государственный университет», 2012. 329 с.
3. Битва за нашу советскую Украину. URL: <https://csdfmuseum.ru/films/126> (21.04.2024).
4. Фритьоф Н. сборник фотографий. URL: <https://avarchives.icrc.org/Picture/6714> (23.04.2024).
5. Movietone News. URL: https://youtu.be/umCX1SYgr_8?si=94Ja1Ii94w_mfvjy (21.04.2024).
6. U.S. National Archives YouTube channel: Your Job in Germany. URL: https://youtu.be/821R0lGUL6A?si=JF6vzZf_582qJzV7 (21.04.2024).

B.A. Буланова
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова

Отчеты о работе Маймаксанской школы как источник по истории образования в г. Архангельске в 1920-е гг.

После Октябрьской революции 1917 г. перед системой школьного образования была поставлена задача вырастить нового человека. В 1918 г. в РСФСР была создана Единая Трудовая Школа – государственная, светская, практикующая совместное обучение мальчиков и девочек и широкое самоуправление [4, с.36].

Основные тенденции, определявшие процесс реформирования школы, закладывались в центре, но конечные результаты зависели от степени их реализации на местах. В данной статье предпринята попытка проанализировать историю развития системы школьного образования в г. Архангельске на примере архивных документов Маймаксанской школы на 26

лесозаводе в 1920-е гг. Обращение к региональному аспекту исследования диктуется необходимостью определить роль и место школьного образования конкретной территории в развитии страны в целом и провинции в частности [2, с.160].

В фондах школьного музея школы №59 (в 1920-е гг. школа при 26 лесозаводе) находятся фотокопия отчета заведующей школы З.М. Быковой за 1921-1922 учебный год, копии отчетов заведующих школы А. Грицевой за 1924-1925 учебный год и А. Петрова за 1925-1926 учебный год. Все отчеты разноплановые. Отчет З.М. Быковой написан в свободной форме, у А.Грицевой отчет имеет четкую структуру, а отчет А.Петрова, написанный в 1926 г., представляет собой заполненную форму на 7 страницах, содержащую большое количество разнообразных сведений.

Кроме того, за период 1920-х гг. в музее хранятся фотокопии протоколов заседаний школьных советов, фото бланков учетных испытаний учащихся и фотокопия доклада по осмотру школ Маймаксанского района заведующим Школьного отделения и инструктора Культ-отдела Союза деревообделочников от 17 марта 1923 г.

Используя данные документы, попробуем проанализировать процесс организации образования в школах Маймаксы г. Архангельска в 1920-е гг.

Согласно отчетам 1925 и 1926 гг. школа I ступени (1 группа) при лесозаводе №26 появилась в 1917 г. В 1919 г. во время интервенции школа не функционировала, а в 1920 г. вновь возобновила свою работу. Радиус района, обслуживаемого школой, 7 верст: обслуживала свой завод, Экономию, лесозаводы №24, №27, п. Крепость (Новодвинская). Население заводов – рабочее, все поголовно заняты трудом по найму [6, л.137].

В период Гражданской войны и военного коммунизма материальное положение школы было очень тяжелым [4, с.40]. В годы Гражданской войны и интервенции в Архангельске «занятия в школе происходили с перерывами, часто менялись учащиеся. Программа тех годов далеко не выполнена, не проводилось много предметов, как, например, естествоведение, география, история...» [8, л.67]. В 1921/22 учебном году в школе было 4 группы и 1 учитель. Учительница К. Едемская приступила к работе в школе 20 января 1922 г. В конце учебного года она писала, что не смогла работать по

программе, так как «учащиеся не были подготовлены к проработке материала, относящегося к этой группе» [8, л. 65].

Количество учащихся увеличивалось ежегодно (Табл.1), но большой процент детей оставался на повторное обучение. Количество таких учащихся представлено в таблице в скобках.

Таблица 1. Количество учащихся и учащих в 1921-1926 гг. в школе при
26 лесозаводе.

Учебный год	Количество учащихся в группах					Количество учителей
	I	II	III	IV	всего учащихся	
1921-22	17 (2)	11 (5)	9	15 (2)	48 (9)	2
1922-23	18	27	8	11	64	2
1924-25	21 (4)	24 (6)	26 (5)	27 (4)	98 (19)	2
1925-26	33 (6)	29 (12)	27 (9)	26 (8)	115 (35)	4

В 1924-1925 учебном году на повторном обучении находилось 19% учащихся, в 1925-1926 учебном году – 30%. По стране в среднем в 1927 г. второгодники составляли 25% учащихся в городских школах [3, с.116]. Зав. школой А. Грицева называла следующие причины таких результатов работы школы: позднее начало занятий (в 1925-1926 уч. году начали учиться на месяц позже, 5 октября), частая смена учителей, большое количество учащихся в классах, недостаток учебных и наглядных пособий, использование нового комплексного метода в обучении [6, л. 137об]. Можно выделить еще одну причину оставления на повторный курс – пропуски занятий. За 1925/26 год по домашним обстоятельствам было пропущен 501, из-за заработка – 150 и из-за отсутствия обуви и одежды – 119 ученико-дней [7, л.10об]. Можно предположить, что в рабочих поселках и после революции сохранилась низкая оплата за тяжелый труд и неблагоприятные бытовые условия. В этом же отчете численность учащихся представлена по месту проживания, по национальности, по участию в юндвижении, по возрасту и по социальному положению. Так 90 из 115 детей – дети рабочих [7, л.10].

В начале 1920-х гг. в школах царила тяжелая санитарно-гигиеническая обстановка: «наспех открытые учебные заведения размещались в неприспособленных для занятий помещениях – домах учителей, раскулаченных крестьян, в отобранных у Церкви храмах» [3, с.38].

Такие же проблемы были и в школе при 26 лесозаводе. «Наша школа очень бедная во всех отношениях. Помещение совсем неприспособленное для школы: тесное, холодное, внутренний вид весьма непривлекателен для детского взора (виден один лишь мох между не струганными бревнами)» [8, л.66]. В собственное новое деревянное здание школа переехала в декабре 1924 года [5, л.25]. Но уже в 1926 г. оно требовало капитального ремонта и перестройки квартир для учителей в классы, так как всего было в школе 2 комнаты для занятий и 3 квартиры для учителей [7, л.9об].

Были проблемы у школы с учебниками и со школьными принадлежностями. «Учебников разумеется нет, кроме книг по чтению, нескольких штук задачников, да еще грамматик. Часто ощущается недостаток в бумаге, ручках и особенно карандашах и перьях. Пособий для преподавания тоже нет, приходится брать в соседних школах и у учащихся» [8, л.68]. В отчете за 1926 г. из поступлений в школу от Райсовета отмечалось 10 руб. и письменные и канцелярские принадлежности, а заводоуправление предоставило школе дрова, заплатило за воду и освещение. Другие источники финансирования не указаны, но в отчете 1925 г. упоминается о помощи местного населения в размере 180 руб. на учебники. Общее собрание рабочих и служащих л/завода «III Интернационала» пожертвовали 209 руб. для приобретения требуемых для школы и детей пособий [5, л.25]. В расходной статье упоминается покупка мебели и хозяйственного инвентаря на сумму 98 руб. 90 коп [7, л.12].

В 1920-е гг. учителей не хватало, и они часто менялись. В школе за 5 лет сменилось три заведующих школы. В 1925-1926 учебном году учащиеся IV группы пропустили 28 учебных дней по причине отсутствия учителя. Учителя вынуждены вести по 2 группы. В протоколе Школьного Совета от 28 ноября 1924 г. А. Грицева просила увеличить штат учителей до 3-х человек, т.к. 119 учащихся приходилось на 2 учителей. Она также просила заплатить учителям за вторую смену, которую они вели из-за отсутствия учебников. ГУБоно ответило отказом «за отсутствием средств» [5. Л.25]. И только в следующем учебном году штат был увеличен до 4 педагогов.

В 1925 г. учительское жалованье составляло 75% самой низкой ставки промышленного рабочего [3, с.95]. Учитель превратился в одну из бедствующих категорий населения [3, с.96]. В 1925-1926 учебном году

учитель школы I ступени получал от 28,3 руб. (в Сибири) до 44,5 руб. (в Москве) [3, с.96]. В этом же учебном году Маймаксанская школа при лесозаводе 26 на жалованье педагогам израсходовала 2182 руб. 79 коп. на 3 учителей и заведующего [7, л.12]. В среднем на каждого получается 45 руб. 47 коп. (возможно жалованье заведующего было чуть больше). Очевидно, что зарплата была немного выше, чем в Москве. Но удаленное положение школы от центра города и тяжелые условия труда, в которых приходилось работать учителям, приводили к тому, что педагоги покидали школу.

С 1923 г. в школах начинается введение комплексных программ. К 1924 г. научно-педагогическая секция Государственного ученого совета под председательством Н.К. Крупской подготовила новые программы для начальной школы. С 1924/25 учебного года эти программы стали обязательными для 1-2, а с 1925/26 учебного года – для 3 и 4 классов. В основу программ ГУСа было положено изучение трудовой деятельности людей [1, с.15]. В отчете 1924/25 учебного года А. Гривцева писала, что школа руководствовалась программой ГУСа, но комплексы проработаны только частично ввиду перегруженности учащих/ две группы 50 человек на учащего/. В программу вносили изменения и дополнения, взятые из условий окружающей жизни. Обучения трудовой деятельности в школе нет, так как при ней нет ни мастерских, ни пришкольного участка земли и ученики на производстве не работают [6, л.137].

Важной особенностью советских школ в 1920-е гг. были школьные органы самоуправления. Ученики объединялись в школьные советы и вместе принимали решения. В советы наравне с учениками входили учителя и административный персонал. Школьные советы следили за дисциплиной и успеваемостью учеников, могли в качестве наказания направлять провинившихся на общественные работы [3, с.75].

Попробуем проанализировать, как Школьный совет работал в этой школе. В отчете за 1925-1926 уч. год в пункте 29 (Школьное самоуправление) представлены следующие данные. Общее число членов – 120, количество заседаний – 2, количество часов – 6. Органы самоуправления представлены 4 комиссиями: санитарная (4 ч.), хозяйственная (8ч.), УЧКОМ (8 ч.), класском (12 ч.). В пункте 30 представлена информация о численности и составе Школьного Совета. Совет состоял из 16 членов, из них 4 учителя, 2

учащихся, 3 родителя и по 1 представителю от райсовета, ячейки ВКПБ, пионерской и комсомольской организаций, женорганизации, завком и от завоудупрления. [7, 11об] «Школьным советом разрешались следующие вопросы: недостаток учебников и учебных пособий, о проведении праздников, о мерах воздействия на учеников и о переводах. Самоуправление учащихся имеется в форме класскома и школьного совета. Затем имеется форпост, санитарная комиссия и редколлегии» [6, л.137]. Приведенные данные показывают нам, что в школе была организована работа органов самоуправления. Хотя 7 человек из 16 в Школьном Совете были представителями различных организаций далеких от школьного образования.

Таким образом, анализ делопроизводственных документов Маймаксанской школы при 26 л/заводе за 1921-1926 гг. даёт представление о принципах организации и деятельности школ г. Архангельска. В Архангельском регионе школы сталкивались с теми же проблемами и трудностями, что и по всей стране. Однако, учитывая, что школа находилась при лесозаводе и пользовалась поддержкой местных жителей – работников л/завода, можно предположить, что её материальное положение было немного лучше, чем по всей стране.

Список источников и литературы:

1. Ершова О. В. Начальное образование в РСФСР в 1920-е годы: исторический опыт // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. №5. С. 15–21.
2. Овчинникова, Н.П. Теоретико-методологические основы исследования школьного образования в 1920-30 г. на Русском Севере // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. -2009. - №1. - С.160-163
3. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
4. Филоненко Т.В. Этапы развития общеобразовательной школы в России: школьные системы XIX- первой трети XX вв.: автореф. диссертации д.и.наук: 07.00.02. Воронеж, 2004. 48 с.
5. ГААО. Ф.273. Оп. 1. Д.1216. Л.25
6. ГААО. Ф.273. Оп. 1. Д.1216. Л.137-137 об

7. ГААО. Ф.273. Оп. 1. Д.1517. Л.9- 12

8. ГААО. Ф.273. Оп. 1. Д.827. Л. 65-76

K. I. Кренёва

*Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

«Краткая история Англии»: колониальный джингоизм глазами Гилберта Честертона

Гилберт Честертон (1874-1936) – известный английский публицист (колониальной эпохи), оставивший нам великое литературное наследие. Он вошел в английскую литературу как прозаик, поэт и как автор значительного количества эссе на социально-политические, культурно-исторические и философско-теологические темы [3, с. 180]. Историкам, изучающим формирование джингоистских взглядов в английском обществе, следует обратить внимание на его книгу «Краткая история Англии», увидевшую свет в 1914 - 1917 гг., и нескольких эссе того же времени.

«Краткая история Англии» представляет собой сборник публицистики, состоящий из нескольких эссе: «Варварство Берлина», «Преступления Англии» и «Краткая история Англии». В России книга была издана и переведена только в 2017 г., тиражом 600 экземпляров. Сам сборник охватывает события накануне и во время Первой мировой войны, но одно из эссе, входящих в сборник, охватывает зарождение англичан как нации с самых первых событий становления английской государственности. Сборник пронизан честными размышлениями Честертона о действиях и ошибках, совершенных Англией на разных этапах ее развития.

Колониальная политика Британской империи последней трети XIX – начала XX в. вызвала глубокий резонанс среди общественно-политических деятелей: с ненавистью или страстью о ней отзывались разные видные деятели эпохи, такие как Джордж Оруэлл, Артур Конан Дойл, Редьярд Киплинг, Уинстон Черчилль, Бенджамин Дизраэли и другие не менее известные личности. Многие из них оставили свои произведения, эссе, речи и мемуары, в которых отразили свои мысли по поводу данной политики. Их

мировоззрение, взгляды и личностная оценка обрели широкий масштаб среди настроений общества и получили названия течения джингоизма, т.е. идеологии, провозгласившей шовинистский национализм и превосходство английской нации над другими.

Следует подчеркнуть, что произведения политиков и писателей, в которых содержатся джингоистские взгляды, до сих пор востребованы обществом. Эти публикации не первое столетие тревожат ума людей – их отголоски появляются и в современной политике, в частности, Brexit является одним из ярчайших примеров как культурной, так и политической сегрегации британской политики.

Для глубокого анализа произведений Г.Честертона как исторического источника следует обратить внимание на два основных фактора, которые сформировали Г.Честертона как активного социального публициста, пишущего по проблематике колониальных отношений. Первым из них явилась англо-бурская война, вторым – пропагандистский литературный фронт против немецких интеллектуалов в 1914 г.

Литературовед-переводчик И. Кашкин написал, что в ряде статей и в книге «Англия как нация» (“England a Nation”, 1904) Г.Честертон подвергает серьезной критике «бороедский шовинизм» джингоистов, их идеологию «пути белого человека» как единственно верного приобщения благам прогресса Британской империи, с которыми Г.Честертон не был согласен. Он, наоборот, отстаивал права маленького угнетенного народа [1, 2].

В предисловии к книге «Краткая история Англии» переводчик Сергей Минаев уточняет, что в отличие от Киплинга и Конан Дойла, Г.Честертон относился к англо-бурской войне очень плохо. Он считал ее ошибкой, вызванной нечистоплотными происками олигархических верхушек, и яростно заявлял об этом своем убеждении на страницах газет [4, с. 7]. Он говорил, что Бурская война была грязной работой, сделанной под бичами ростовщиков. … думаю, Деншавайское дело – это дьявольщина [4, с. 147]. И в ряде предложений звучат негативные слова о джингоизме и о сочувствующих, и поддерживающих его людей.

Все это свидетельствует о том, Гилберт Честертон в своих представлениях не был джингоистом – у него был свой политический взгляд, особо отличный от властвующего тогда джингоизма.

В последующей обстановке накануне и во время Первой мировой политический взгляд публициста потерпел серьезные изменения. Он был приглашен на встречу с членом Палаты общин и младшим министром в правительстве Чарльзом Мастерменом в сентябре 1914 г. в дом “Веллингтон хаус” на улице Пэтти Франс (сейчас на этом месте на лондонской улице стоит новое здание), где его обязали участвовать в создании пропагандистского литературного фронта Британии, направленного для противодействия германским интеллектуалам и содействия в приобретении дружеских отношений с другими государствами. Г.Честертон уступил – часть «Краткой истории Англии», которая называется «Варварство Берлина», связала его с джингоизмом, который пропитывает своими оттенками и остальные его эссе.

Подтверждение этому можно найти в следующем утверждении Г.Честертона, который характеризовал британскую политику как «логичные и законные интересы Англии» [4, с. 18]. Он обосновывал это тем, что «у Англии есть свои материальные интересы, которые она будет защищать, и мы будем использовать самые разные возможности для их защиты» [4, с. 20-21]. Данные высказывания оправдывали притязания Британской империей на новые территории.

В анализируемом тексте Г.Честертона встречаются реплики, несущие оттенки пренебрежения по отношению к «менее развитым народам», а также буквально обеляющие британскую колониальную экспансию. Он называл жителей Индии и Алжира «диковатыми азиатами и африканцами» [4, с. 29], а буров характеризовал как «темных, малоразвитых, суэтных и провинциальных» обитателей Южной Африки [4, с. 314].

Идея превосходства, свойственная джингоизму, выражена у Г.Честертона и по отношению к немцам. Он писал, что «...немец и англичанин похожи, что рискует обобщить их, как будто они одинаковы» [4, с. 52]. По его мнению «немцы не могут быть глубокими, потому что не позволяют себе быть поверхностными» [4, с. 116].

К немцам Г.Честертон в «Краткой истории Англии» относится очень негативно в целом. В его произведении повсеместно встречается обвинение немецких правителей и военное руководство как источник всех имеющихся на международной арене проблем. В тексте Германия и немцы выставляются

в лучшем случае - врагами, в худшем – варварами, с военной муштрой и подобными вещами.

Таким образом, можно отметить, что во взглядах Г.Честертона в этот период времени присутствует джингоизм, несмотря на непосредственное отрицание этого факта самим писателем. Несмотря на яростное отрицание Гилбертоном Честертоном своей причастности к среде джингоистов, нельзя назвать его человеком, полностью противостоявшему этому течению. Его позицию можно обозначить как двойственную: с одной стороны, он негативно характеризовал политику Британии по отношению к бурам, но поддерживал ее участие в Первой мировой войне. Свою политическую позицию накануне и в период войны Г.Честертон не оценивал как джингоизм, называя это национализмом и яркой любовью к своей родине.

Если оценивать «Краткую историю Англии» с точки зрения эмоций, то ее, наверно, можно назвать экспрессивной. Текст буквально пропитан словами, в которых звучит страстное желание передать читателю позицию Британии. В частности, Г. Честертон писал, что «великие нации Запада двинулись вперед» [4, с. 166], он подчеркивал, что «запись британцев добровольцами на эту войну – наиболее подлинное и чистое народное движение, которое мы наблюдаем со времен чартистов» [4, с. 67]. На одну планку онставил ее союзников – Францию и Россию: «Ничто не может превзойти в единстве как моральной величине подразделения французов, британцев или русских» [4, с. 162]. Кроме этого, для достижения непосредственного контакта с читателем он использовал местоимение «мы», как бы предлагая ему разделить точку зрения автора, проникнуться чувствами и мотивами Британии в данном вопросе.

Таким образом, анализируя «Краткую историю Англии» и сопутствующие этому произведению эссе Г.Честертона, можно сделать вывод, что он являлся одним из немногих общественных деятелей, распространявших идеи джингоизма, отстаивая интересы своего государства.

Но вместе с тем, писатель говорил о необходимости защиты культурных ценностей и свободы личности, был противником империализма и войн, выступал за мирное решение конфликтов и братство между народами, а также с уважением относился к некоторым политическим деятелям, которые способствовали или пытались сделать как можно лучше для своего народа.

Список источников и литературы:

1. England: a Nation. Being the Papers of the Patriots' Club / Ed. by L. Oldershaw. London. 1904 [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/englandnationbei00patruoft/page/18/mode/2up> (27.04.2024).
2. Кашин И. Г. К. Честертон. [Электронный ресурс] URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/kashkin-chesterton.htm> (26.04.2024).
3. Плахтиенко О. П. Идея традиции в творчестве Г. К. Честертона // Вестник Свято-Филаретовского института. 2018. - №25. – С. 179-197.
4. Честертон Г. Краткая история Англии и другие произведения 1914-1917: эссе. - СПб., 2017.

А.А. Лысцева
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

Реакция американского общества на проявление расизма в фильме "Унесенные ветром"

В 1939 г. в американских кинотеатрах был показан художественный фильм “Унесенные ветром”, созданный режиссером Виктором Флемингом и спродюсированный Дэвидом Сэлзником. Он оказался самым продаваемым для своего времени, собрав более 189 млн. долларов за год своего выпуска [3]. После его выхода газеты дали «Унесенным ветром» положительные отзывы, однако некоторые критики того времени сочли его достаточно долгим, фильм шёл почти четыре часа, и неубедительным в своей напряжённости.

Американский кинообозреватель, сценарист и журналист Фрэнк Ньюджент для “The New York Times” резюмировал общее настроение, осознавая, что это была самая амбициозная кинопродукция для того времени, но фильм не был величайшим из когда-либо снятых, однако, он нашел это «интересной историей, красиво рассказанной» [7].

На протяжении десятилетий фильм популярен у общества из-за поставленных в нем острых проблем. Даже сейчас он находится под огнем

критики в связи с распространением в США движения “Black Lives Matter”, которое выступает против проявлений расизма в различных сферах жизни американского общества, в том числе и в киноиндустрии.

Так, в 2017 г. фильм был снят с показа в кинотеатре «Орфей» после тридцати четырех лет ежегодного показа [9]. Затем в летом 2020 г. американская телевизионная сеть HBO Max удалила его из своего реестра. Ее представитель выступил со словами о том, что фильм является “продуктом своего времени”, и в нем были изображены предрассудки, которые были ошибочными как для того времени, так и для современного [4]. Фильм вернули в том же месяце после продолжительных споров о политкорректности.

Методологически автор данной публикации опирается на статью Марка Ферро, известного историка школы Анналов "Кино и история", в которой он относит "Унесённые ветром" к категории художественных фильмов, сделанных на историческом материале и являющихся историческими источниками, поскольку их создатели "предлагают глобальную интерпретацию истории, существующую лишь благодаря их анализу и представляющую собой не просто реконструкцию или воспроизведение истории, но оригинальный вклад в толкование событий прошлого и их связей с настоящим" [1. с.57].

Чтобы понять, почему фильм получился в “расистском” стиле, следует обратиться к биографии его создательницы - Маргарет Манерлин Митчелл (1900-1949), американской писательницы и журналистки. Митчелл написала роман эпохи Гражданской войны в Соединенных Штатах Америки «Унесенные ветром», за который она получила Национальную книжную премию в области художественной литературы как самый выдающийся роман 1936 г.

М. Митчелл слышала истории о Гражданской войне от своих родственников, пока росла: «В воскресные дни, когда мы навещали родственников старшего поколения, тех, кто был активен в шестидесятых, я сидела <...> и слышала, как они разговаривали» [5, с. 161].

Роман изображает Гражданскую войну и Реконструкцию через призму взглядов южанки. Раньше они были известны только из интерпретации северян, как сочувствующих, так и враждебных. Однако, масштабы этих

событий по-прежнему ограничены обществом аристократических белых южан на протяжении всего романа.

Идеологически «Унесенные ветром» можно назвать апологией капитализма во время его возрождения в конце Великой депрессии. К 1939 г. страна все еще испытывала последствия Великой депрессии несмотря на длительный период рузвельтовских реформ, была идентична Югу во время Реконструкции. По мере того как Депрессия продолжалась, довоенные особняки увеличивались в размерах и масштабах, примером которых стал фантастический дворец Двенадцати дубов в данном фильме.

Историк, изучающий афроамериканское кино, Томас Криппс, считал, что фильм оказал большое влияние на взаимодействие Голливуда и афроамериканской аудитории [6, с. 209-211]. Больше, чем любой другой, начиная с "Рождения нации", он оказал сильное социальное влияние на формирование союза белых либералов и афроамериканцев, которые вместе ожидали момента, когда афроамериканцы смогут достичь равенства. По словам Т. Криппса, фильм стал примером для измерения социальных изменений [6, с. 209-211].

В фильме были показаны типичные образы афроамериканцев для того времени, а именно: Мамушка и Присси.

Персонаж Мамушки, которого играет актриса Хэтти Макдэниел, был связан с обычным персонажем «счастливой рабыни», архетипом, который потакает рабству.

Но британская писательница и член общества по изучению американского общества Хелен Тейлор в «Женщинах Скарлетт: Унесенные ветром и его поклонниками» [8, с. 9] утверждала, что характер Мамушки сложнее, чем ее персонаж представляет кого-то, кто заботился о других, несмотря на расизм и угнетение, от которых она страдала.

С другой стороны, Мамушка часто высмеивает других рабов на плантации как «полевых рабочих», подразумевая, что как домашняя прислука она выше «менее утонченных» черных. Это наиболее очевидно в сцене, в которой Мамушка и Скарлетт идут по улице, а Мамушка проходит мимо саквояжа-янки, который обещает группе бывших рабов «сорок акров и мула». Бывшие рабыни возбуждены, но Мамушка неодобрительно смотрит на них.

Персонажа Присси, который очень похож на образ пиканинни, играет актриса Баттерфлай МакКuin. Образ раскритиковали за увековечивание стереотипа о том, что черные маленькие рабы глупы и ведут себя по-детски. В одной из сцен, когда Мелани вот-вот родит, Присси плачет и признается, что солгала Скарлетт: «Лоузи, нам нужен доктор. Я ничего не знаю о рождении детей!». В ответ Скарлетт дает ей пощечину.

Члены афроамериканского сообщества раскритиковали многих чернокожих актеров за то, что они согласились сыграть роль в фильме. Оскар Полк, сыгравший роль Порка, написал статью в “Chicago Defender” — известной газете чернокожего сообщества — в ответ на эту критику. «Как раса мы должны гордиться, тем, что мы так далеко поднялись над статусом наших порабощенных предков, и радоваться изображать себя такими, какими мы когда-то были, потому что никак иначе мы не можем так ярко продемонстрировать, насколько далеко мы пришли за так мало лет» [2].

Из этого следует, что возможность играть в кино на второстепенных ролях — это прорыв, но проблемы афроамериканцев на этом не заканчиваются. Презентация кино предполагает премьеры в различных городах, однако во времена расовой сегрегации в Соединенных Штатах в большинстве отелей и гостиниц не принимали темнокожих. В кафе и кинотеатрах были отдельные места и залы для цветного населения.

Подобная сегрегация случилась на премьере фильма в Атланте, штат Джорджия. Поскольку Джорджия была сегрегированным штатом, из-за этого Хэтти Макдэниел должна была сидеть в «цветной» части кинотеатра. Для того чтобы не беспокоить Д. Сэлзника, она отправила письмо, в котором говорилось, что не сможет присутствовать. Когда Кларк Гейбл услышал, что она не хочет присутствовать на премьере из-за расовой дискриминации, он пригрозил бойкотировать премьеру, если ее не пустят. Позже он уступил, когда Х. Макдэниел убедила его уйти [10, с. 211].

В заключение следует сказать, что в фильме афроамериканцы выглядят унизительными и стереотипизированными. Главные афроамериканские герои изображаются как слуги, по нашему мнению, лишенные достоинства и индивидуальности, находящиеся в зависимом и подчиненном положении относительно белых персонажей. Это карикатурное представление

чернокожих персонажей поддерживает негативные расовые стереотипы и возрождает болезненные аспекты исторической дискриминации.

Таким образом, даже спустя десятилетия после выпуска фильма "Унесенные ветром", современные американцы продолжают видеть в нем отражение расистских убеждений и потенциально опасное искажение истории, стимулирующее негативные взгляды на расовое и культурное многообразие.

Список источников и литературы:

1. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. №2. С.47-57.
2. ‘Gone With the Wind’ and Hollywood's Racial Politics // The Atlantic : сайт. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1999/12/gone-with-the-wind-and-hollywoods-racial-politics/377919/> (20.04.2024)
3. Gone With the Wind // Box Office Mojo : сайт. – [Электронный ресурс] URL: https://www.boxofficemojo.com/release/group/gr2907263493/?ref_=bo_tt_gr_1 (27.04.2024).
4. HBO Max Removes ‘Gone With the Wind’ From Streaming Platform, Says Film Will Return With “Discussion Of Its Historical Context” // DEADLINE: сайт. – [Электронный ресурс] URL: <https://deadline.com/2020/06/hbo-max-removes-gone-with-the-wind-1202955106/> (27.04.2024).
5. Hines M. S. More Than Petticoats: Remarkable Georgia Women. Guilford, 2003.
6. Lupac T. B. Literary Adaptations in Black American Cinema: From Oscar Micheaux to Toni Morrison. New York, 2002.
7. Nugent F. S. The Screen in Review; David Selznick's 'Gone With the Wind' Has Its Long-Awaited Premiere at Astor and Capitol, Recalling Civil War and Plantation Days of South — Seen as Treating Book With Great Fidelity // The New York Times. 1939. December 20
8. Taylor H. Scarlett's Women : Gone with the Wind and its Female Fans. New Brunswick, 1989.
9. Theatre in Memphis Pulls 'Racially Insensitive' Gone With the Wind // The Guardian [Электронный ресурс] URL:

<https://www.theguardian.com/film/2017/aug/29/theatre-in-memphis-pulls-racially-insensitive-gone-with-the-wind> (27.04.2024).

10. Warren G. H. Clark Gable: A Biography. New York, 2002.

E. С. Марданова

*Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина*

История Древнего мира в трудах Н.И. Кареева

Многие российские историки изучали и изучают период Древнего мира, который хранит в себе историю развития быта людей, образования государств и городов. Не обошел своим вниманием проблемы древней истории и выдающийся российский и советский ученый Николай Иванович Кареев (1850-1931). Его имя, в первую очередь, ассоциируется с изучением истории Нового времени, революций во Франции и Англии, построения общей теории исторического процесса. Исследователи его творчества отмечают: «Перу Н.И. Кареева принадлежит более 1 000 печатных работ, однако многое из написанного им до сих пор хранится в различных архивах и остается неизвестным научному сообществу» [8, С. 347].

В тоже время, Н.И. Кареев исследовал вопросы и древней истории. Данная работа представляет собой первую попытку представить общий обзор трудов Н.И. Кареева по указанной проблематике.

Изыскания Николая Ивановича Кареева, связанные с рассмотрением истории Древнего мира, целесообразно разделить на несколько групп:

- 1) общие работы, посвященные Древней истории,
- 2) труды, сосредоточенные на представлении узкоспециализированной проблематики (статьи и книги: «Миф и героический эпос», «Книга г.Гревса о римском земледелии» [4], «О причинах падения Римской Империи» и др.);
- 3) учебные материалы («Учебная книга по Древней истории» [6], «Лекции по древней истории, читанные проф. Н.И. Кареевым на Высших женских курсах», «Город-государство античного мира» и др.).

Рассматривая работы ученого, можно заметить, что он раскрывает рассматриваемый этап развития общества не только как период истории, но и как предмет изучения в литературе, философии.

В своей работе «Идея всеобщей истории» историк излагал концепцию всеобщей истории как единого процесса развития общества [3]. Он считал, что каждый период исторического процесса важен. Одна эпоха порождает другую, внося свои изменения. Древний мир, античность представляют собой источник, базис, фундамент, на котором, по мнению историка, строится последующее эволюционное развитие цивилизации.

Изучение истории Древнего мира на примере конкретных стран способствует детальному рассмотрению периодов и развития общества в политическом, социальном, экономическом и культурном плане. Таким образом, можно проанализировать общий ход становления и формирования определенного государства на разных этапах его существования. На примере работ «История Древнего Востока», «История Древнего Рима», мы можем проследить историю стран от возникновения государств до их падения – Н.И. Кареев дал подробный анализ изменениям и трансформациям древних государств.

Немаловажной является и третья группа работ ученого, которые появились в связи с необходимостью представить материал для учебных курсов в общеобразовательных учреждениях. Н.И. Кареев считал крайне важным дело воспитания и просвещения молодого поколения. За время своего преподавания историк столкнулся с проблемой новистики и структурирования учебных материалов для школьников и студентов, после чего решил разработать свои учебники, которые удовлетворят его требования.

Учебные книги Н.И. Кареева по древней истории представляют собой материал, который будет интересен не только для школьников, но и для учителей и студентов в процессе изучения истории. Материалы написаны ясным и понятным языком, что делает их доступными для студентов и преподавателей с разным уровнем подготовки. В своей книге «Город-государство античного мира» (написана в 1903 г.) представлены его лекции для студентов экономического курса по древнему миру. Этот курс Кареев приравнивал к типологическому, так как важной задачей было проследить

эволюцию античного города-государства и не касаться внешней истории Древнего мира [7]. «Он понял, что студентам-экономистам нужно не то, что студентам историкам, и задумал читать особые, ...типологические курсы», впоследствии в период 1903-1908 гг. в свет вышли 5 томов типологических курсов [5, с. 223].

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить широту исследовательских интересов Н.И. Кареева. Будучи общепризнанным специалистом по истории стран Европы в Новое время, он, тем не менее, занимался разработками проблем и Древней истории.

Список источников и литературы:

1. Галямичев А.Н. Вопросы истории западных славян в наследии Н.И. Кареева. // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания. Сб. трудов конференции. Казань, 2021. С. 163-168.
2. Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего Востока. СПб., 1887. 80 с.
3. Кареев Н.И. Идея всеобщей истории. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 9 сентября 1885 г. СПб., 1885. 20 с.
4. Кареев Н.И. Книга г. Грэвса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № XI. С. 1-27; № XII. С. 1-20.
5. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. [с. 5-45] и comment. В. П. Золотарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
6. Кареев Н.И. Учебная книга древней истории: С ист. карт.: Учеб, дорев. России по истории / Сост., авт. предисл. и примеч. Е.С.Скворцова. М.: Просвещение, Учебная литература, 1997. 320 с.
7. Лекции по древней истории, читанные проф. Н.И. Кареевым на Высших женских курсах. Курс I. 1890–1891 г. [СПб.], 1891. 696 с.
8. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев и «толстые журналы» его времени: в поисках «своего» издания // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 347-366.

П.А. Михеева
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

Американский кинематограф в 1920-е гг. как средство пропаганды расистских идей Ку-клукс-клана

Второй Ку-клукс-клан (KKK, Клан, «Империя») был образован в 1915 г. с правом использования атрибутов, традиций и регалий своего предшественника. Расцвет расистской организации пришелся на 1920-е гг., но для пропаганды своей идеологии в американском обществе ККК уже было недостаточно прежних форм и методов. В качестве нового канала влияния на сознание американцев был использован кинематограф, поэтому для глубокого изучения деятельности Клана в указанный период в качестве исторического источника необходимо рассматривать кинофильмы, пропагандирующие расистские взгляды. «Пропагандистские фильмы являются одним из наиболее ярких аспектов кино, предстающего как фактор истории», - писал в Марк Ферро, один из ярких представителей Школы Анналов, занимавшийся историей кинематографа [1, с. 50].

Появившись в 1892 г., американский кинематограф стремительно развивался. К 1908 г. в Соединенных Штатах насчитывалось более тысячи кинотеатров, большинство из которых составляли доступные многим гражданам дешевые «никельодионы». Большой успех нового развлечения привёл к появлению кинотрестов и объединению их с прокатными компаниями. К двадцатым годам кино в Америке стало индустрией.

Успех художественного фильма «Рождения нации», вышедшего на экраны в 1915 г., послужил мощным стимулом для роста численности и авторитета Ку-клукс-клана, благодаря чему клансымены с самого начала не подвергали сомнению важность кино для развития «Невидимой империи». В день премьеры члены Клана прошли парадом перед театром, в дальнейшем активно посещали неоднократные коммерческие показы. Копии фильма стали одним из основных элементов клановской пропаганды. Отражающий предрассудки общества, раскрывающий его страхи, фильм «Рождение нации» был для Ку-клукс-клана наглядным пособием, объясняющим его

историческое значение и роль в американском обществе. Учитывая, что вербовщики показывали фильм правильно подобранный и заранее подготовленной аудитории, результат воздействия кинокадров, ярких образов и динамичных сцен, был впечатляющим. В 1921 г. численность Клана составляла 100 тыс. чел., а уже в 1924 г. «Невидимая империя» насчитывала около 4 млн. членов, которые принадлежали, в основном, к низшему среднему классу [2, с. 37].

Помимо этого, уже к середине 1920-х гг. в публичных спорах Ку-клукс-клан стал прочно ассоциироваться с рядом фильмов. Так, Клан присвоил антирадикальный фильм «Лицо у вашего окна» («The Face at Your Window», 1920 г.), снятый американским легионом и эффективно использовал его [3, с. 3]. Связывая своё имя с фильмами, Клан напрямую не касающимися, «Империя» закрепляла за собой статус главной праворадикальной организации в Америке, претендую на звание единственного спасителя американского общества.

Стремясь использовать кинематограф для своих целей, ряд руководителей ККК непосредственно спонсировали несколько новых кинокомпаний. В частности, такими, как «Великий дракон» в Индиане Д.К. Стивенсон [3, с. 4]. В 1921 г. обсуждалась возможность «производства фильмов в больших масштабах». Понимая роль пропаганды в своей деятельности и учитывая роль кино, Клан выделял на него значительные средства. Новый «Имперский волшебник» Х. Эванс, публично осуждавший насилие, желал сменить вектор деятельности Клана с линчевания и погромов на политическую борьбу, стремился заручиться поддержкой общества, которую и призваны были обеспечить новые кинокартины [5, с. 6].

Из наиболее значимых в деле пропаганды клансменами были созданы такие фильмы как «Предатель внутри» («The Traitor Within», 1923 г.) и «Расплата за справедливость» («The Toll of Justice», 1923 г.). Они рекламировались, с одной стороны, как популярные и развлекательные для широкой зрительской аудитории, а, с другой, как обучающие и вдохновляющие самих клансменов. Попытки легально прокатывать данные фильмы в кинотеатрах не увенчались успехом, однако они показывались неофициально на собраниях Клана, в церквях и школах.

Фильм «Предатель внутри» знакомил общественность с «истинными» принципами и ценностями Ку-клукс-клана и продвигал высокоморальный и благородный образ «Империи», которая выступала за наведение порядка и обеспечение безопасности посредством моральной реформации общества. Так Х. Эванс видел и желал показать Новый Клан. Опора не на страх, а на обещание лучшего будущего стала новым средством клановской пропаганды.

Упомянутые выше фильмы 1923 г. выпуска содержали как реальные кадры с церемоний клана, так и постановочные сцены с вымыщенными сюжетами, которые создавали сценаристы клана для добавления динамики действиям. Следует отметить, что фильмы, использующиеся пропагандистами Ку-клукс-клана, применяли новейшие технологии своего времени. В частности, фильм «Рождение нации» был первым «полным метром», поскольку длился три часа и содержал более полутора тысяч сцен, а также привёл к появлению кинематографического штампа «кавалерия из-за холмов». В фильме «Расплата за справедливость» широко применялись как спецэффекты (акробатика, постановка автокатастроф и т.п.), так и литературные и художественные приёмы, повышающие заинтересованность зрителя, например, элементы детектива [4, с. 374].

Фильм «Расплата за справедливость» был создан ради того, чтобы, показывая «правдивую историю», очистить запятнанную убийствами и запугиванием репутацию Ку-клукс-клана. «Волшебник» Х. Эванс должен был оправдать Клан, объяснить его прошлое так, чтобы легитимизировать претензии на высокоморальность и спасение общества в настоящем. Плакат в журнале “*Kluxer*”, опубликованный 5 января 1924 г. в качестве рекламы фильма, изображал вопросительный знак, обернутый вокруг капюшона, и слоган «Посмотрите на Расплату за справедливость, чтобы получить ответ».

Ярче всего желание рассказать «свою правду» прослеживается в сцене фильма «Расплата за справедливость», когда афроамериканский слуга, идущий по лесу с поручением, сталкивается с якобы «клансменами», пугается и убегает, а самозванцы, сняв украденные у настоящих клансменов капюшоны, смеются над ним. Она показывает, что запугиванием афроамериканцев занимались не члены Клан, а лишь притворщики, желающие испортить «Империи» имидж и повеселиться за счёт страха чернокожего населения перед одним лишь именем Ку-клукс-клана [5, с.19].

Несмотря на попытку создать новый миролюбивый образ Клана в глазах зрителей, данный фильм ни на шаг не отходит от принципов и идей «Империи», открыто транслируя основную догму – превосходство белой расы. Это достигается за счёт представления афроамериканского населения неграмотным, послушным, обладающим низким уровнем интеллекта и желающим по своей воле, даже, несмотря на отмену рабства, традиционно уступать и угодывать белому населению [5, с. 20]. Смещение акцента в представлении освободившихся афроамериканцев с «жестоких варваров» на «безобидных простаков» способствовало уменьшению агрессивных настроений в обществе, при этом не снижая градуса расизма, а наоборот закрепляя его как естественную норму.

Одним из главных приёмов пропагандистского кино, в том числе и клановского, является эмоциональное давление на зрителя. Таким примером является финальная сцена «Расплаты за справедливость», которая напрямую манипулирует аудиторией, показывая, как в центр круга собравшихся клансменов выходит, как символ белого населения Америки, белая девушка, олицетворяющая причину их встречи: «привлечь преступников к ответственности». Текст, появляющийся на экране после этой сцены, апеллирует к традиционным морально-этическим ценностям христиан: мужественности и женственности, храбрости и долгу, правосудию и справедливости. Этим фильм оправдывал преступную деятельность Ку-клукс-клана как в прошлом, так и в настоящем, заставляя зрителей не обращать внимания на преступления Ку-клукс-клана, а сосредоточится на необходимости таких действий.

Исследователи кинематографа обнаружили множественные заимствования кадров, сцен или сюжетов из «Рождения нации» в других фильмах Ку-клукс-клана [4, с. 5], что позволяет говорить, с одной стороны, об однообразии образов в пропагандистском кинематографе Клана, а, с другой стороны, о принципиальной и последовательной консервативности в его самопрезентации. Существенное различие между фильмами 1915 г. и 1923 г. играет именно контекст использования образов и способ донесения до зрителя расистских убеждений. Если создатели «Рождения нации» делали ставку на открытую демонизацию и стереотипизацию афроамериканского населения, то в «Расплате за справедливость» прослеживается попытка более

тонко и завуалировано продемонстрировать низшее положение чёрной расы, что, однако, может оказать на публику даже более устойчивое и сильное воздействие, за счёт безобидности и неочевидности. Несмотря на коммерческий неуспех, «Расплата за справедливость» демонстрирует способы и масштабы взаимодействия Ку-клукс-клана с широкой аудиторией посредством массовой культуры межвоенной эпохи.

Создание фильмов помогало Клану указать обществу на виновников его бед, ярким и простым языком объяснить свои идеи и обрасти последователей, указав им направление и методы для дальнейшей борьбы. Фильмы 1923 г. отражают смену парадигматических идей в способах достижения Ку-клукс-кланом его целей. Для нового времени нужен был Новый Клан, готовый открыто выражать свою политическую позицию и быть активным участником общественной жизни.

Расистская пропаганда Клана распространялась не только непосредственно через кинопродукцию, но также через кинематографическую критику и дискуссии. Ку-клукс-клан вёл борьбу с аморальным и безнравственным кино, выражал протест против еврейских продюсеров, управляющих американской киноиндустрией. Одной из наиболее важных в этой борьбе была тема высмеивания протестантского образа жизни, а также тема смешения рас. Стремясь подтвердить свою репутацию защитника морали и нравственного ориентира общества, Клан яро осудил выходящие за рамки протестантской морали фильмы «Пилигрим» (1923 г.) и «Белла Донна» (1923 г.) [6, с. 5].

Исследование кинематографической деятельности Ку-клукс-клана, показывает, что расистская организация, первоначально использовавшая кино для представления своей сути, принципов, целей и задач, а также формирования положительного общественного мнения в культурном пространстве США 1920-х гг., постепенно перешла к попыткам повлиять на тенденции и идеи американской индустрии развлечений своего времени, через которую «Империя» реализовывала свои политические амбиции. Анализ пропагандистского кино Ку-клукс-клана позволяет проследить изменения в принципах и способах осуществления его деятельности, а также в понимании сути и миссии Клана его руководством и членами.

Список источников и литературы:

1. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 47-57.
2. Иванов Р.Ф., Лисневский Э.В. Ку-клукс-клан. М.,1981.
3. Pegram T.R. White Robes, Silver Screens: Movies and the Making of the Ku Klux Klan // Civil War Book Review. 2016. Vol. 18. № 2.
4. Rice T. Protecting Protestantism: The Ku Klux Klan vs. The Motion Picture Industry //Film History: An International Journal. 2008. Vol. 20. № 3. P.367-380.
5. Sager H. R. The Ku Klux Klan's Portrayal of African Americans in Mass Media Technology. Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports. West Virginia University, 2010.
6. Егоров С. О. Кино, история, идеология: возможные подходы к интерпретации кинотекста // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 11–20.

A.B. Уварова

*Санкт-Петербургский университет
промышленных технологий и дизайна*

Мемориальный гардероб как источник исследования.

Костюм – это неотъемлемая часть жизни человека. Он отражает в себе мировоззрение личности, ее взаимодействие с другими членами общества в социальных, политических и экономических сферах. Кроме того, костюм может служить инструментом установления власти, принуждения к соблюдению правил. При осуществлении данной задачи значимую роль играет военная форма одежды - символ армии, военной мощи страны. Она также может выступать как инструмент сохранения традиций, связи между поколениями.

Как отмечал английский историк моды и костюма С.У. Канингтон, костюм — это искусство, отражающее современные идеалы, стандарты вкуса и социальные потребности [8, р. 126]. В данном контексте мемориальные предметы, принадлежавшие известным историческим личностям, в особенности представителям монархии, являются наиболее ценным источником. На данный момент они, как правило, хранятся в собраниях

музеев. Коллекции предметов одежды членов императорской фамилии в русской музейной традиции принято называть гардеробами¹. Стоит отметить, что в музеологической науке практически не представлено исследований, в которых было бы дано четкое понятие данного термина.

Вместе с тем предметы гардеробов представляют собой комплекс уникальных источников. Через них исследователь может расширить биографические данные о личности, которой они принадлежали. Кроме того, предметы гардероба могут выступать образцами модного костюма и/или обмундирования своей эпохи. Также стоит отметить и их роль в качестве источника по изучению истории собрания музея, в котором они хранятся. Таким образом, задачей данной статьи является подробное рассмотрение предложенных тезисов.

Как часть музейного собрания, мемориальный гардероб является ценным источником при изучении истории самого музея. С сохранения предметов одежды знатных особ свое начало берут многие протомузейные формы, в последствии вошедшие в состав собраний крупнейших музеев. В России таким примером может служить Государева мастерская палата, в которой хранились костюмы царской семьи. «Гардеробные хранилища» описывались ответственными за их состояние людьми,ими же проводились постоянные ревизии, в результате которых вещи или утилизировались, или использовались для пошива новых нарядов, или вручались почетным гостям в качестве дара. В 1712 г. часть костюмов, принадлежавших императору Петру I, была перевезена из Москвы в Петербург. Здесь они были размещены в царских кладовых при зданиях, подведомственных императорскому двору, а в последствии перешли в собрания ряда музеев (Кунсткамера, Артиллерийский музей, Эрмитаж). Государева мастерская палата с оставшимися в ней костюмами в 1722 г. была объединена с другой царской сокровищницей – Оружейной палатой, чьи коллекции также были музеифицированы в 1806 г. [6, с. 11–23.]

Описанный выше пример показывает, что гардеробы неразрывно связаны с историей музейного собрания. На основании описей можно отследить связи между музеями и организациями (театрами,

¹ В западной научной литературе данный термин употребим и к комплектам мемориального костюма вообще [5], чтоозвучно с его определением в «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова [7, с. 93].

художественными учебными заведениями, правительственныеими организациями, учреждениями культуры на местах и т.д.), которые возникали в разные периоды. Кроме того, любое взаимодействие с предметами мемориального гардероба в качестве музейной коллекции (атрибуция, фоновая работа, реставрация, экспонирование и т.д.) подразумевает их подробное научное изучение. Это способствует дополнению знаний о костюме того периода (актуальные материалы, технологии изготовления, покрои) и об историческом контексте его бытования (политические события, устройство общества и т.п.).

Исследование гардероба как комплекса предметов, принадлежавших конкретной исторической личности, позволяет нам установить ее точные антропометрические данные: рост, обхват талии и бедер, ширина плеч, длина рук и т.п. Кроме того, при наличии предметов, которые шились в разные годы возможно изучение изменений телосложения их владельца. Однако, стоит учитывать, что со временем материалы меняют свои свойства и, как следствие, костюм может уменьшаться в размерах. Кроме того, мода того или иного периода могла предписывать ношение одежды, сильно прилегавшей к телу, из-за чего она кроилась с уменьшением реальных параметров человека. Аналогичные тенденции могли наблюдаться и в военной форме одежды, так как ее внешний вид также зависел от тенденций своей эпохи.

Например, неизвестный офицер, служивший в годы правления императора Николая I, вспоминал: «Когда я вдел ноги в рейтзузы, то портные, ставшие по обеим сторонам меня, взялись за бока рейтзуз и начали меня потряхивать вверх. Когда они натянули рейтзузы, то на сукне не осталось ни малейшей морщинки. <...> Начали примерять колет: один портной стал спереди и начал оттягивать его вниз, а другой, ставши сзади, начал застегивать ворот на три крючка, начиная с нижнего. Затем портной принялся обтягивать колет, и потом, что было сил, начал сдавливать его вперед, к пуговицам; стоявший впереди вдевал ремень через петлю колета и, захватив им пуговицу, протягивал ее через петлю» [4, с. 332.]. Стоит заметить, в правление императора Николая I господствовал стиль бидермайер: в мужском костюме и в военном мундире, в частности, это выражалось в воинственно выступающей груди, тонкой талии и широких

плечах. Сам император также носил то, что вводилось в армии его времени. Следовательно, антропометрическое исследование ряда параметров (ширина плеч, обхват талии и бедер и т.п.) при изучении его гардероба будет затруднено.

В целом гардероб императора Николая I является удачным примером, когда собрание костюма конкретной личности может быть источником по изучению военной формы своей эпохи. На основании архивных записей и имеющихся актуальных данных, можно установить, что в гардероб Николая Павловича входили предметы одежды, начиная от нательного белья и заканчивая предметами туалета и аксессуарами [1, л. 59 об.–66 об.; 2, л. 60 об.]. В нем представлены почти все образцы предметов верхней части военного костюма, которая бытовала в армии в то время: мундиры фрачного покроя, сюртуки, колеты, ментики, доломаны и другие. В основном это предметы обмундирования гвардейской кавалерии, пехотных гвардейских полков и артиллерийской бригады. Большая часть предметов датируется 1830–1840 гг., однако в собрании музеев присутствуют и более ранние образцы. Например, в ГМЗ «Павловск» сохранился детский мундир императора по форме Лейб-Гвардии Измайловского полка, изготовленный в 1800 г. в честь его назначения шефом. Данный предмет при его исследовании может являться источником по изучению детского шефского обмундирования в императорской семье того периода. Кроме того, несмотря на различия в покрое со взрослым обмундированием, в описываемом предмете гардероба сохранены полковые цвета, введенные в рассматриваемый период. При наличии, на детских мундирах также сохранялось особое полковое шитье и другие знаки различия. Подтверждает все вышесказанное упоминание о данном детском мундире императора в материалах барона М. А. Корфа, посвященных биографии Николая Павловича [3, с. 61.]. Члены царской фамилии с младенчества записывались в армию и назначались шефами полков. Следовательно, большую часть их гардероба почти с самого детства составляли военные мундиры. Продолжая описание гардероба императора Николая I, отметим, что штатский костюм из одежды будущего наследника престола исчез с 1814 г. С этого периода «в приходно-расходных книгах говорится об одних только мундирах и прочих подробностях военного костюма...» [3, с. 102].

Мемориальные элементы одежды являются наиболее информативным типом источников, так как они дают представление не только об общей истории, но и о месте личности в ней. В этом контексте особую ценность представляют мемориальные гардеробы правящих монархов, сохранившиеся на данный момент в музеиных собраниях. Их изучение дает возможность исследовать сразу несколько направлений в исторической науке, позволяя расширить имеющиеся сведения об эпохах.

Список источников и литературы:

1. АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 1.
2. АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 7.
3. Корф М. А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // Николай I. СПб., 2023. 672 с.
4. Малышев С. А. Военный Петербург эпохи Николая I. М., 2012. 397 с.
5. Петров Д. Мода, история, музеи. Рождение музея одежды. М., 2023. 264 с.
6. Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых - в собрание музея. История коллекции «Гардероб Петра I». СПб., 2022. 272 с.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. 800 с.

B.G. Шатков

*Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина*

Материалы следственных дел как источник для изучения истории колдовства в России в конце XVII в.

Колдовство как феномен, несомненно, занимало свое место в культуре Московского государства, однако принадлежность к ортодоксальному направлению христианства накладывала свою специфику на формирование доступной нам сегодня источниковедческой базы. Если обратиться к аналогичному вопросу в контексте западноевропейской истории, то в католической и позднее протестантской религиозной культуре тема

обращения к магии активно развивалась в теософской литературе, поднималась в разнообразных трактатах, проникала в законодательные акты.

В то же время, православная теософская мысль не уделяла такого пристального внимания колдовству и детально не прорабатывала его концепцию [2, с. 126; 3, с. 21]. Если какие-то сочинения и появлялись, то в основном, это были заимствования из-за границы [5, с. 119] (например, некоторые концепции, очевидно, заимствованные Петром I на западе, все-таки проникли в русское законодательство в 1715 г. [6, с. 348]). В связи с этим, мы лишены такого же разнообразия источников по теме колдовства в отечественной истории данного периода.

Документальный материал, связанный с «колдовской тематикой» представлен в самом разнообразном виде – это памятники мемуарного и эпистолярного наследия, хроники, разнообразные акты и т.д., однако, среди прочего, от прошедших эпох до нас дошел такой специфичный вид документов, как материалы следствий. В XVII в. документирование следственных мероприятий в России уже было отлажено и велось на регулярной основе. В контексте изучения темы колдовства российская особенность этого вопроса заключается в том, что, в отличие от западноевропейских государств, здесь не существовало никакого единого ведомства, которое бы занималось расследованием преступлений, связанных с обращением к магии. К тому же, в силу специфики бюрократического аппарата расследованиями занимался не какой-то единый государственный орган или учреждение, а различные ведомства внутри приказной системы, просуществовавшей вплоть до Петровских реформ (в 1717 г. Петр I начал реформу центральных органов государственного управления, результатом чего стало создание системы коллегий). Такими ведомствами были на уровне уездов Приказные избы, в городах эту роль на себя брал Стрелецкий приказ, а в правление Петра I к ним добавился Преображенский. Дифференцирование собственно следствия от дальнейшего судебного слушания имело место не всегда, и тогда приговор выносился в том же приказе и теми же людьми, что вели расследование. Однако в некоторых случаях после расследования преступления в одной инстанции дело направлялось для слушания в Судебный приказ, и решение выносилось уже там [7, с. 80].

Протоколы допросов, которые составлялись в ходе расследования в приведенных инстанциях, содержат в себе массу самой различной информации. В ходе расспросов следователи старались выяснить все подробности дела, тщательно фиксируя при этом показания фигурантов. Часто из-за такого подхода в протоколы попадала информация, которая, казалось бы, не имела прямого отношения к делу, но теперь для историка эти сведения представляют потенциальный интерес. Что же касается темы изучения колдовства, отчеты следователей в этом отношении составляют ценнейший источник информации, поскольку специализированной литературы, которая была бы посвящена этой теме, вроде теософских трактатов, и тем более, гrimuаров и непосредственных руководств, как было сказано выше, в России практически не составлялось. В протоколах же, ввиду скрупулезного подхода делопроизводителей, мы можем найти различные сведения о практике обращения к «магии» жителей Московского царства.

В процессе работы со следственными делами Преображенского приказа [7] мы периодически сталкиваемся с расследованиями преступлений, в которых так или иначе была задействована «магия». И сразу же можно заметить разницу в подходе к организации следствия в ортодоксальной России и католическо-протестантской Европе: если в центре внимания западноевропейских следователей в таких случаях всегда первостепенным было само колдовство как преступление, то русские дознаватели рассматривали колдовство лишь с позиций орудия совершения преступления.

Из этой разницы в подходах сразу же вытекает разница в результатах: в протоколах московских дознавателей мы не увидим ни подробных признаний в участии в богохульных оргических мессах на шабашах [9, с. 15], ни живописных описаний всех форм связи с Дьяволом и демонами, ни огульных оговоров всех подряд знакомых в тех же деяниях, которые и были главной целью расследования западноевропейских следователей [1, с. 16]. При этом разницу вряд ли можно списать на фактор применения пыток, поскольку они были обычным методом дознания и в России, и в Европе [4, с. 185], но использовались, как видно, в различных целях.

Из протоколов мы можем почертнуть подробные сведения о том, какие именно магические практики в России конца XVII в. имели место. Зачастую,

«магия» сводилась к написанию записок с заговором и ношению их с собой, либо к использованию различных растений, которые, часто, тоже требовали ношения при себе для оказания «магического эффекта». В некоторых случаях встречается приготовление «зелий», гадание и «одержимость» бесами. Благодаря фиксации в протоколах, в некоторых случаях мы знаем даже содержание заговоров, поскольку текст изъятых записок приобщался к делу. Ранее было сказано о полном отсутствии жанра гrimuarov (магических руководств) в России, однако упоминания чего-то подобного в виде «колдовских тетрадей» мы можем увидеть на страницах следственных дел. В некоторых случаях, когда эти «тетради» были обнаружены у обвиняемых, мы можем видеть выдержки из них. Эта информация позволяет нам выяснить основополагающие культурные концепции русского «колдовства».

По материалам следствия можно проследить, на какие нормы права опирались следователи (они же, зачастую, судьи) при вынесении решений по колдовским делам. Поскольку описанный выше подход к расследованию предполагал концентрацию внимания на материальном ущербе от преступления, то факт его совершения с помощью «чар» не всегда имел какое-либо значение. Тем не менее, в тех случаях, когда на это обращалось внимание, решение по делу выносилось на основе действовавшего на тот момент законодательства – Соборного уложения 1649 г. с поправками в виде Новоуказных статей 1669 г. [7, с. 86; 8, с. 795].

Благодаря самой специфике протоколов как источника, фиксации в них информации о поле, возрасте, социальной и профессиональной принадлежности подозреваемого, появляется возможность проведения просопографических исследований для составления усредненного социального портрета русского «колдуна». Эти данные позволяют проводить компаративные исследования, сравнивая культурный феномен колдовства в России и Европе на предмет устоявшегося в общественном сознании образа чародея и выявления наиболее подверженных риску быть заподозренными в колдовстве социальных групп.

Таким образом, в силу специфики источниковедческой базы в области изучения культурного феномена колдовства в России материалы следственных дел представляют собой ценный и содержательный источник информации. Работа с ними позволяет составить представление о культурно-

концептуальном, правовом и социальном аспектах данного явления, создавая перспективы для компаративных и просопографических исследований.

Список источников и литературы:

1. Горелов Н.С. Бич и молот. Охота на ведьм в XVI-XVIII веках. СПб., 2005
2. Канторович Я.А. Средневековые процессы над ведьмами. Процессы над животными. М., 2023.
3. Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб, 2020.
4. Коллман Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.
5. Королев А.А., Майер И., Шамин С.М. Сочинение о демонах из архива Посольского приказа: к вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4 (38). С. 108-121.
6. Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700-1740 гг. М., 2000.
7. Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы (материалы). Т.2. Томск, 1909.
8. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. I (1649 – 1675). СПб, 1830.
9. Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV – XVII вв. М, 2016.

Секция III. Мемуары и пресса как исторический источник

M.A. Бородина

Сибирский федеральный университет

Периодические издания «Художник» и «Юный художник» как источники теоретической реконструкции образа советской художественной культуры 1970-1980-х гг.

Советские журналы об искусстве «Юный художник» и «Художник», издававшиеся с перерывами с 1936 г. и с 1958 г. соответственно, выполняли множество функций: формировали ценностно-смысловое пространство, отражали динамику социокультурной структуры, организовывали эффективную культурную коммуникацию как внутри профессионального художественного сообщества (следя многовековой традиции научного общения через публикации в журналах), так и с социумом (охватывая все возрастные группы). Опираясь на единство ценностей и ориентиров, механизмы трансляции культуры и механизмы консолидации общества, а также социально-патриотическое воспитание, эти издания в настоящее время представляются, прежде всего, документальными свидетельствами мотивации культурных ценностей, смыслов, норм, эталонов культуры советской эпохи, а не только информационными ресурсами об этом времени и его художественных феноменах. Эти периодические издания, выступая печатными органами Союза художников РСФСР, оказались значимой формой советских социокультурных практик, способствовавших активизации творческих процессов всех художественных коллективов Советского Союза. Объединяя усилия их руководителей, художников и теоретиков, эти издания устанавливали связь профессионального художественного сообщества с обществом и потенциальными реципиентами произведений изобразительного искусства.

Гипотетически, к использованию этих специализированных периодических изданий могут обращаться не только ученые-культурологи и искусствоведы, но и исследователи исторических, социологических и даже этико-философских и политологических проблем, поскольку в них довольно

полно и образно освещается совокупность актуальных общественных процессов, культурных практик и их последующей теоретической рефлексии в русле действующей тогда идеологии.

Теоретическая реконструкция образа советской культуры понимается как способ познания и содержательного представления о культуре предшествующей эпохи. Это представление непосредственно связано с ценностным подходом к изучению культуры и подкреплено осознанием целостности философско-идеологической, социальной и культурно-феноменологической системы этого времени. Требуя особых методов интерпретации полученных данных, такая теоретическая реконструкция направляет профессиональную интуицию исследователя к совокупному использованию классической общенациональной и узкоспециализированной исследовательской методологии.

Еще в XVII в. великий ученый-рационалист Р. Декарт, разрабатывая учение о научном методе, впервые в истории философии и науки не только сформулировал правила, превращающие ординарный мыслительный процесс в целенаправленный и системный процесс научного познания, но и выразил принципы научной этики и рациональной морали [1], остающиеся незыблемыми принципами науки по сей день. В применении этих принципов к современным гуманитарным исследованиям их условно можно обозначить как подробное, постепенное и последовательное изучение частей исследуемого предмета и беспристрастное и честное следование выбранному методу в уважительном отношении к религиозному, философскому или идеологическому комплексу, обусловившему исследуемое явление. Современные культурологические исследования, изыскания ученого-искусствоведа, историка или краеведа, как справедливо заметил один из авторитетнейших отечественных историков искусства А.И. Морозов на страницах журнала «Творчество» в 1988 г. (когда системный кризис советской культуры был уже очевиден), должны основываться на этих же принципах: «... каждый из специалистов, соприкасаясь с непривычным, самобытно значительным явлением мирового искусства, должен дать себе труд как можно более глубоко продвинуться от визуального слоя к породившей их специфической системе. Их философии» [3, с. 11]. В связи с чем обязательное и порой навязчивое цитирование на страницах журналов

«Художник» и «Юный художник» В.И. Ленина, Л.И. Брежнева и лейтмотивный призыв «продолжить ударную ленинскую вахту и прийти к съезду КПСС с высокими трудовыми достижениями» [4, с. 2] требует снисходительного читательского и исследовательского отношения и обращения эмоционального пафоса и политической ангажированности этих слов в штрихи к образу изучаемой эпохи.

Сейчас проблема «документ и образ» стоит особенно остро в связи с ежедневно возрастающим потоком разнообразной информации, особенностями ее трансляции и доступностью потребления. В этом изобилии сведений и фактов культуролог-исследователь должен свободно и точно ориентироваться, чтобы отобрать наиболее существенное и способное послужить стимулом мысли и источником достоверного научного знания.

Опираясь на существующие классификации специализированных периодических изданий по тематическому принципу известный специалист по теории журналистики, доктор философских наук Л.Г. Свитич, выделяет духовный (творческий) вид журналистики, который соответствует удовлетворению запросов человека в сфере культуры [5], что в изданиях «Художник» и «Юный художник» 1970-1980-х гг. соответствует социальным и культурным потребностям целевой аудитории, ее идейно-политической ориентации и может служить надежным источником для современных культурологических исследований, а при необходимости - и воссоздать образ эпохи.

«Слава труду!», «Во имя человека», «Портрет созидания» - это не только заголовки известных искусствоведческих статей 1970-х – начала 1980-х гг. в рассматриваемых журналах, но и узнаваемые мировоззренческие конструкты, которые отражают философскую и общественно-политическую повестку, а также представляют категории не идеологического, а нравственного, этического и эстетического порядка.

О чем же статьи и художественные произведения этого времени? Они о том, что человек, наконец, живет в мирное время без надрыва и потрясений. Новую ценность обретают наука, образование, труд и спорт. Эти виды деятельности оказываются чем-то сродни религии. Наступает время ученых и рабочих - тех, кто делает научные открытия, создает умные машины, запускает ракеты в космос и тех, кто обрабатывает землю и сеет зерно,

строит города и заводы, прокладывает железнодорожные пути и водные каналы. Человек, покоряющий космос, осваивающий нефтяные и газовые месторождения Сибири, возводящий крупнейшие в мире гидроэлектростанции, устанавливающий «вечные» атлетические рекорды, оказывается героем своего времени и героем картин советских художников 1970-1980-х гг., о которых рассказывали теоретики или сами художники на страницах журналов «Юный художник» и «Художник».

Работа над образом современника – магистральная тема изобразительного искусства и публицистики, а также ответственная роль художника и журналиста или искусствоведа тех лет. Талантливые и трудолюбивые люди, их судьбы, характеры, чувства предлагают авторам неисчерпаемый источник тем и сюжетов для картин и последующей искусствоведческой рефлексии. Обратившись к широкой аудитории, художник и теоретик искусства всматриваются в действительность с позиции очевидцев, и их взгляды, воплощенные в художественном образе или в слове, неизменно обретают черты объективности и подлинности, раскрывая идею нравственного достоинства человека и гуманистические идеалы эпохи.

Зачастую художник, искусствовед или журналист специализированных изданий 1970-1980-х гг., выражая мнение о современности и «о правде времени», делали это по-настоящему искренне. Будь то государственный заказ или всецело творческая работа, они с ощутимой честностью воплощали в образах людей труда их природную мудрость, душевную ясность и жизненную силу через их красоту, исходящую из преданности своему делу, и превращая эти качества в главные мотивы художественных произведений или аналитических статей в художественных журналах.

Специализированные периодические издания в сфере культуры, рассмотренные на примере журналов «Художник» и «Юный художник» 1970 – 1980-х гг. несомненно, имели особое социальное предназначение и целевую аудиторию, но также являются важным источником для современных эмпирических гуманитарных исследований и могут выступать фактором теоретической реконструкции образа советской общественной и художественной жизни тех лет.

Выполнение специализированными периодическими изданиями «Художник» и «Юный художник» в 1970-1980-е гг. культурно-

просветительской миссии способствовало формированию культурных ценностей современников, их духовному обогащению, поддержанию культурных традиций и эстетическому развитию общества. Данные издания сегодня являются незаменимым ресурсом для научного изучения и обобщения представлений о культуре, общественных процессах и художественных явлениях того времени. Явления жизни и эпизоды повседневности 1970-1980-х гг. были ценными тематическими источниками для художников и теоретиков искусства. Наблюдение за процессом превращения события современности в исторический факт или картины, написанной художником «на злобу дня», в произведение, используемое впоследствии в теоретической реконструкцией образа эпохи, оказывается увлекательной философско-культурологической практикой, требующей более пристального внимания и дальнейшего изучения.

Список источников и литературы:

1. Декарт Р. Рассуждения о методе. Начала философии. Страсты души. М., 2019.
2. Зинин Р.В., Полонский А.В. Специализированные периодические издания в сфере культуры как канал рекламной коммуникации. Белгород, 2020.
3. Морозов А.И. Искусствовед в современной духовной жизни. // Творчество. 1988. № 8(380). С. 11.
4. Рапортуют художники России // Художник. 1980. №12. С. 2.
5. Свитич Л.Г. Феномен журнализа. М., 2000.
6. Щерова М.С. Периодические издания по искусству для детей в XX веке (на примере журнала «Юный художник»). // Региональная школа журналистики: векторы исследования (К 30-летию создания кафедры журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского): сб. ст. международ. науч.-прак. конф. Нижний Новгород, 2022. С. 99-103.

А.И. Деникина
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

Памятные адреса как исторический источник (на примере истории АОВК)

Среди письменных источников личного происхождения особое место занимают различные формы частной переписки. К ним можно отнести и корреспонденцию, созданную по особому случаю: открытые письма, поздравительные телеграммы и памятные (приветственные, поздравительные) адреса. Безусловно, их внутренняя классификация остается дискуссионной. В частности Е.Я. Павлова отмечает, что в российских учебных изданиях по источниковедению до сих пор отсутствуют отдельные параграфы об открытках. Она склоняется к мнению, что открытое можно было бы выделить в особую группу источников, как это было сделано с периодической печатью [2, с. 43]. То же самое относится к такому атрибуту корпоративной культуры, как памятные адреса. Они представляют собой папку твердого переплета с вкладышем, на котором печатается либо пишется от руки текст. Часто послание завершается подписью автора с расшифровкой или набором коллективных подписей, а также заверяются печатью.

Памятные адреса до сих пор остаются востребованы в качестве подарка в деловой среде. Их традиционно вручают юбилярам, но уместен этот формат поздравления и между институциями любых видов, если его презентуют руководителю организации. Таким образом, послание, адресованное коллективу, после торжественного оглашения остается в распоряжении главы учреждения. В делопроизводственную документацию наряду с прочей официальной корреспонденцией оно не входит. При изучении памятных адресов Архангельского опытного водорослевого комбината Архангельского производственного объединения рыбной промышленности «Архангельскрыбпром» (далее - АОВК) в отсутствии общепринятой оценки таких примеров письменного исторического источника, мы относим их к документам личного происхождения. Н.И. Иванова также предлагает считать главной функцией личных

источников установление межличностных коммуникаций [1, с.108]. Именно директора комбината значатся источником поступлений в фонды 16-ти памятных адресов к 70-летнему юбилею предприятия в январе 1988 г., согласно инвентарным книгам корпоративного музея ООО «Архангельский водорослевый комбинат». Информация об отправителях, а также качественное содержание текстов являются показательными для определения партнерских связей и направлений работы организации-адресата.

Прежде всего, отправителей таких поздравлений можно группировать по сферам деятельности на 1) проектно-исследовательскую; 2) культурную и общеобразовательную; 3) профессионально-образовательную; 4) промышленную; 5) административную. Например:

- 1) ВНИИ медицинских полимеров, Мурманское отделение «Гипрорыбфлота»;
- 2) Областное отделение Общества охраны памятников истории и культуры, Ломоносовский дом пионеров;
- 3) МИНХ им. Г.В.Плеханова, Архангельское мореходное училище МРХ СССР; Государственный Ордена Ленина институт усовершенствования врачей им. С.М. Кирова (кафедра стоматологии);
- 4) Одесский агаровый завод, Днепропетровский химико-фармацевтический завод, ПО «Белмедпрепараты», Маймаксанский участок судоремонтно-судостроительного завода, Соломбальская судоверфь, Архангельский рыбокомбинат;
- 5) ПО «Архангельскрыбпром».

Визуальная составляющая тоже может быть признаком для типизации. В большинстве случаев выбран переплет темно-красного или красно-коричневого оттенка, единично – темно-синий и оливковый. Обложка может содержать небольшой металлический бейдж с гравировкой. Кроме того, сам текст на вкладыше преимущественно машинописный, выполнен черной или золотой краской, хотя четверть образцов написана от руки каллиграфией. Иногда фломастером наносятся рисунки, рамки, эмблемы. Стиль организации письма чаще официальный, оно завершается подписями руководителя (директора, ректора, главного врача), председателя профкома, секретаря комсомольской организации. Однако он может быть полуофициальным, в частности, если поздравление написано в стихотворной

форме. Свойством почти каждого текста от этих сфер является упоминание факта и характера сотрудничества с АОВК. Это благодарности за оказание шефской помощи в трудовом воспитании молодежи и трудоустройстве выпускников, за сохранение истории трудовой и военной славы (открытие музея в новом здании комбината в 1986 г.); пожелания продолжать научную кооперацию в разработке новых продуктов для медицинской промышленности; напоминание о многолетнем сотрудничестве, будь то поставки водорослевого сырья, проектирование орудий добычи или строительство на судоверфи промысловых плавсредств. Интерпретация имеющегося массива текстов плодотворна как для осмыслиения прогресса водорослевой промышленности по итогам 70 лет её существования на Европейском Севере, так и для исторической оценки научно-технического разнообразия и взаимодействия производственных объектов СССР внутри одного региона и даже межреспубликанского. С одной стороны, мы располагаем объективной информацией о самом наличии корпоративных отношений у АОВК и организаций-отправителей с легко определяемыми названиями. Достоверность данных о характере этих отношений тоже весьма высока, так как обращение адресовано ограниченному кругу лиц, но при подчеркнутой доброжелательности посланий, оно не нацелено на фабрикование имиджа и его трансляцию вне этого круга. С другой стороны, на стиль сообщений оказывает сильное влияние исторический контекст. Он проявляется в употреблении таких клише, как: «выполнить план пятилетки», «стать победителями соцсоревнования», «успехов на путях перестройки». В качестве примера стоит упомянуть приветственное слово от коллектива АБПиЭ. Аббревиатура предположительно означает «Архангельское бюро путешествий и экскурсий», основанное в 1967 г. Написанное от руки в стихотворной форме и с орографическими ошибками, полуофициальное обращение кратко описывает этапы становления АОВК с начала производства йода в 1918 г. до постройки здания комбината в начале 1980-х. Упоминаются выпускаемые в разные годы продукты и поставка водорослей в Ленинград во время Великой Отечественной войны. Даётся точное количество перерабатывающих водоросли заводов, при том немногочисленных в Советском Союзе:

У страны таких не густо.
Подсчитали – ровно пять.
Тех, что могут из капусты
Альгинаты получать.

В целом это является достоверной и доказуемой информацией. Однако далее при интерпретации мы сталкиваемся с фразой без однозначного толкования: «И три «С» пускай живут. // Вы – поздравленья принимайте!» Опрос работников комбината с большим стажем, как и поиск в сети «Интернет», оказался не вполне эффективен для понимания контекста; предложения варьировались от «Служу Советскому Союзу» до «спирт, сало, сухари», которые по легенде должны спасти русскую армию [3, стр. 44].

При неочевидности смысла подобного рода формулировок в стилистически неформальном тексте, их использование объясняется скорее художественными целями. Соответственно при многих преимуществах такого оригинального письменного источника как памятные адреса, в них присутствует доля «информационного шума», обусловленного именно спецификой жанра и социально-историческими условиями их создания. В перспективе их стоит рассматривать как дополнительный материал при изучении региональной истории, истории промышленности и труда в одном ряду с прочими письменными источниками личного происхождения «наградного» характера: благодарственными письмами и почетными грамотами.

Список источников и литературы:

1. Иванова Н. И. Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблемы источниковедческого анализа // Вестник РУДН. История России. 2006. №3. С. 105-110.
2. Павлова, Е. Я. Открытые письма как исторический источник: особенности изучения. // Актуальные проблемы источниковедения : материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 8-9 октября 2015 г. / Витебский государственный университет им. П. М. Машерова. Витебск, 2015. С. 41-44.
3. Табачный, А. 75 вопросов о войне. Быт военного времени // Дилетант. 2020. №53. С.44-45.
4. Памятные адреса из фонда корпоративного музея ООО «АВК»

E.K. Киреев

*Российский государственный
педагогический университет
имени А.И. Герцена*

Дневники епископа Никодима (Казанцева) как источник по изучению истории Русской Православной Церкви

Рукописи дневника Никодима (Казанцева), который он вёл в 1829-1848 гг., представляют собой образец скорописи XIX в. Они хранятся в Государственном архиве Красноярского края, так как Никодим был первым епископом Енисейским и Красноярским (1861-1870), после чего ушел на покой в Перервинский монастырь. Об этом источнике написано несколько статей [1; 4]. В 1840-1841 гг., еще до возведения в сан епископа, Никодим жил в Петербурге, принимал участие в делах Духовно-учебного управления, общался с крупными церковными иерархами николаевского царствования. Из столицы он был отправлен в Одессу. События, отраженные в дневнике, известны историкам, но дневник открывает их с новой стороны, излагает позицию автора, участника событий.

Политика Николая I по отношению к Церкви характеризуется pragmatizmom, соединяющим материальную поддержку духовенства с жесткими дисциплинарными мерами в делах управления, усилившими подчинение Церкви светской власти [11, с. 188]. Основная заслуга в подчинении церковного управления светскому принадлежала обер-прокурору Синода графу Н.А. Протасову (1836-1855). Он фактически возглавил коллегию иерархов. Церковный историк XIX в. П.В. Знаменский, в целом положительно характеризуя реформу Н.А. Протасова, называет её средством преобладания обер-прокурора над членами Синода [5, с. 214]. В записях Никодима можно встретить наблюдения над проявлениями той власти, которой пользовался Н.А. Протасов. Упоминая об отстранении императором на год от дел Синода киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова), епископ пишет о причинах увольнения: «Граф его [владыку – авт.] считает за дурака – или как иначе – но не уважает – по крайней мере. А воля графа в Синоде – закон» [3, л. 51]. Показательным является и сюжет с переведенным Никодимом письмом английского диакона, магистра

Оксфордского университета В. Пальмера, в котором тот просил у Н.А. Протасова «дозволения изучить богословие, обряды и богослужение Российской Церкви и русский язык» [3, л. 48].

Важным проявлением реформы Н.А. Протасова стало создание Духовно-учебного управления, заменившего Синодскую комиссию духовных училищ [11, с. 191]. Оно должно было, как пишет В.Н. Федорук, помимо прочего, собирать сведения об учебном процессе и производить все дела, относящиеся к воспитанию духовного юношества [10, с. 179].

В начале 1840-х гг. Никодим непосредственно участвовал в делах Духовно-учебного управления. Он выполнял поручения директора управления А.И. Карасевского: представлял мнения о новой учебной литературе, занимался преобразованием учебной части в духовных семинариях [3, л. 39]. Епископ изобразил сцену заседания управления (1 июля 1840г.): в нём участвовали семь человек, в числе которых были директор, два начальника отделения (светские чиновники), три ректора и сам автор (духовные лица) [3, л. 44]. Это описание опровергает мнения некоторых исследователей, утверждающих, что в состав управления входили только светские чиновники [11, с. 191]. Другие авторы пишут о духовных лицах, принимавших участие в проведении реформ [10, с. 179]. Записи Никодима являются связующим звеном между этими позициями. По сведениям Никодима, на заседании присутствовали как государственные служащие, так представители Церкви, причем вопросы они решали вместе: «Г[осподин]. директор соглашался прибавить учителей, О[тец]. Николай же приказал: — это что за сентиментальность?» [3, л. 44].

Духовно-учебное управление внедряло светские дисциплины в программу духовного образования. Для знакомства с сельским хозяйством в 1840 г. в духовные семинарии вводят естественные науки [8, с. 161] – власти готовили из духовенства помощников во внедрении агрономических приемов, в первую очередь, в государственной деревне [12, с. 142]. Никодим писал: «Дивно! Фундаментальные науки ослаблены, даже и богословие. Сколько я ни возражал, успехов мало. Напротив, пустые науки уважены, например, гомилетика, сельское хоз[яйство]., медицина и пр. Что и для чего делают люди? Чего хотят? – и это мы сами. Избаловались и мы. Признаюсь, я не мог быть равнодушен, горячился». [3, л. 44]. Негативную оценку таким

нововведениям давал не только Никодим – это было популярное настроение своего времени. Д.И. Ростиславов, издавший свое сочинение за границей, писал, что деятели Церкви боялись охлаждения молодых священников к религии через увлечение светскими науками [8, с. 187]. При этом, среди участников заседания, как уже отмечалось, большую часть составляли духовные лица - ректоры семинарий и академий, которые, по всей видимости, согласились с введением светских наук. Никодим же остался верным своим убеждениям. Позднее он писал, что его «хотели сделать орудием унижения и расстройства нашей учёной части» [7, с. 39].

Отрицательная позиция Никодима объясняет его близкое знакомство с митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), который писал: «Присоединяюсь к рассуждению, что медицина, сельское хозяйство и естественная история частию излишни в семинариях, частию неудобовместимы по множеству предметов, частию несоответственны главному духовному направлению воспитания» [9, с. 84].

В воспоминаниях Филарета Московского упомянут отзыв императора, изложенный в проекте об исправлении духовного управления, из которого следует, что Синод не знает настоящего положения Церкви и лишь разбирает поступающие в него дела [6, с. 21]. Но в дневниках Никодима отражена довольно активная деятельность церковного управления, относящаяся к 1840-м гг., более поздним, чем воспоминания митрополита.

В записях епископа освещено важное событие в развитии миссионерской деятельности – открытие американского архиерейства. 27 ноября 1840 г. Синод предложил на новую кафедру три кандидатуры, среди которых были сам Никодим (Казанцев) и впоследствии избранный на эту должность Иоанн (Вениаминов) [3, л. 54]. Сам И. Вениаминов об этом писал: «До 6-го ноября 1840 г., то есть, до того времени, как я стал сбираться ехать в Америку, ни речи, ни мысли не было ни у кого об учреждении архиерейской кафедры в Америке» [2, с. 7].

29 ноября Иоанна постригли в монахи под именем Иннокентий, а Никодим стал его духовным отцом. Наконец, в декабре монаха назначили епископом Камчатским и Алеутским. Титул «Северо-Американский» Николай I отверг. Никодим объясняет это попыткой избежать конфликтов с англичанами и подчеркивает «чисто религиозное» значение процесса,

охватившего только ту часть Северной Америки, которая уже вошла в состав России. [3, л. 55-56].

Другим вопросом, которым занимался Синод, было назначение представителей духовенства на места. Одним из таких событий станет и отъезд Никодима из Санкт-Петербурга. В 1841 г., после долгого ожидания, епископ назначен ректором Одесской семинарии [3, л. 102].

Дневники епископа Никодима (Казанцева) – важный источник по истории Русской Православной Церкви. Епископ был связан со многими людьми и событиями, сыгравшими большую роль в развитии Церкви. Его проект повлиял на реформы обер-прокурора Н.А. Протасова, сам Никодим был близко знаком с митрополитом Филаретом (Дроздовым) и являлся духовным отцом первого американского православного епископа Иннокентия (Вениаминова). Его записи добавляют новые краски в характеристику важных событий истории Церкви в период, когда подчинение Церкви государству значительно усилилось.

Список источников и литературы:

1. Антипов М. А. Записки первого Енисейского епископа Никодима (Казанцева) как новые источники по истории российской иерархии XIX века // Возрождённая епархия: ист.-публ. и лит.-худож. альм. Красноярск, 2005. Вып. 1. С. 28-31.
2. Барсуков И. Творения Иннокентия, Митрополита Московского Кн.1. М., 1886.
3. ГАКК. Ф.561. Оп.1. Д.1.
4. Дружинин А. В. Проект архимандрита Никодима (Казанцева) о преобразовании учебной части духовных семинарий 1838 г.: «Конспект богословских наук для семинарий» // Русское богословие: Исследования и материалы. 2023. М.: Издательство ПСТГУ, 2023. С. 6—40.
5. Знаменский П.В. История Русской Церкви. М., 2021.
6. Из воспоминаний покойного Филарета Митрополита Московского // Православное обозрение. М. 1868. С. 1-36.
7. Никодим, епископ Красноярский. Записки // ЧОИДР, 1877. Кн. 2. Ч. II.

8. Ростиславов Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. Т.2. Лейпциг, 1866.
9. Сухова Н.Ю. Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о Духовных школах. // Филаретовский альманах. М., 2010. С. 43-91.
10. Федорук В.Н. Реформа духовно-учебных заведений при обер-прокуроре Н.А. Протасове. // Среднерусский вестник общественных наук. СПб., 2010. С. 176-181.
11. Фёдоров В.А. Русская Православная Церковь и Государство. М., 2003.
12. Фруменкова Т.Г. Православное духовенство и аграрно-крестьянские реформы 1830-1850-х гг. // материалы научной конференции Первые Дмитриевские Чтения. СПб., 1996. С. 137-148.

*Ф.В. Пильников
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

Постройка эллинга для судовладельцев Архангельской губернии в начале XX в. (по материалам периодической печати)

Материалы периодической печати являются видом письменных исторических источников, которые могут быть использованы для научных исследований. В данном случае, работая с региональными изданиями «Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства», «Архангельск» «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» и «Архангельские губернские ведомости» 1902-1911 гг., автор стремился узнать, какая информация о постройке эллинга нашла отражение в печати, и постараться выяснить причины строительства эллинга.

12 мая 1902 г. на заседании Архангельского отделения Императорского Общества судоходства состоялось обсуждение проекта постройки эллинга для судовладельцев Архангельской губернии. Инициатива исходила от судовладельцев-страхователей деревянных парусных судов, общее собрание которых, состоявшееся 13 сентября 1901 г., пришло к заключению о

необходимости устройства собственного эллинга с целью сокращения расходов на ремонт потерпевших аварии судов [3, с. 14]. В адрес Отделения Общества судоходства от Губернского по крестьянским делам присутствия было направлено ходатайство об отпуске средств на осуществление проекта.

Ещё в 1882 г. бывшее местное Отделение для содействия русскому мореходству возбуждало подобный вопрос, исчисляя на его выполнение расходы в 70 тыс. руб [3, с. 16]. Тем не менее, в конце XIX в. вопрос о строительстве эллинга решен не был.

Необходимо отметить, что деревянное поморское судостроение, осуществляемое на побережьях Белого моря, пользовалось поддержкой государства. В рамках поощрения поморы-судостроители бесплатно получали лес на постройку судов, а также освобождались от уплаты футовой пошлины [10]. По данным «Общества взаимного страхования судов населения Архангельской губернии» на 1 января 1902 г. было застраховано 524 парусных судна, из них мореходных 420, промысловых – 104. По сведениям Губернского статистического комитета весь беломорский парусный флот поморов к 1 января 1902 г. состоял из 540 мореходных судов и более 1000 – промысловых [8]. Эти суда нуждались в ремонте и периодическом осмотре. Таким образом, строительство эллинга для ремонта исключительно деревянных поморских судов являлось еще одной формой поддержки местного судостроения, и как следствие – внутренней торговли и морского промысла.

В мае 1902 г. на заседании Отделения Общества судоходства был предложен к рассмотрению проект строительства эллинга в Лапоминской гавани [3, с. 15]. Проект предусматривал установку паровой машины, которую можно было бы использовать для подъема судов, а также привода лесопильной рамы и кузнечных мехов. Согласно расчетам, устройство необходимого для поморов эллинга требовало 15 370 руб. единовременных расходов и 2 560 руб. ежегодных [2].

Избранная комиссия посетила Лапоминскую гавань и Цигломенский затон, в Тромсё был направлен специалист для осмотра местного эллинга.

8 сентября 1902 г. на заседании Отделения Общества Судоходства было предложено к рассмотрению три варианта мест для строительства эллинга: Лапоминская гавань, Цигломенский затон и Соломбала. Кроме того,

был заслушан доклад об осмотре эллинга в Тромсё. В состав норвежского эллинга входила паровая машина для подъема судов и два станка для опиловки брусьев и досок. Стоимость эллинга составляла 18 тыс. руб [1]. Так как расчетом не были предусмотрены работы по строительству фундамента, было решено, что руководствоваться этой суммой для выяснения общей стоимости эллинга нельзя. Составить смету для строительства эллинга было предложено П.Г. Минейко, заместителю начальника строительных работ Архангельского порта [4].

Расчет и проект эллинга, выполненные П.Г. Минейко, были опубликованы в «Известиях Архангельского отделения Императорского общества судоходства. 1903-1904. Вып. 2» [6]. Местом постройки проект предполагал территорию рядом с лесными складами фирмы Володиных в СоломбALE. Профиль места и характер берегового откоса отвечали требованиям к устройству эллинга и не предполагали большого объема земляных работ. Проект предусматривал создание двух дамб, с которых можно было бы завести под судно, стоящее между ними, специальные сани для подъема. Одновременно дамбы могли бы служить защитными сооружениями во время ледохода. Подъем судна на берег планировалось осуществлять на специальных санях по наклонной плоскости, с помощью паровой машины. Конструкция должна была обеспечивать возможность подъема груза до 100 тонн. Учитывая напряженность навигации, конструкция эллинга предполагала размещение на его территории трех судов одновременно, а на время зимней стоянки – даже четырех. Примерная смета постройки эллинга с учетом оборудования составила 50 тыс. руб.

Вопрос о месте возведения эллинга долгое время оставался открытым. Лишь в ноябре 1908 г. газета «Архангельск» [5] уведомила читателей, что «...в думском заседании вопрос о постройке в СоломбALE эллинга для поморских судов решен окончательно в утвердительном смысле». Для постройки был выбран участок между владениями торгового дома «Шмидт» и биржей братьев Володиных. В современном Архангельске это – конец Никольского проспекта.

Сообщения о состоявшемся 7 сентября 1911 г. торжественном открытии поморского эллинга, предназначенного для ремонта деревянных поморских судов, опубликовали несколько печатных изданий Архангельской

губернии [7, 11]. Построенный эллинг представлял следующий комплекс сооружений: водный бассейн с укреплением берега набережной, входные ворота и три наклонных стапеля. На каждом стапеле имелись подвижные сани для подъема и спуска судов. Спуск и подъем производился посредством ручных шпилей. На зимовку или ремонт могло поместиться три судна. При эллинге были устроены столярно-слесарная мастерская и кузница, имелся водолазный аппарат; за отдельную плату можно было воспользоваться набором инструментов.

Из сообщений можно сделать вывод о том, что поиск решений о том, какого типа должен быть эллинг, и где его строить, был начат в 1907 г. При рассмотрении вопроса о месте строительства эллинга были приняты во внимание предложения местных учреждений власти, представителей купечества и поморов. Выбор места осуществлялся между участком на острове у устья реки Цигломенки напротив завода Чудинова; участком в СоломбALE рядом с территорией управления работ Архангельского порта, ранее арендовавшимся мурманским пароходством; свободным городским участком земли в СоломбALE между фирмой Шмидт и биржей Володиных. Окончательное решение приняли в пользу последнего, так как «...из ассигнованных министерством торговли и промышленности 88 000 рублей на все оборудование эллинга, стоимость земли по оценке городской думы в 10 000 рублей являлась наименьшюю затратою, при этом площадь участка во всех случаях определена равная...».

Таким образом, строительство эллинга за государственный счет было признано важным шагом в плане поддержки поморского судостроения. Во-первых, деревянным поморским судам требовалось место для ремонта, во-вторых, эллинг как сооружение для периодического осмотра судов требовался для дальнейшего развития взаимного страхования. Общее собрание владельцев мореходных и промысловых судов, принятых к взаимному страхованию, состоявшееся 11 сентября 1902 г., постановило не требовать обязательного через каждые 5 лет подъема застрахованных судов для осмотра днища, пока не будет построен эллинг [9].

Выбор места для возведения эллинга был сделан на основании самой низкой стоимости земли одного из рассматриваемых участков.

Смета на строительство эллинга изменялась от предварительных 15 370 – 18 000 руб. до окончательных 88 000 руб. При этом окончательная сумма 1911 г. оказалась того же порядка что и в 1882 г. (70 000 руб).

Проект эллинга, предложенный П.Г. Минейко в 1903 г. и фактически построенные сооружения имеют различия. Чем были вызваны изменения проекта и когда они были внесены – этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Список источников и литературы:

1. Зaborщиков, В. К постройке эллинга для поморских судов // Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства. 1902-1903. Прил. 9. С. 19–20.
2. Зaborщиков, В. Постников С. Постройка эллинга для судовладельцев Архангельской губернии // Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства. 1902-1903. Прил. 4. С. 7–9.
3. Заседание 12 мая 1902 года. // Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства. 1902-1903. С. 12-17.
4. Заседание 8 сентября 1902 года. // Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства. 1902-1903. С. 22-30.
5. Местная хроника. // Архангельск. 1908. № 248. 6 ноября. С. 3.
6. Минейко, П.Г. Постройка эллинга в Архангельске для нужд поморского флота. // Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства. 1903-1904. Вып. 2. С. 27-43.
7. Поморский эллинг архангельского торгового порта. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 18. С. 550-551.
8. Пругавин, Н. О страховании судов, принадлежащих населению Архангельской губернии. // Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства. 1902-1903. Прил. 17. С. 60–98.
9. Собрание по взаимному страхованию поморских судов в Архангельской губернии. // Известия Архангельского отделения Императорского Общества судоходства. 1902-1903. Прил. 2. С. 34–36.
10. Тихомиров, В.Ф. Об условиях отпуска леса на судостроение в Архангельской губернии. СПб., 1903.
11. Торжественное открытие поморского эллинга в Архангельском порте. // Архангельские губернские ведомости. 1911. 11 сентября.

Д. А. Прокин
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

Записки избирателей кандидатам в народные депутаты СССР как исторический источник (на материале Архангельского избирательного округа № 118)

Резолюция «О демократизации советского общества и реформе политической системы», принятая летом 1988 г. на XIX конференции КПСС, обозначила обеспечение полновластия Советов народных депутатов всех уровней как решающее направление политической реформы, а также предусматривала введение двухуровневой системы представительных органов союзного уровня: Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, избираемого из депутатов Съезда. В декабре 1988 г. были внесены соответствующие изменения в Конституцию СССР, образованы избирательные округа и назначено голосование на 26 марта 1989 г. – первые за многие десятилетия выборы на альтернативной основе.

Выборы 1989 г. превратились в арену политической борьбы кандидатов за голоса избирателей, способствуя формированию сферы публичной политики. В контексте этой избирательной кампании особо важный характер имели встречи кандидатов с избирателями и дебаты. Данные о встречах с избирателями являются источником сведений не только о политических платформах кандидатов, но и об уровне развития политического сознания избирателей, о широте круга интересующих их вопросов.

На встречах избиратели передавали свои вопросы кандидатам с помощью записок. В 1990 г. в Архангельский областной краеведческий музей поступила коллекция записок и писем, полученных в ходе предвыборных собраний и встреч с избирателями кандидатом в народные депутаты СССР по Архангельскому избирательному округу № 118 В. С. Садковым. Лишь на немногих записках В.С. Садков оставил свои пометки, из которых можно было бы судить об его ответе. Записки адресованы как лично В. С. Садкову, так и всем трём кандидатам по округу № 118 (г. Архангельск и

Соловецкий район), зарегистрированным по итогам окружного предвыборного собрания: доценту АЛТИ Ю. А. Барашкову, матросу-мотористу Архангельского торгового порта М. Ю. Кондакову и заместителю секретаря парткома Северного речного пароходства В. С. Садкову [23]. Встречи с избирателями округа № 118 проводились с 24 февраля по 20 марта 1989 г. [24].

Архангельские социологи А. А. Дрегало и В. И. Ульяновский отмечают, что массовый избиратель был заинтересован, главным образом, в решении социально-экономических проблем местного значения [21, с. 60]. В свою очередь, авторов записок, которые вошли в состав изучаемой коллекции, следовало бы отнести к наиболее политически активной части избирателей. Советское общество на тот момент не имело опыта конкурентной политической жизни, поэтому подобное активное общение с кандидатами требовало определённой личной смелости со стороны избирателей. Соответственно, эту часть избирателей интересовал самый широкий круг вопросов. Многие из записок посвящены вопросам общесоюзного значения, один из авторов прямо заявляет: «Вот Вы ратуете за решение конкретных региональных проблем. <...> Вы всё-таки избираетесь в верховный орган власти для решения глобальных проблем. Как Вы представляете себе решение таких вопросов, как школьная реформа, вооружённые силы, экономическое развитие нашей страны, национальный вопрос?» [1].

В своих вопросах избиратели затрагивают проблемы дефицита государственного бюджета [6], социального расслоения [7; 8], привилегий партийной номенклатуры, политической реабилитации Б.Н. Ельцина [10], и работы органов законодательной и исполнительной власти, милиции и органов госбезопасности в условиях будущей многопартийности [3; 4; 12].

Избирательная кампания 1989 г. проходила в условиях обострения межнациональных отношений между союзовыми республиками и автономными образованиями в их составе. Это внесло в политическую повестку вопрос о реформировании административно-территориального деления СССР. Звучал этот вопрос и в рамках встреч избирателей и кандидатов в округе № 118. Рядовой Николаев обратился к кандидату Садкову с вопросом о его предложениях в решении национального вопроса и вопроса о национально-административном делении [17].

В контексте политической реформы 1988–1989 гг. избирателей особо интересовало отношение кандидата В.С. Садкова к вопросу «соединения в одно лицо партийного руководителя и советского в областном и районном масштабе» [13] и роли КПСС в условиях передачи власти от партии к советам [5]. Особый интерес в этом свете представляет записка избирательницы из Исакогорского района: «В своей программе Вы больше поднимаете проблемы партии. А для этого есть партийные форумы. Так решайте их там. Кто Вам этого не даёт? Или что Вам мешает? Ведь Вы партийный работник» [2]. Она также обращает внимание В.С. Садкова на то, что он является кандидатом не в депутаты Верховного Совета СССР, а в народные депутаты СССР, полагая, что он плохо знает закон «О выборах народных депутатов СССР».

Все три кандидата в своих программах заявляли о необходимости проведения экономической реформы, об укреплении экономической самостоятельности предприятий [22]. В прессе и на встречах с избирателями поднимался вопрос об экономической реформе и допустимости частной собственности на средства производства. Один из участников встречи задал вопрос всем трём кандидатам об их отношении к частной собственности: «Не считаете ли Вы, что именно частный интерес: 1) создал современную цивилизацию; 2) способен поднять нас из болота отсталости?» [18]. Наибольшую общественную полемику о частной собственности вызывали высказывания Ю. А. Барашков, однако сам Юрий Анатольевич считал, что В.С. Садков в своих заявлениях о создании «современного социалистического рынка со всеми его атрибутами» зашёл гораздо дальше [20, с. 106].

Отдельные записи в данной коллекции позволяют заметить, что некоторые избиратели крайне внимательно относились к тому, что говорили кандидаты как на конкретных встречах, так и на протяжении всей кампании. В частности, избиратели просили В.С. Садкова объяснить ряд своих высказываний: о том, что теория марксизма-ленинизма «застраяла на уровне двадцатых-тридцатых годов» [9]; о критике в адрес КПСС, которую он озвучивает, будучи заместителем секретаря парткома Северного речного пароходства [11]; о том, считает ли он себя достойным кандидатом [19].

К числу наиболее важных вопросов местного значения следует отнести идею строительства атомной станции теплоснабжения (АСТ) в Архангельске. Избирателей интересовало отношение кандидатов к строительству АСТ [14], возможность проведения референдума по этому вопросу [15]. Несмотря на то, что после аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. общество стало с опаской относиться к атомной энергетике, некоторые избиратели, напротив, считали АСТ более экологически безопасной чем ТЭЦ [16]. Категорическим противником строительства АСТ был Ю. А. Барашков, М. Ю. Кондаков считал, что в этом вопросе следует довериться специалистам [20, с. 109].

26 марта 1989 г. в первом туре голосования М. Ю. Кондаков занял первое место, получив 49,79 % голосов. после чего свою кампанию активизировал Ю. А. Барашков, выигравший выборы во втором туре 8 апреля 1989 г. благодаря поддержке 53,37 % избирателей. Факторами, способствовавшими победе Барашкова, считаются его внимание к проблемам местного значения, имидж борца с бюрократией и позиция о нецелесообразности строительства АСТ [21, с. 58–60].

Таким образом, как тематическая классификация, так и текстуальный анализ записок позволяет судить о том, насколько широкий круг вопросов интересовал политически активных архангелогородцев, об уровне готовности к открытой дискуссии и конкурентной политике. В то же время, жители хоть и интересовались мнением кандидатов по вопросам общесоюзного значения, свой окончательный выбор всё же сделали в пользу Ю. А. Барашкова, который в предвыборной риторике больше внимания уделял местным проблемам.

Список источников и литературы:

1. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/1.
2. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/7.
3. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/10.
4. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/11.
5. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/12.
6. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/22.
7. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/26.
8. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/27.

9. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/30.
10. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/31.
11. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/34.
12. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/36.
13. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/39.
14. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/49.
15. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/50.
16. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/60.
17. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/61.
18. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/62.
19. Архангельский краеведческий музей. АОКМ КП-34951/65.
20. Барашков Ю. А. Депутат СССР № 118. М., 1994. 192 с.
21. Дрегало А. А., Ульяновский В. И. Социология региональных трансформаций: в 2 т. Т. 1. Региональный социум 1989–1998: от надежды к разочарованию. Архангельск, 2010. 493 с.
22. Правда Севера. 1989. 5 февр.
23. Правда Севера. 1989. 14 февр.
24. Правда Севера. 1989. 22 февр.
25. Правда Севера. 1989. 3 марта.

*А.Д. Резанов
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

Образ жандарма в неофициальной периодической печати Архангельской губернии (1905-1907 гг.)

В Российской империи конца XIX- начала XX в. ведущую роль в борьбе с революционными организациями играли чины Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ), который являлся исполнительным элементом политического сыска, подчиняясь Департаменту полиции Министерства внутренних дел. Революция 1905-1907 гг., ставшая выплеском накопившихся противоречий в общественном устройстве, обнажила проблемы и в работе полиции – как общей, так и политической. Кроме того, именно

революционные годы дали толчок развитию неофициальной периодической печати в «провинциальных» губерниях, где демократически настроенная общественность получила возможность открыто критиковать действия монархического режима, который были призваны охранять жандармы.

Быстрый рост региональной прессы стал реакцией на подписание Николаем II «Манифеста 17 октября» 1905 г., который, помимо прочих гражданских прав, давал подданным свободу печати. В Архангельской губернии это событие было омрачено массовым столкновением противников революции и «красных» манифестантов, которое произошло 19 октября и привело к гибели лидера политических ссыльных М.Ю. Гольдштейна, а также учительницы А.А. Покотило [7, л. 76-81].

Местное городское общество вступило в период активного социально-политического размежевания. На этом фоне, в самом конце 1905 г. в губернии появилась первая неофициальная газета политического направления – «Северный листок». Ее издавал И.В. Галецкий, бывший ссыльный, который в 1905 г. вступил в Конституционно-демократическую партию, однако вскоре примкнул к «трудовикам», так как выражал более левые взгляды, нежели «kadety».

Более четкую «kadetskую» ориентацию носила газета «Архангельск», издававшаяся Н.В. Мефодиевым и Н.А. Старцевым с 11 января 1907 г. Кроме того, с 26 августа 1906 г. частный поверенный Г.И. Тарасов начал издавать газету «Голос Севера», которая стала печатным органом умеренной Партии мирного обновления. Так в Архангельской губернии сформировалась периодическая печать, представляющая различные течения демократической мысли и претендующая на влияние в широких общественных кругах, которые объединяло неприятие самодержавия. Именно поэтому одним из критикуемых институтов охраны государства стала жандармерия, а именно – чины Архангельского губернского жандармского управления (АГЖУ).

Совокупность выявленных в газетах текстов, где фигурируют местные жандармы, можно условно разделить на сводки и критические заметки. Первые представляли собой данные о перемещениях и оперативно-розыскных действиях чинов АГЖУ. Обычно они носили краткий характер и не сопровождались оценочными суждениями, хотя «Северный листок» даже в заголовках старался подчеркнуть анти-полицейскую позицию. Например, в

1906 г. один из подобных текстов о жандармах назывался не иначе как «Из вражьего стана». Он сообщал, что чины АГЖУ проводят тренировки по стрельбе из винтовок, которые один из жандармов доставил из Петербурга [13, с. 3].

Достаточно часто встречались на страницах «Северного листка» данные об отъездах и возвращениях в губернию начальника АГЖУ и его помощника, о подготовке жандармов к обыскам, о свершившихся допросах и задержаниях. На примере того же «Северного листка» возможно увидеть особенности и критических заметок о жандармах. Ставясь выставить «врагов» в неприглядном свете, авторы могли находить для этого ничтожные поводы. К примеру, в начале 1906 г. сообщалось о том, что «три жандарма куда-то уводили гимназиста» и пояснялось, что это был сын помощника начальника АГЖУ подполковника И.Д. Петровского, который «поранился топором» и сопровождался в больницу [12, с. 3].

В иных случаях жандармам «доставалось» в связи с действиями других воинских формирований. В период восстания в Шенкурском уезде (с лета по конец 1906 г.) вышла заметка, которая хотя и называлась «Господин Петровский действует», но описывала действия не жандармов, а казаков, направленных на подавление волнений, что воспринималось как угнетение крестьян «охранительной ордой» [8, л. 8].

Тексты «Архангельска» были менее эмоциональными и не содержали откровенно уничижительных эпитетов. Образ жандармов выводился в заметках, скорее, в ироничном ключе. Например, в феврале 1907 г. авторы советовали «господам шпионам» более тонко подходить к ведению наружного наблюдения: не оставлять бороды и брюки при «переодевании» в женщин, скрывать «истинно русское наречие» при ношении для маскировки черкесок. [2, с. 4]. Зачастую подчеркивалось грубое и непрофессиональное поведение жандармов при обысках, но не в гневном, а в насмешливом тоне: «переворотив все вверх дном и не найдя ничего преступного, жандармы извинились» [4, с. 4].

Чаще всего, как и в случае с «Северным листком», «Архангельск» представлял краткие сводки о мероприятиях АГЖУ и полиции: обысках, допросах, арестах, высылке лиц [1, с. 4]. Однако встречались и развернутые критические тексты, как, например, «К арестам и допросам» от 7 февраля

1907 г. Темой заметки стало поведение подполковника Петровского, который «чинит форменные жандармские допросы», кричит и топает ногами на арестованных. Там же был приведен в пример случай одной курсистки, которую «совершенно больной прямо с постели» арестовали и заключили в тюрьму, причем помощник начальника АГЖУ нарушил обещание отпустить ее [3, с. 4].

Газета «Голос Севера» реже «Северного листка» и «Архангельска» обращала внимание на деятельность жандармов. Иногда она приводила описания арестов, как, например, в случае с рабочим Успенским, для поимки которого унтер-офицеру пришлось сделать предупредительный выстрел [11, с. 4]. В описании обысков «Голос Севера» мог позволить себе ироничную подачу: «жандармерия искала какую-то брошюру и, конечно же, ничего не нашла» [9, с. 4].

Открытая критика допускалась печатным органом Партии мирного обновления достаточно редко. В противном случае претензии к политической полиции носили конкретный характер, в отличие от общего неприятия жандармов «Северным листком» или настойчивой иронии «Архангельска». Например, в заметке «Интересное сравнение» обращалось внимание на то, что вахмистр АГЖУ получает жалованья больше, чем учитель, фельдшер и акушерка вместе взятые» [10, с 6].

Таким образом, в то время как ощутимо левый «Северный листок» открыто противопоставлял себя «охранникам», видя в них угрозу, «Архангельск» и «Голос Севера» акцентировали внимание в основном на непрофессионализме жандармов, что подводило читателя к выводу о бесполезности их службы.

Сами жандармы внимательно изучали содержание газет, желая снизить степень их влияния на массовые настроения. В марте 1907 г. начальник АГЖУ полковник А.Ф. Соболев писал в Департамент полиции, что в «Северном листке» и «Архангельске» публикуются «статьи возмутительного содержания», чему жандармы противодействуют [5, л. 905]. В итоге 5 июля того же года был закрыт «Северный листок», а 1 сентября – «Голос Севера».

Только «Архангельску» будет суждено пережить наступление реакции и просуществовать до конца 1917 г. Допустимо предположить, что эту газету, как наиболее популярную, было решено не закрывать для возможности

сконцентрироваться на ее контроле. В частности, АГЖУ располагало досье на 40 сотрудников «Архангельска», многих из бывших ссыльных, которых можно было бы уличить в связях с революционными партиями [6, л. 320].

Осведомленность жандармов, усиленная после 1907 г. вербовкой секретных сотрудников, позволила в дальнейшем снизить активность революционного элемента, который питала среда ссыльных. Чины политической полиции все реже стали появляться на страницах «Архангельска», так как революционный процесс пошел на спад, а вместе с ним и интерес читателей к подобной тематике.

Материалы региональной частной периодической печати являются перспективным источником изучения политического сыска и общей полиции. Часто его значение недооценивается ввиду очевидной пристрастности публицистов. Однако мы могли убедиться, что оппозиционная периодическая печать имеет большой источниковый потенциал, дополняя картину социально-политического противоборства, которую возможно реконструировать на основе официальных документов.

Список источников и литературы:

1. «Архангельск». 1907 г. № 17. 30 января.
2. «Архангельск». 1907 г. №21. 4 февраля.
3. «Архангельск». 1907 г. №24. 7 февраля.
4. «Архангельск». 1907 г. №90. 4 мая.
5. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 211.
6. ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 320.
7. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 3 ч. 10.
9. «Голос Севера». 1907 г. №133. 9 февраля.
10. «Голос Севера». 1907 г. №201. 9 мая.
11. «Голос Севера». 1907 г. №220. 2 июня.
12. «Северный листок». 1906 г. №13. 13 января.
13. «Северный листок». 1906 г. №129. 10 июня.

В. А. Соловьев
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

**От дневниковых записей до публикации рукописи в 1933 г.:
исторический путь мемуаров Армана де Коленкура (1773-1827 гг.)**

Мемуары французского дипломата и генерала Армана де Коленкура являются примечательным источником личного происхождения. Ссылки на рукопись одного из ближайших сподвижников Наполеона, сопровождавшего императора в ходе кампании в России, по-прежнему встречаются в крупных исследованиях как зарубежных, так и отечественных историков. Примером тому служит недавно вышедшая работа британского исследователя Э. Робертса «Наполеон», в которой во многом апологетическая позиция автора по отношению к императору зачастую подкрепляется ссылками на Коленкура, формируя и фиксируя таким образом представление о «Наполеоне-человеке» в противовес образу «Наполеона-легенды» [7]. Предшественники Э. Робертса, изучавшие вопросы французской дипломатии, исследователи придворной жизни, военные историки наполеоновской эпохи также использовали рукопись Коленкура, отмечая высокую степень достоверности источника, в чем, на наш взгляд, заключается проблема. На сегодняшний день не существует комплексных аналитических исследований, рассматривающих мемуары Армана де Коленкура с критических источниковедческих позиций. Исследователи с изрядной долей регулярности ссылаются на текст мемуаров, не ставя под сомнение те или иные суждения автора, воспринимая их как нечто само собой разумеющееся. В отдельных случаях выборочной критике подвергаются суждения Коленкура, вступающие в противоречие с исследовательской позицией при одновременном апеллировании к тем суждениям, которые эту позицию подкрепляют. В этом ключе одним из первых шагов на пути решения проблемы, на наш взгляд, может быть попытка проследить исторический путь мемуаров Коленкура с целью фиксации возможных рубежных точек, на основе которых исследовательская интерпретация сможет претендовать на большую степень объективности.

При знакомстве с мемуарами Армана де Коленкура «*Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, grand écuyer de l'Empereur*» (в трёх томах) исследователь сталкивается с несколькими «слоями» интерпретации событий 1807-1812 гг. – основной событийной линии, описываемой автором рукописи.

Первый «слой» проявляется во вторичности мемуаров как исторического источника. Время написания текста относится к 1820-м гг. [4, с. 1148] – к этому моменту сам Коленкур вёл частную жизнь в Париже, удалившись от участия в государственных и политических процессах Франции периода Реставрации. Бывший наполеоновский генерал и дипломат не стал мишенью Бурбонов во время так называемого «Белого террора» 1815-1816 гг., благодаря личному заступничеству Александра I, к которому Коленкур питал дружеские чувства со времён его посольской миссии в Санкт-Петербурге [6, р. 70]. Межличностный аспект, между российским государем и французским послом заслуживает отдельного упоминания. В тексте мемуаров дружеские чувства Коленкура отражены весьма исчерпывающе – в нём справедливый образ Александра I выстроен в духе непритворного восхищения, в основе которого автор выделяет целеустремленность, последовательность, благородство и политический прагматизм, оправданный целью служения российскому народу. Есть все основания полагать, что благодарность Коленкура государю за исключение из проскрипционных списков, по которым проходили суды над бывшими соратниками Бонапарта, а также ностальгия по тёплому приему, оказанному французскому дипломату в период его посольства в Петербурге, могли оказать значительное влияние на ту часть исторической реальности, которую Коленкур, как современник событий, стремился отобразить в своей работе.

Непосредственной основой для текста рукописи Армана де Коленкура являются его дневниковые записи, подробно описывающие частные беседы между автором и Наполеоном, между другими приближенными императора, обсуждения политических и личных вопросов. Эти дневниковые записи, как утверждает сам Коленкур, создавались непосредственно в ходе описываемых событий, что, безусловно, прибавляет источниковедческую ценность источнику: «Я писал свои заметки всюду: в кабинете, на бивуаке, в любой день, в любой момент; они рождались во всякие мгновения. Я ничего не

прикрашивал, ничего не замаскировывал, ибо хотя император проявлял порою человеческие слабости, тем не менее в нем чаще видели полубога. Я не раз говорил себе, что этот дневник, который я писал на глазах у императора, мог бы попасть в его руки, но это соображение не останавливало моего пера» [2, с. 5].

В этом ключе американский историк Ф. Стингфеллоу Барр, комментируя особенности создания дневниковых записей, по которым впоследствии будут написаны мемуары, провёл любопытное сравнение между Коленкуром и древнегреческим историком Фукидидом: «Как и Фукидид, французский дипломат был участником описываемых им событий. Подобно Фукидиду, он был убежден в огромной важности дела, которым ему предстояло заняться. Как и Фукидид, он был профессионально квалифицирован, чтобы прояснить природу вопроса: он был солдатом, описывающим войну, а не исследователем военной истории, чьи единственные сражения велись с непокорными сотрудниками библиотеки. Подобно Фукидиду, он жил как с врагом, так и дома, и поэтому мог видеть драму сверху, над схваткой. Подобно Фукидиду, он инстинктивно осознавал, что вся великая история подчиняется шаблону трагедии» [9].

Отметим, что временной разрыв как минимум в 10-15 лет между первичными дневниковыми записями в виде набросков [2, с. 6] и законченным стилистически выдержаным текстом мемуаров должен быть как минимум учтён при попытке оценить степень релевантности интересующего нас источника. Этот аспект представляется важным для упоминания. Восприятие прошлых событий и их отображение в текстовом виде часто может быть сопряжено с несознательной подстановкой фактов под уже известное следствие совершившихся событий. Так, в своей работе «Битва двух империй 1805-1812 гг.» крупный отечественный специалист по наполеоновской эпохе О. В. Соколов отмечает подобный аспект в мемуарах Коленкура. В частности, исследователь критикует французского посла за неоднократные суждения, созданные «задним числом» [3, с. 421], уличая автора в подстраивании фактов в логическую линию уже совершившегося события, приводя в пример пересказ беседы между графом Нарбонном и Александром I, в котором российский государь указывал на невозможность победы над Россией из-за особенностей её климата: «Если император

Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира. Испанцы неоднократны были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы. У них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов» [2, с. 56].

По мнению О. В. Соколова, рассуждения являются вымыслом, так как «...ни в одном синхронном документе, относящемся к подготовке военных операций, не говорится о возможности воздействия климата на наполеоновскую армию» [4, с. 1149], что может свидетельствовать о сознательном подлоге. Любопытно то, что отдельные сомнения в словах Коленкура абсолютно не мешают О. В. Соколову использовать другие его суждения, выражая доверие к источнику [3, с. 425]. С другой стороны, один из ведущих британских историков наполеоновских войн – Д. Чандлер, напротив, с изрядной долей доверия относится к тексту мемуаров Коленкура, называя их «жизненно важным источником» [8], а самого их автора «талантливым и в достаточной мере объективным» [5, с. 456].

Второй «слой» интерпретации касается времени публикации текста мемуаров. После смерти автора оригинальная рукопись, по-видимому, долгое время хранилась в родовом замке Коленкур, доступ к тексту имели несколько историков наполеоновской эпохи: Фредерик Массон (1847-1923 гг.) и Альбер Вандаль (1853-1910 гг.) [9]. Известные своими апологетическими взглядами в отношении личности Наполеона, эти исследователи сделали копии с оригинального текста мемуаров [9]. Как оказалось, весьма своевременно. В ходе Первой мировой войны считалось, что оригиналный текст был утерян вследствие разрушения замка в ходе кровопролитных боёв за Сен-Кантен, потому сделанные Ф. Массоном и А. Вандалем копии текста были использованы в качестве единственного источника, на основе которого в 1933 г. историк Жан Аното впервые опубликовал текст мемуаров. Иными словами, перед современным исследователем предстает не оригиналный текст самих мемуаров, но их оформленная копия, подвергшаяся пусть и не глобальной, но редактуре со стороны историка.

Спустя 10 лет, в 1943 г., текст первых двух томов мемуаров Коленкура был переведён в СССР, выйдя под названием «Мемуары: поход Наполеона в Россию». В предисловии к этому изданию профессор А. Васютинский, с

одной стороны критикует автора мемуаров за излишнее похвалы в адрес французской армии, умалчивание и преуменьшение значимости российских побед, ошибочное освещение многочисленных военных эпизодов, а также оторванность от обычных солдат (в этом ключе Коленкур видится представителем приближенной к императору элиты, не испытывающей на себе все тяготы военного времени, а значит и не осознающей характер народной войны в России), с другой же стороны, отмечает историческую ценность источника в содержательном контексте, называя мемуары «путеводителем похода» [1, с. 10]. Учитывая время публикации советского издания, его идеологическая роль и посыл в контексте Великой Отечественной войны достаточно очевидны.

Подкрепление исследовательской позиции по тому или иному вопросу посредством ссылок на рукопись Армана де Коленкура, на наш взгляд, может быть оправдано только в том случае, если исследователь учитывает исторический контекст создания источника, его многослойность и развитие в исторической ретроспективе. Временной разрыв между написанием набросков дневниковых записей французского дипломата и оригинальным текстом мемуаров допускает искажения в интерпретации событий одного и того же автора, подвержены сменам и исторические оценки прошедших событий, немаловажным остаётся межличностный фактор в виде дружеских чувств у Александру I. Последующие копии, снятые с мемуаров французскими историками, во многом симпатизировавших Наполеону, создают новый, еле заметный слой интерпретации документа, который еще предстоит рассмотреть под более внимательным взглядом ввиду столь долгого времени от момента написания рукописи до её публикации в 1933 г. Все эти, а также другие источниковедческие вопросы заставляют несколько иначе взглянуть на источник личного происхождения, а также поднять справедливый вопрос о степени его презентации.

Список источников и литературы:

1. Коленкур А. Мемуары: поход Наполеона в Россию. М., 1943.
2. Коленкур А. Наполеон глазами генерала и дипломата. М., 2016.
3. Соколов О. В. Битва двух империй. М., 2012.

4. Соколов О. В. Женское лицо войны. // Вестник СПбГУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 1146-1157.
5. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 1999.
6. Elting J. R. Swords Around a Throne: Napoleon's Grande Armée. USA: Da Capo Press, 1997.
7. Palmer S. Book review: With Napoleon in Russia – Caulaincourt [Electronic resource] URL: <https://goo.su/urK8gz7> (15.04.2024).
8. Sewell M. The Truth About Memoires [Electronic resource] URL: https://www.napoleon-series.org/research/eyewitness/c_truth.html (15.04.2024).
9. Stringfellow Barr F. Possessions for All Time [Electronic resource] URL: <https://www.vqronline.org/possessions-all-time> (15.04.2024).

K. B. Суццева

*Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

Общественная деятельность преподавателей в первые месяцы Первой мировой войны по материалам газеты «Северное утро»

Большая ежедневная политическая, общественно-литературная и экономическая газета «Северное утро» стала десятым ежедневным периодическим изданием Архангельской губернии. Она издавалась с 1911 по 1920 гг. Максимом Леоновичем Леоновым и, занимая ведущее положение в архангельской периодике этих лет, запечатлела на своих страницах одно из самых трагических десятилетий российской истории. В газете регулярно публиковалась информация о событиях, происходивших в мире, стране и непосредственно губернии. Городские новости освещались в специальной рубрике «Местная жизнь», публикации в которой имели различную направленность: от изменения расписания паромов до самоубийства того или иного гражданина.

Военный период стал сложным временем для гражданского населения, но, несмотря на это, газета продолжала свою деятельность, освещая значимые события театра военных действий и города в этот период.

Газеты зафиксировали, что в годы войны активизировалась общественная жизнь города: жители Архангельска разных социальных сословий и политических взглядов оказывали поддержку ушедших на войну солдат и их семей, раненых и больных воинов. Исследователь истории благотворительности Е. Ю. Колебакина отмечает, что ещё до войны Архангельск занимал одно из первых мест в стране по количеству благотворительных обществ и учреждений [8, с. 59], а военная угроза с новой силой вдохновила архангелогородцев на благотворительную деятельность. Данный порыв не обошёл и городскую интеллигенцию, неотъемлемой частью которой являлись педагоги.

Потребность в грамотных кадрах в конце XIX - начале XX в. стимулировала развитие народного образования, что проявлялось в ряде мероприятий: обновлении нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность учебных заведений, создании училищных советов, формировании практики учительского самоуправления, организации учительских обществ и т. п. [16, с. 7]. Росло количество учебных заведений – школ, семинарий, гимназий, училищ, курсов разного вида и уровня, и с этим увеличивалось число преподавателей. Учителя, помимо своей профессиональной деятельности, занимались общественной деятельностью, которая определяется нами как индивидуальная или коллективная деятельность представителей педагогического общества, осуществляемая бескорыстно, направленная на решение социально значимых проблем. Так, преподаватели архангельских учебных заведений являлись членами благотворительных обществ – Общества вспомоществования беднейшим учащимся, Общества по содействию распространению народного образования, приюта Святого Петра [1, с. 32]; участвовали в организации праздников и мероприятий для горожан [5, с. 79]; печатали заметки в газетах и журналах; составляли различные очерки, касающиеся истории и природных условий региона [7, с. 21] и т. п. В период Первой мировой войны преподаватели были активными участниками общественной жизни, внося

свой вклад в победу над врагом и оказание помощи воинам, что нашло отражение на страницах городской газеты «Северное утро».

Война началась 28 июля 1914 г., и уже в выпуске от 29 июля были опубликованы: Высочайший манифест императора Николая II об объявлении войны Германией, объявление об отслужении напутственного молебна отправлявшимся на театр военных действий, а также в рубрике «Местная жизнь» объявление об организации редакцией газеты сбора пожертвований «в пользу семей запасных и раненых» деньгами или вещами [14, с. 3]. Первое упоминание о такого рода помощи от лица педагогов встречается в выпуске от 19 августа в уже упомянутой рубрике «Местная жизнь», в заметке под заголовком «Хорошее дело»: «педагогический персонал архангельского высшего начального училища и педагогических курсов постановил отчислять ежемесячно в пользу больных и раненых 2% получаемого содержания» [15, с. 3]. Это не первая новость о том, что какая-либо организация приняла решение отчислять определённую часть своего жалования для нуждающихся воинов, но именно с этой заметки преподаватели как коллективно, так и индивидуально начинают появляться в газете в качестве лиц, добровольно оказывавших материальную помощь.

Кроме того, ещё 15 августа в газете появилась новость о том, что Архангельское техническое и городское ремесленное училища предоставили все свои мастерские – столярную, слесарную, механическую и кузницу – для исполнения работ и заказов для нужд военного ведомства, Красного Креста и лазаретов [6, с. 3]. Известно, что в мастерских работали не только учащиеся или добровольцы, но и преподаватели.

В заметке от 24 августа «Благотворительный номер Северного Утра» была освещена благотворительная акция, заключающаяся в распространении газет по городу, в которой помимо газетчиков принимали участие «барышни местной интеллигенции» [2, с. 3]. По нашему мнению, эта интеллигенция включала в себя и преподавателей. 29 августа в газете было опубликовано поступившее в редакцию письмо, в котором приводилась информация о членских взносах Обществу повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Письмо интересно одним из четырёх имён – Вл. И. Мазюкевич. Владимир Иванович преподавал латинский язык сразу в двух заведениях – в Ломоносовской мужской и Мариинской гимназиях, а в письме

также говорится, что он являлся действующим членом Общества, в которое от него поступило 3 рубля [3, с. 3].

31 августа в традиционной заметке под названием «В пользу раненых» освещается, какие организации и предприятия сделали пожертвования, и здесь встречаются учебные заведения: «от служащих реального училища – 17 руб. 17 коп., от членов попечительного и педагогического совета женской прогимназии – 38 руб. 12 коп., от чинов педагогического персонала высшего училища имени Цесаревича Алексея – 10 руб.». Также был приведён список тех, кто вносил пожертвования вещами. Так, преподаватель закона Божьего в Реальном училище Василий Смирнов пожертвовал одну подушку [10, с. 3]. 13 сентября от педагогического персонала Ломоносовской гимназии поступило 37 руб [11, с. 3].

О неравнодушии сотрудников учебных заведений к происходящему свидетельствует объявление на первой странице выпуска «Северного утра» от 23 сентября, озаглавленное как «Жертвуйте кто чем может!». В объявлении Кружок для помощи воинам действующей армии призывал к пожертвованию продуктов и вещей для отправки на фронт и указывал, где эти пожертвования принимаются. Двумя из четырёх мест являлись Техническое училище и Женская прогимназия, находившаяся в СоломбALE, где пожертвования принимала начальница прогимназии и член комитета Раиса Александровна Кожина [9, с. 1].

30 сентября в пользу раненых поступили пожертвования от служащих архангельской женской прогимназии – 14 руб. 11 коп., от служащих реального училища – 21 руб. 8 коп., от служащих Мариинской гимназии – 30 руб. 75 коп., от служащих архангельского мореходного училища – 22 руб. 79 коп., от учащих архангельского училища имени Ломоносова – 4 руб., 10 коп., от учителей архангельского училища имени И. С. Тургенева – 2 руб. 5 коп., от учащих первого женского архангельского училища – 2 руб. 25 коп., от учащих соломбальского двухклассного женского училища – 2 руб. 85 коп., от учащих архангельского двухклассного женского училища имени А. С. Пушкина. А также в пользу семей запасных: от служащих в учительской семинарии – 25 руб. 12 коп., от служащих в Мариинской женской гимназии – 30 руб. 70 коп., от учителей Ломоносовской гимназии – 38 руб. 91 коп. [12, с. 3]. 26 октября Мариинской гимназией было сделано крупное вещевое

пожертвование – 1 дюжина рубашек, 1 дюжина кальсон, 2 дюжины полотенец, 3 дюжины наволочек, 1 дюжина носовых платков, 6 штук шарфов, 12 мешков наполненных и 34 мешка пустых [13, с. 3].

Ещё одной из форм благотворительности являлись показы спектаклей и кино и музыкальные вечера, объявления о которых всегда находились на первой странице. 21 октября на первой странице газеты встречается объявление о том, что 22 октября в помещении Технического училища состоится детский вечер в пользу воинов действующей армии, на котором будет представлена «Сказка о храбром мальчике и двух прекрасных принцессах» [4, с. 1]. В объявлении не сказано об организаторах и участниках данного представления, но известно, что подобной деятельностью занимались учащиеся и преподаватели учебных заведений, что позволяет нам сделать предположение об участии в мероприятии педагогов училища.

Таким образом, газета «Северное утро» является информативным источником по общественной деятельности преподавателей во время Первой мировой войны. Проанализировав данный источник, можно сделать вывод, что педагогическое сообщество Архангельска, несмотря на тяжёлые условия военного времени, внесло значительный вклад в помощь фронту и семьям фронтовиков своей общественной деятельностью. Она включала в себя разные формы, но в период Первой мировой войны на первый план вышла благотворительная – участие в комитетах и денежные и вещевые пожертвования. Чаще всего преподавателей упоминали в газете как коллектив, а конкретные фамилии встречаются реже, поэтому необходимо дополнить исследование материалами архивов. Активная общественная деятельность архангельских педагогов во время Первой мировой войны свидетельствует о их высокой гражданской ответственности и преданности своей стране.

Список источников и литературы:

1. Благотворительность на Архангельском Севере в прошлом и настоящем. / В. Н. Матонин, Е. Ю. Колебакина, С. Ю. Селянин, Р. А. Давыдов. Архангельск, 2008.
2. Благотворительный номер Северного утра // Северное утро. 1914. №190. С. 4.

3. Брянчанинов В. Письмо в редакцию // Северное утро. 1914. №194. С. 3.
4. В среду, 22-го октября, 1914 года // Северное утро. 1914. №236. С 4.
5. Гуркина Н. К. Культурная миссия педагогов Архангельской Ломоносовской гимназии в конце XIX — начале XX вв. // Интеллигент в провинции. 1997. №1. С. 77-80.
6. Для нужд армии // Северное утро. 1914. №183. С. 3.
7. Калинина Е. А. "Мы утешали себя тем, что работали для народа" (Учителя гимназий Русского Севера в первой половине XIX века). // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 8(102). С. 15-24.
8. Колебакина Е. Ю. Благотворительные общества в Архангельске в годы Первой мировой войны. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. №5. С. 59-74.
9. Комитет кружка. Жертвуйте кто чем может! // Северное утро. 1914. №213. С. 4.
10. Местная жизнь. В пользу раненых // Северное утро. 1914. №195. С. 4.
11. Местная жизнь. В пользу раненых // Северное утро. 1914. №205. С. 4.
12. Местная жизнь. В пользу раненых // Северное утро. 1914. №219. С. 4.
13. Местная жизнь. В пользу раненых // Северное утро. 1914. №240. С. 4.
14. Местная жизнь. В пользу семей запасных и раненых // Северное утро. 1914. №169. С. 4.
15. Местная жизнь. Хорошее дело // Северное утро. 1914 г. №185. С. 4.
16. Федосеева И. В. Развитие государственных и общественно-педагогических инициатив в отечественном народном образовании второй половины XIX - нач. XX в. : на примере Архангельской губернии. Архангельск, 2015.

Н. С. Федулин
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

Письма американских детей в Россию в 1919 г. (по материалам газеты «Северное утро»): опыт контент-анализа

Текстовый нарратив является одним из важнейших источников знаний о прошлом. Для анализа текста в современных исторических исследованиях широко применяются количественные методы, в том числе, заимствованные из смежных гуманитарных дисциплин. Примером подобной рецепции является применение в исторических изысканиях контент-анализа – перевода в количественные показатели массовой текстовой информации [1, с. 75]. Между тем, полученные данные нуждаются в интерпретации, поэтому контент-анализ часто называют количественно-качественным методом. В качестве объектов исследования в контент-анализе выступают статьи в периодической печати, речи, письма, дневники, интервью и т.д. Применение метода контент-анализа для газетно-журнальных текстов характерно для социологического подхода к изучению периодики.

Объектом данного исследования являются письма американских детей и особенности их публикации в газете «Северное утро» на протяжении 1919 г. Всего из 29 публикаций писем в связи с плохой сохранностью газеты, удалось обнаружить 21 письмо, то есть 2/3 от общего количества. В предисловии к первому письму сообщалось, что американские дети вели переписку с воспитанниками местного Александровского приюта. Данное учреждение, открытое в Архангельске ещё в 1841 г., посещали дети бедных родителей. Воспитанников обучали Закону Божьему, грамоте, арифметике, знакомили с историей и географией, прививали навыки в пении и рукоделии. Письма, по словам редактора газеты, были доставлены ему начальницей приюта и «представляли собой немалый интерес» [3, с. 4]. Беспартийная газета «Северное утро» издавалась в Архангельске в 1911-1920 гг. московскими журналистами и была одной из самых популярных в местной периодике, освещая события в мире, России и Архангельске. После

Октябрьской революции 1917 г. тон газеты носил ярко выраженный антибольшевистский характер.

Американские дети подписывали письма своим именем и фамилией, а также указывали адрес проживания (например, «Мария Мейер, г. Чинчиннати», «Ингрид Ольсен, г. Толидо»). Вероятно, что письма от американских детей были написаны на английском языке и переведены на русский в США или России. Об этом свидетельствуют ошибки в переводе, например: «наше правительство – республика, это значит, народ сам выбирает офицеров и устанавливает свои законы» [4, с. 4]. Все опубликованные письма располагались на последней странице газеты, где традиционно размещались письма в редакцию. В отличие от них, письма американских детей были выделены особым шрифтом, вероятно, для того, чтобы привлечь внимание читателя.

Публикация писем в газете позволяет предположить, что они могли использоваться в качестве пропаганды определенных ценностей и идей, поэтому цель данного исследования заключается в определении степени тенденциозности писем от американских детей с помощью метода контент-анализа. Задачи исследования: выявить категории и индикаторы контент-анализа, провести их подсчет и интерпретировать полученные данные.

На первом этапе контент-анализа определяются первичные понятия – индикаторы. Далее индикаторы объединяются в категории – более укрупнённые классы понятий [6, с. 72]. В табл. 1 приведены категории и индикаторы, использованные автором для анализа писем от американских школьников.

Таблица 1. Категории и индикаторы

Категории	Индикаторы	Количество
Патриотизм	Займ «Свободы» правительству США от американских детей	5
	Российские дети должны помочь своей стране	1
	Российские дети – будущее России	1
	Помощь нуждающимся в США через общественные организации	1
	Сбор денег на возвращение американских солдат («Верни его нам»)	2

Демократия	Демократизация России	4
	Наличие в США политических прав и свобод	8
	Отрицательное отношение к большевикам	3
	Отрицательное отношение к самодержавию	2
Взаимодействие США с Россией	Помощь России и Европе через Американский Красный Крест	8
	Дружба американских и российских детей	35
	Дружба США и России	3
Технологические и инфраструктурные достижения США	Небоскребы	2
	Зоологические сады с животными	3
	Фабрики, заводы, верфи	2
	Парки с зеленью	3
	Места для игр	4
	Городское благоустройство (фонари, удобные улицы, метро, стадионы и т.д.)	9
Образование	Бесплатное образование в США	8
	Описание учебного процесса и школьных зданий американскими школьниками	14
	Высокое качество образования в США	6
	Получение образования воспитанниками архангельского приюта	12
Внеклассические занятия	Библиотеки	8
	Языковой клуб	1
	Кинематограф	3
	Домашние обязанности	1
	Театр	2
	Пикники	1
	Игрушки	1
	Чтение газет	4
	Подвижные игры	11

В результате проведенного контент-анализа видно, что в письмах преобладает индикатор дружбы между архангельскими и американскими детьми. Почти в каждом письме к адресатам обращались как к «друзьям», «братьям», «подругам» и т.д. В категории взаимоотношений между США и Россией также можно выделить индикатор помощи США России и другим странам Европы через Американский Красный Крест. Общественная организация действовала в Архангельске во времена Гражданской войны и,

как отмечают исследователи, сыграла важную роль в обеспечении горячими завтраками учащихся школ Архангельска [2, с. 55].

Вторым по частоте упоминания индикатором является описание американскими школьниками учебного процесса и школьных зданий. Данный индикатор имеет тесную связь с другими индикаторами из области образования. Описывая изучаемые предметы и учебные кабинеты, американские школьники зачастую отмечали высокое качество образования в США и то, что оно «не стоит ни копейки» [5, с. 4]. Индикатор «Получение воспитанниками Александровского приюта образования» включал в себя, например, следующие смысловые единицы: «Я бы взял вас с собою в училище, где бы вы научились писать и считать», «Мы, дети Америки, слышали, как вы жаждете просвещения. Мы охотно поможем вам достигнуть его», «Надеюсь скоро вы получите образование и напишите мне письмо» и т.д. Это можно объяснить тем, что родители воспитанников приюта не могли обеспечить своим детям качественное образование, которое, как правило, было платным, например, в гимназиях.

Помимо рассказов об учебном процессе и его преимуществах в США, «американские дети» сообщали о своих внеучебных занятиях, которые зачастую были связаны с подвижными играми (например, бейсбол или футбол) и посещением библиотек. Говоря о городской инфраструктуре, школьники упоминали наличие зоопарка, игровых площадок, небоскребов, метро и т.д.

Двумя другими важными категориями, которые были выделены в ходе исследования, являются «патриотизм» и «демократия». Наиболее упоминаемым индикатором в категории «демократия» являлось наличие в США политических прав и свобод, что выражалось, к примеру, в таких фразах: «Если бы у вас была такая же свобода, как и у нас, вы были бы так же счастливы», «О, если бы вы только могли прилететь на аэроплане и увидеть нашу страну... Нашу страну – свободы, справедливости и человеколюбия». По примеру США Россия тоже должна была стать, по словам американских детей, «страной демократической и примером всему свету» [3, с. 4]. В рамках категории «патриотизм» наиболее часто упоминалось участие американских школьников в «Займе Свободы». В годы Первой мировой войны

правительство США выпускало военные облигации, которые продавались своим гражданам для поддержки союзников.

Систематическое повторение в письмах американских детей похожих смысловых единиц позволяет предположить, что школьники опирались на единый шаблон написания, заимствовали друг у друга идеи, а процесс сочинения писем в классе контролировался учителями. Появление писем могло быть обусловлено попыткой наладить общественно-культурные связи с населением Российского Севера через Американский Красный Крест, который действовал в Архангельске. Еще одной задачей публикации было желание представить позитивный образ США как союзников Белых сил, которые готовы были помочь России. Газета «Северное утро» занимала антибольшевистские позиции и выступала за дальнейшую помочь союзников в борьбе с большевиками, что может объяснять появление писем именно в данном издании.

Таким образом, письма американских детей также являются важным источником для проведения научных изысканий в области новых направлений историко-культурной антропологии. Отражение образов России в годы гражданской войны, гордость американских детей за свою страну и их сопереживание российским детям могут быть рассмотрены в русле имагологии, эмоциологии и истории детства.

Список источников и литературы:

1. Коротаев В. И. Периодическая печать как исторический источник. Учебно-методические рекомендации. Архангельск, 2007.
2. Рогачев И. В., Силин А. В. Американские неправительственные организации и политика США на Европейском Севере России, 1914-1919 гг. // Вестник ННГУ. 2019. №3. С. 50-58.
3. Северное утро. 1919. №185. 21 июля.
4. Северное утро. 1919. №198. 3 августа.
5. Северное утро. 1919. №262. 7 октября.
6. Ситникова Е. В. Опыт изучения средствами контент-анализа речи, произнесённой А. И. Герценом при открытии вятской публичной библиотеки 6 декабря 1837 г // Вестник ВятГУ. 2015. №1. С. 71-75.

Секция IV. Предметы искусства как исторический источник

H. B. Vadov

*Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского*

Особенности интерпретации прижизненных и посмертных изображений французских монархов на примере Филиппа IV Красивого и Людовика X Сварливого

Одним из наиболее интересных периодов истории Франции является период т.н. «Последних Капетингов» - правление Филиппа IV Красивого и трёх его сыновей – Людовика X, Филиппа V и Карла IV (1286 – 1328 гг.). Особенno интересным представляется изучение создания и отражения образа власти, сложившегося в правление данных монархов. В нашей работе мы остановимся на Филиппе IV и его старшем сыне – Людовике X.

Конструирование образа монарха – сложный и масштабный процесс. К нему относятся речи, ритуалы, жесты, изображения и даже запахи, используемые при церемониях [3, с. 5-6]. В случае с французской монархией стоит упомянуть миропомазание елеем и торжественный въезд в город [4, с. 47-48]. В нашей работе мы сосредоточимся на изучении изобразительных источников, разделив их на две категории – те, что были созданы при жизни монарха и непосредственно влияли на создание его образа, и посмертные, то есть созданные уже после кончины короля, которые являются уже скорее отражением того образа, который сложился вокруг него при жизни.

К первой группе относятся королевские печати, которые фактически являются самыми реалистичными изображениями монархов. Поскольку печати ставились практически на все королевские указы и распоряжения, с ними было знакомо гораздо большее число жителей страны, чем, например, с историческими произведениями или иллюстрациями к ним, поэтому печати имели большее влияние на формирование и поддержание образа королевской власти, чем иллюстрации.

Ко второй группе принадлежат иллюстрации из «Больших Французских хроник», а именно из экземпляра Карла V, поскольку он наиболее близок к периоду правления выбранных нами монархов, и содержит множество подробных изображений.

У Филиппа IV Красивого была лишь одна печать с его изображением [6]. На ней он восседает на троне, украшенном головами львов, ноги короля стоят на ковре. Одет король в мантию и далматику, в левой руке держит скипетр, а в правой – геральдическую лилию. Интересно, что голова его доходит практически до самого края печати, и поэтому он кажется очень высоким. Лилии выбраны не случайно – они, как известно, являются геральдическим символом Франции, и поэтому король держит их в своих руках, подразумевая под ними страну. К сожалению, на сохранившихся оттисках печати лицо практически невозможно рассмотреть. Печать Филиппа IV не сильно отличается от печатей предшественников – разве что рост короля представляется значительно выше, поскольку корона доходит до самых краев печати.

Печать Людовика X [7], казалось бы, идентична отцовской, однако на ней присутствует очень важная деталь, которой не было у Филиппа IV. Это новый атрибут королевской власти – длань правосудия, которую Людовик держит в левой руке. Этот символ означал, что король является не только правителем, но и гарантом справедливости в стране, имеющим право вершить суд. С чем может быть связано такое изменение? Можно предположить, что из-за своей меньшей популярности, чем у отца (как минимум из-за скандала с Нельской башней), Людовиком и его советниками было принято решение поднять авторитет правителя в глазах народа и знати – и на печатях впервые в истории французской монархии появился этот символ власти.

Первым изображением в «Хрониках», посвященным Филиппу IV, является иллюстрация с принесением оммажа за Гиёнь королем Англии Эдуардом I [1, р. 318 г] Филиппу Красивому. Иллюстратор не зря выбрал этот сюжет – к правлению Филиппа относится конфликт с Англией из-за Аквитании, когда Филипп занял Бордо и вынудил уже ставшего королём Эдуарда II снова принести оммаж за континентальные владения. Примечательно, что французский король изображен здесь выше английского, что говорит о том, кто из них занимает более высокую ступень в иерархии.

Следующие два изображения с Филиппом IV посвящены битвам против фламандцев – при Куртре (1302) [1, р. 326 г] и при Монс-ан-Павеле (1304) [1, р. 330 в]. В первом случае во главе французского войска изображен

король, который в действительности в битве не участвовал. Об отображении сражений во французских хрониках пишет уже упомянутый М. Ю. Колпаков в статье «Легитимизация военного насилия во французской общественной мысли в эпоху правления Филиппа IV Красивого» [5, с. 48]. Там он говорит о том, что в битве при Монс-ан-Павеле король объединил всю «нацию», и благодаря этому удалось добиться победы. Тем удивительнее, что битва при Куртре была настоящей катастрофой для французской армии, и включение в этот сюжет короля кажется нелогичным. Можно предположить, что целью являлось поддержание образа короля-воина, который возглавлял армию при любых обстоятельствах и делил со своими воинами и победы, и поражения.

Единственное изображение с Людовиком X – это его коронация [1, р. 339 г.]. Интересно, что у его отца, Филиппа IV, изображения с подобным сюжетом нет. Вероятнее всего, это связано с тем, что в правление Людовика событий было меньше, поэтому можно предположить, что едва ли не самым заметным из них являлась его коронация.

Из анализа иллюстраций к «Большим Французским хроникам» можно сделать вывод о том, какой образ короля сохранился для потомков, или, по крайней мере, как иллюстратор старался его преподнести. Филипп IV Красивый предстает как воин и политик, который побеждает врагов в бою, то есть фламандцев, и на дипломатическом поле, о чем говорит сюжет с принятием оммажа за Гиень от короля Англии. В то же время, его старший сын, Людовик X, остался в иллюстрациях к «Хроникам» лишь в качестве коронованного короля.

Проанализировав королевские печати и иллюстрации к «Большим Французским хроникам», можно сделать выводы о создании и отражении образов Филиппа IV и Людовика X. Печати, относящиеся к прижизненным изображениям монархов и созданные по их распоряжению, были средством создания образа непосредственно в период правления короля. Судя по изменениям, внесенным при Людовике X, можно предположить, что, пытаясь поднять свою репутацию в глазах подданных, им был введен в обиход новый символ – длань правосудия, которой как бы подчеркивался статус короля как верховного судии и гаранта правосудия в стране. Отсутствие нововведений на печати Филиппа IV по сравнению с предшественниками можно объяснить тем, что он не нуждался в

восстановлении своей репутации, поскольку своими деяниями и победами заслуживал расположение подданных.

Совершенно обратная ситуация с иллюстрациями, то есть посмертными источниками, отражающими, а не создающими образ правителя: Филиппу IV посвящено сразу три изображения, на которых запечатлены две его победы – политическая, с принятием оммажа за Гиень от Эдуарда I, и военная, над фламандцами в битве при Монс-ан-Певеле, а также поражение в битве при Куртре, в котором он сам, правда, участия не принимал. Людовик X же изображен единожды – на иллюстрации представлена его коронация. Вероятнее всего, это связано с коротким правлением и неудачными инициативами. Филипп IV же остался в памяти, по крайней мере в иллюстрациях «Хроник», как сильный лидер, побеждающий своих врагов и дипломатическими, и военными путями.

Список источников и литературы:

1. Grandes Chroniques de France. 1375-1380. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84472995/> (15.03.2024)
2. Grandes Chroniques de France. 1455 – 1460. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10538041t> (15.03.2024)
3. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? / Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / отв. Ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. СПб, 2010. С. 5 – 6.
4. Зайцева Т. И. Королевские обряды в средневековой Франции (по материалам французской хроники) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. Вып. 1(10). С. 47 – 48.
5. Колпаков М. Ю. Легитимизация военного насилия во французской общественной мысли в эпоху правления Филиппа IV Красивого. // Псковский военно-исторический вестник. 2018 г. №4. С. 46-54.
6. Печать Филиппа IV Красивого. 1285-1314 гг. URL: <http://www.sigilla.org/sceau-type/philippe-iv-france-premier-grand-sceau-12966> (15.03.2024)
7. Печать Людовика X Сварливого. 1316 г. URL: <http://www.sigilla.org/sceau-type/louis-x-france-deuxieme-grand-sceau-38485> (15.03.2024)

*В.А. Дудинская
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова*

Архангельский городской публичный музей в документах Губернского статистического комитета

В истории Архангельского краеведческого музея за более чем 180-летний период его деятельности произошло большое количество изменений, прежде чем «Выставка произведений губернии» превратилась в крупнейший музей региона. Превращение выставки в музей начинается с 60-х гг. XIX вв. и имеет подтверждение в документах Губернского статистического комитета.

Комитет занимался сбором, обработкой и анализом информации от народонаселения и промышленности до просвещения в губернии. Печатные отчеты Архангельского статкомитета начинают выходить с 1860-х гг. – данные документы отражали деятельность Комитета за прошедший год. Кроме отчетов, информация о губернии отражалась в «Обзорах Архангельской губернии» – документах, прилагаемых к ежегодным отчетам губернаторов. Если «Отчеты о деятельности Архангельского статистического комитета» носили в основном местный характер, то обзоры передавались непосредственно в Министерство внутренних дел и Центральный статкомитет.

Первая подробная информация о музее появилась в «Отчете о деятельности Архангельского статистического комитета за 1865 г.». В документе обозначается срок создания при Архангельском статистическом комитете музея произведений Архангельской губернии – около 5 лет. Коллекции музея собирались исключительно из пожертвований, что являлось причиной его бедности. Большее количество предметов имел музей при Палате государственных имуществ, образованный в одно время с музеем при Комитете [12, с. 40].

В 1865 г. музеи были сначала временно объединены по причине приезда в Архангельск барона Талейрана, посла из Франции. Так как пополнять один музей легче, было принято решение по образованию одного Губернского музея в ведении Статистического комитета. Точное количество

предметов в объединенном музее не обозначено, лишь даны сведения о 4-х отделах и их наполнении. Приблизительное количество предметов при подсчете составило более 1000 названий. Находился музей в помещении Женского училища и был открыт для публики с 12 до 15 часов бесплатно по вторникам и четвергам и с платой в 20 коп. по воскресеньям [12, с. 40-42].

В «Обзорах Архангельской губернии» наиболее полная информация о состоянии музея начала появляться с 1893 г. Указывалось, что коллекции музея за прошедшие годы пополнились и составляют свыше 2000 предметов. Большое внимание уделялось недостатку материальных средств, которые необходимы для улучшения организации музея. Отмечалось, что в тесном помещении предметы расположены скученно – это затрудняет знакомство с ними [1, с. 99]. Однако, где находился музей на момент составления отчета, какой у него режим работы и плата за посещение не указывалось.

Данную информацию можно проследить в «Отчетах Архангельского губернского статистического комитета» за предыдущие годы. В 1884-1885 гг. музей работал для публики ежедневно с 12 до 16 часов [5, с. 9]. В 1889 г. музей был переведен «в дом наследников Кларка», что сделало посещение его невозможным [6, с. 16]. Причины переезда и точный адрес в отчете обозначены не были. В октябре 1890 г. музей был перемещен «во флигель, принадлежащий купцу Попову» [7, с. 13]. Публика начала посещать музей (время работы музея указано не было), но помещение не позволяло экспонировать предметы должным образом. Стоит отметить, что в «Обзоре» за 1890 г. данные изменения прописаны не были.

Серьезные изменения в организации музея стали происходить с 1897 г. благодаря заинтересованности в реорганизации музея губернатора Архангельской губернии – А.П. Энгельгардта. В 1897 г. музею было предоставлено бесплатное помещение в здании Городского Управления и назначено ежегодное пособие в размере 200 руб. Кроме того, появляется информация о пособии, которое музей получает от Статистического комитета в размере 200 руб. ежегодно [2, с. 101]. Данные средства отпускались и в предыдущие годы, но информации об этом в обзорах и отчетах прописано не было.

Важной ступенью развития музея стало утверждение 14 правил, регулирующих деятельность музея. Во-первых, музей получил наименование

«Архангельский городской публичный музей». Была установлена основная задача деятельности музея: «наглядно представлять промыслы местного населения Архангельской губернии, естественные богатства и этнографию края и тем самым служить для посетителей музея средством к усвоению полезных знаний и облегчать для них дело самообразования и изучения края» [2, с. 101].

Во-вторых, учреждался особый Попечительный совет, состоящий из Городского головы – председателя, двух представителей из Гласной Думы, двух – из Статистического комитета, и одного – из преподавателей гимназии, и секретарь Статистического комитета. Сроки состояния на должности обозначены не были. Секретарь Статкомитета также был назначен заведующим делопроизводством Попечительного совета и хранителем музея. На него возлагался надзор за выдачей билетов и составление ежегодного краткого отчета о состоянии музея, отчет должен был печататься в Губернских ведомостях [2, с. 101].

В качестве отдельного параграфа вынесена оплата сторожа музея, назначенная в размере 200 р. из бюджета Статистического комитета. Был изменен режим работы музея: ежедневно, не исключая праздники, с 12 до 2 часов по полудни. Плата за вход в музей устанавливалась в размере 10 коп., один день в неделю музей работал бесплатно. Бесплатным посещением в определенные дни и часы пользовались обучающиеся учебных заведений. В стенах музея можно было проводить с разрешения губернатора благотворительные спектакли и концерты, средства от которых шли на пополнение коллекций музея [2, с. 102].

«Отчеты Архангельского губернского статистического комитета» в период с 1897 по 1901 гг. совпадают с «Обзорами», но с 1898 г. в отчетах появляется раздел, посвященный денежным средствам музея: указывались приход, расход и остаток средств музея за прошедший год.

«Обзор» 1900 г. дополнен информацией по участию музея во Всемирной выставке в Париже. На выставку по решению губернатора А.П. Энгельгардта «были представлены все предметы по главным промыслам губернии, составляющим основу экономической жизни и деятельности населения... Всего на выставку мною было представлено 106 экспонатов» [3, с. 143]. За представленные экспонаты музею было присуждено две золотые

медали: за экспонаты по отделу рыбных промыслов и за предметы, представляющие быт населения.

Несмотря на то, что «Обзоры» и «Отчеты» во многом стали дублировать друг друга, нельзя не отметить некоторые противоречия в их информации. Так, например, вопросы вызывают подсчеты количества посетителей музея за год. В «Обзоре» за 1900 г. указано, что музей посетило 3269 человек [3, с. 143], в «Отчете» эта цифра составляет 3048 человек [8, с. 3]. Разница в количестве посетителей составляет 221 человек. Но большие вопросы возникают при сравнении цифр за 1901 г.: в «Обзоре» количество посетителей указано 1812 человек [4, с. 130], а в «Отчете» за тот же год – 2235 [10, с. 10]. Здесь разница достигает уже 423 человека. Ни в «Отчетах», ни в «Обзорах» не отмечено, каким образом велись данные подсчеты, и почему они так значительно разнятся. В остальные годы количество посетителей совпадает, либо отличается на не столь большое количество. Какие данные наиболее верны, без привлечения дополнительных источников определить невозможно.

Последним важным событием, отраженным в документах Губернского статистического комитета, стало издание Каталога музея в 1905 г. По информации из «Отчета о деятельности Архангельского губернского статистического комитета и состоящих в его ведении учреждений за 1905 г.», к концу года был напечатан каталог в 171 стр., составленный Н.А. Голубцовым, А.П. Черным и А.А. Пивоваром [11, с. 8].

С 1907 г. информации о состоянии «Архангельского городского публичного музея» в «Обзорах Архангельской области» не было. В «Отчетах» можно найти информацию по истории музея, приобретенных и пожертвованных предметах, денежных средствах и количестве посетителей музея.

Можно сделать несколько выводов из указанной выше информации:

- в XIX в. существовало мнение, что Архангельский публичный музей был основан Статистическим комитетом в 1859 г. Информации о том, что коллекции музея стали формироваться с 1837 г. нигде не указано;
- «Обзоры Архангельской губернии» несли в себе основную, часто более краткую информацию, чем «Отчеты о деятельности Архангельского губернского статистического комитета». Главное отличие документов – в

отчетах указывались предметы, приобретенные музеем за прошедший год, и денежные средства, которыми музей располагал. Связано это с тем, что отчеты носили местный характер и могли нести в себе информацию более узкого значения;

- данные «Обзоров» и «Отчетов» не могут быть использованы как точные и единственные источники информации. Различие в подсчетах посетителей за некоторые годы вызывает необходимость поиска дополнительных источников, которые могут помочь разъяснить сложившуюся ситуацию;
- большую роль в развитии музея сыграл руководитель Архангельской губернии А.П. Энгельгардт. Основные изменения, произошедшие в музее, были отмечены в его «Обзорах», а его значение отмечено в «Отчете» за 1902 г. [9, с. 6].

Таким образом, данные документов Губернского статистического комитета дают нам большое количество информации, которая необходима для изучения истории Архангельского публичного музея во второй половине XIX – начале XX в.

Список источников и литературы:

1. Обзор Архангельской губернии за 1893 год : ежегодный отчет / сост.: губернатор Энгельгардт. Архангельск, 1894. С. 99.
2. Обзор Архангельской губернии за 1897 год : ежегодный отчет. Архангельск, 1898. С. 101-103.
3. Обзор Архангельской губернии за 1900 год : ежегодный отчет. Архангельск, 1901. С. 141-143.
4. Обзор Архангельской губернии за 1901 год : ежегодный отчет. Архангельск, 1902. С. 130.
5. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1885 год: [с приложением] / сост. секретарем ком. И. Ф. Знаменским. Архангельск, 1887. С. 8-9.
6. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1889 год: [с приложением] / сост. чл. секретарь ком. И. Ф. Знаменским. Архангельск, 1891. С. 15-16.
7. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1890 год: [с приложением]. Архангельск, 1892. С. 13.

8. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1900 год: [сборник]. Архангельск, 1901. С. 2-4.

9. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1902 год. Архангельск, 1904. С. 6-7.

10. Отчет о деятельности Архангельского губернского статистического комитета за 1901 год : [с приложением]. Архангельск, 1902. С. 9-10.

11. Отчет о деятельности Архангельского губернского статистического комитета и состоящих в его ведении учреждений за 1905 год. Архангельск, 1906. С. 7-10.

12. Отчет о деятельности Архангельского статистического комитета за 1865 год / сост. чл. и секретарь Ком. П. Чубинский. Архангельск, 1866. С. 39-43.

A.A. Иванова

Сибирский федеральный университет

Трудности интерпретации: преимущества философско-искусствоведческого анализа В.И. Жуковского (на материале анализа картины «Акколада» Эдмунда Лейтона)

В современном искусствоведении существует множество способов интерпретации произведений изобразительного искусства, что в первую очередь создает трудности в выборе метода их анализа. В случаях, когда творчество того или иного художника вызывает интерес для исследователей, происходит минимизация неточных или ошибочных интерпретаций его работ, но, когда творчество художника не получает достаточного внимания со стороны исследователей, необходим более избирательных подход к выбору метода анализа.

Исследования творчества прерафаэлитов во многом фокусируются на анализе работ Уотерхауса и Россетти, что сужает репрезентативность викторианского искусства в современном искусствоведении. В то же время имеющийся объем работ анализируется не в полной мере, и многие выдающиеся художники этой эпохи остаются в тени, что приводит к ошибочным представлениям об их творчестве.

Исследователи не уделяют достаточного внимания картинам Эдмунда Лейтона, анализ его работ зачастую неточен. В большинстве случаев можно найти упоминания о художнике только в контексте обращения прерафаэлитов и их последователей к теме Средневековья [2]. В настоящее время в истории искусства существует лишь приблизительное описание художественного пространства картины «Акколада», сделанное Е. Кирюхиной [6, с. 125].

В последние годы картина большую популярность в качестве иллюстрации к описанию рыцарских церемоний [4] или отсылки к артурианскому циклу, однако научных доказательств таких интерпретаций нет ввиду отсутствия комплексного анализа картины, что открывает поле для дальнейших исследований.

Цель исследования - определить преимущества философского-искусствоведческого анализа произведений искусства на основе интерпретации картины Эдмунда Лейтона "Акколада" и ее сравнении с более ранними выводами.

Рис.1. Эдмунд Лейтон «Акколада», 1901г., 182x108, масло. Частная коллекция

Рис.2. Эманационная вертикально-стрельчатая логограмма

Философско-искусствоведческий анализ В.И. Жуковского [5] предполагает рассмотрение художественного произведения как систему материальных, индексных и иконических знаков.

На уровне рассмотрения материальных знаков проводится анализ таких значений как цвет, композиция и светотеневое наполнение картины.

Основные цвета картины - белый, красный и серый [Рис.1]. Белый цвет имеет значение чистоты, святости. Красные цвета имеют различные значения. В исследовании основными значениями красного цвета являются, с одной стороны, безграничная взаимная любовь Бога и человека, с другой стороны, доблесть. Серый цвет означает мужество.

Композиционная основа представляет собой эманационную вертикально-стрельчатую логограмму [Рис.2], что совпадает со светотеневым движением. Диагональ исходит из самой яркой части изображения и представляет собой нисхождение света. Также, диагональ берет начало в светлых частях рисунка и спускается к темным, что может свидетельствовать о преобладании светлого над темным.

Для раскрытия смысла основных индексных знаков необходимо провести первичное описание художественного пространства.

На картине изображена женщина в белоснежном платье, чьи одежды золотятся в свете от окна, она стоит под окном на помосте в большом зале и касается правого плеча мужчины мечом, который стоит на коленях на подушке, на его спине алый герб, справа от них в тени стоят свидетели и мальчик, который держит щит мужчины.

Пространство индексных знаков позволяет говорить об индексном плюрализме, который представляет собой целое, состоящее из концептов "церемониальный зал", "дверь в рай", "божественный свет", "кресло власти", "Прекрасная Дама", "рыцарь", "оруженосец", "зnamenosец", "священник" и "свидетель". Таким образом, связь указательных знаков заключается в значении священной церемонии с участием прекрасной дамы и ее рыцаря, свидетелями которой являются его знаменосец и оруженосец.

Далее необходимо рассмотреть суммы знаков. Первая сумма знаков [Рис.3] "окно" + "льющийся свет" + "женщина в белоснежном платье" + "мужчина в алом сюртуке, стоящий на коленях" = поток света, нисходящий на персонажей. Это Божественное прикосновение и Его снисхождение. Наиболее убедительное подтверждение такому раскрытию смысла было получено в результате сравнения его с композиционным центром [Рис.4].

Рис.3 Первая сумма знаков

Рис.4 Композиционный центр

Вторая сумма знаков: "женщина в белоснежном платье" + "меч" плюс "мужчина в алом сюртуке, стоящий на коленях" + "шлем" = мужчина, снявший шлем, склоняется перед женщиной, держащей в руке меч. Это покровительство со стороны женщины, несущей святой образ, и служение Богу со стороны мужчины. Третья сумма знаков: "мальчик со щитом" + "седовласый мужчина со знаменем" + "лысый мужчина" + "мальчик в тени" = группа людей становится заинтересованными свидетелями. Это публичность и признание.

Суммы индексных знаков позволяют составить законченный сюжет, в котором рыцарь, стоя на коленях и сняв шлем, клянется в верности прекрасной даме, окруженнной льющимся из окна светом, который она принимает, опустив меч ему на плечо, а за происходящим наблюдают знаменосец и оруженосец рыцаря, священник и другие свидетели.

На более глубоком уровне мы видим, как божественный свет, льющийся из окна, проходит над прекрасной дамой и мечом, оставляя на них блики, освещает рыцаря и заканчивает свой путь на его шлеме - знаке защиты.

Таким образом, в художественном пространстве картины представлена сцена склонения рыцаря перед божественной силой, воплощенной льющимся

светом. Персонажи связаны знаком меча, особенно знаком соприкосновения с плечом.

Основная идея произведения Эдмунда Блэра Лейтона "Акколада" - преклонение перед силой Бога, когда ты отдаешься его воле, становишься уязвимым и получаешь от него защиту.

Результаты исследования показывают, насколько несовершенно представлено творчество Эдмунда Лейтона в искусствоведении. В подтверждение этого тезиса необходимо обратиться к более ранним интерпретациям картины "Акколада". В последнее время эта картина используется как пример рыцарской церемонии или пример любви Ланселота к королеве Гвиневре, хотя такая трактовка неверна по многим причинам.

Во-первых, общеизвестно, что право посвящения в рыцари имел только мужчина, чаще всего это был уважаемый человек, глава ордена или даже король. В случае, представленном на картине, в этой роли выступает женщина, что противоречит историческим источникам [7]. Кроме того, церемония посвящения в рыцари проходила в храме, а не в богато украшенном зале, как на картине. И, наконец, обращаясь к биографии художника, можно отметить, что Эдмунд Лейтон был мастером исторических деталей. В этом контексте маловероятно, что рыцарский герб на картине не совпадает с иконографическим изображением из артурианского цикла.

Не исключено, что в современном искусствоведении и поп-культуре сложилось неточное понимание картины по ряду других причин, не связанных с выбором методологии.

В противном случае, хотя бы отчасти, причиной таких ошибочных неточностей в описании картины и ее дальнейшего использования в качестве неуместных иллюстраций могут быть неверно выбранные методы анализа, не позволяющие определить истинный смысл картины.

При таком подходе можно утверждать, что философско-искусствоведческий анализ В. И. Жуковского имеет много преимуществ перед другими методами изучения искусства. Работая с его теорией современного искусства, исследователь рассматривает произведение на множество уровней и сначала работает с каждым из них в отдельности, а затем собирает все результаты воедино. Такой подход позволяет работать с

искусством более скрупулезно и беспристрастно, что снижает вероятность ошибочных интерпретаций.

Некорректные анализы и первичные описания картин - большая проблема в искусствоведении, которая приводит к множеству ошибок, которых можно избежать, используя правильную методологию.

Данное исследование выявляет ряд пробелов в современном понимании исследований искусства и подчеркивает необходимость дальнейших исследований. Применение описанной выше теории показывает, как много различных прочтений картин мы имеем в настоящее время в искусствознании.

Подобные исследования в будущем могут привести к более полному пониманию творчества художников или иных визуальных источников.

Список источников и литературы:

1. Ankele D. Edmund Blair Leighton: 90 Pre-Raphaelite Paintings. London., 2015
2. Lepine A. The Pre-Raphaelites: Medievalism and Victorian Visual Culture // The Oxford Handbook of Victorian Medievalism. 2020. №1. p. 488-506.
3. Sana A. C. Victorian Medievalism in Pre-Raphaelite Art and Representations of Gender // International Journal of English Literature and Social Sciences. 2021. №3. p.11-21
4. Голованова А.Е. Рыцарство. М., Белый город, 2020.
5. Жуковский В.И. Теория изобразительного искусства. СПб., 2011.
6. Кирюхина Е.М. Средневековые как источник вдохновения в творчестве прерафаэлитов и их последователей. М., 2019
7. Манухина А.О. Отражение "кодекса чести рыцаря" в средневековом дискурсе эпохи Крестовых походов (на материале старофранцузских документальных свидетельств XII-XIV вв) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №20. С. 454-462.
8. Тарасова М.В. Теория и практика диалога зрителя и произведения искусства. Красноярск., 2015.

M. С. Карманова

*Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина*

Образ стиляг 1950-1960-х гг. в карикатурах: проблемы интерпретации (на примере журнала «Крокодил»)

Визуальные источники являются специфическими по своей природе и редко используются историками в специально-исторических исследованиях ввиду отсутствия единых методов работы с этим видом исторического источника. В виду чего данная проблема сохраняет актуальность.

Карикатура как тип визуального источника содержит в себе сюжеты или сцены, чаще всего иронизирующего характера по отношению к определенным явлениям или событиям в истории. С её помощью автор/художник стремиться осветить проблему, существующую в обществе. Так А. Т. Николаева характеризует содержание источника следующим образом: «Содержанием источника является отражение в нём конкретных событий, фактов, явлений из истории общественного развития» [8, с.9]. Следовательно, и карикатура содержит в себе сведения, необходимые исторической науке для изучения определённых проблем, так как является историческим источником. Л. Н. Пушкарёв подчёркивает, что источник является отражением образов его автора, которые в различной форме отображают действительность [10, с. 90]. Карикатура, как и другие визуальные источники, наиболее ярко передает действительность через образы с помощью различных изобразительно-художественных приёмов.

Изобразительные источники, также представляют собой ценные сведения для исторических исследований по ряду причин. Во-первых, изобразительные источники могут раскрыть информацию о недокументированных аспектах прошлого, таких как повседневная жизнь, социальные практики, художественные стили и технологические достижения. Эти сведения могут дополнять данные, содержащиеся в письменных документах, и позволяют составить более полное представление о конкретных исторических явлениях, периодах, процессах.

Во-вторых, изобразительные источники передают эмоциональный контекст событий прошлого, который подчас трудно уловить в письменных документах. В-третьих, работа с изобразительными источниками способствует междисциплинарному подходу к историческим исследованиям.

На примере анализа карикатур журнала «Крокодил» попытаемся определить характерные особенности стиляг как социокультурного явления 1950-1960-х гг. в СССР.

В 1950-х гг., вследствие перемен в государственном аппарате и смены внутриполитического курса, начала меняться внешняя политика СССР. Она становится более

открытой и терпимой к культурам зарубежных стран. Культурные тенденции Запада стали доступнее для граждан Советского Союза, ввиду смягчения политики «железного занавеса».

Так, в 1957 г. в Советском Союзе состоялось невероятное по масштабу событие – VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, гостями которого стали 34 тыс. человек из 131 страны мира [2]. Фестиваль проходил две недели и запомнился гостям и участникам атмосферой свободы, открытости, доброжелательности, гостеприимства. Так, в раннее «закрытую» страну, начали проникать новые стили в одежде и манеры поведения.

Молодёжь, вследствие своих биологических и физиологических особенностей, восприимчива ко всему новому. Молодое поколение с особой страстью поглощает те нововведения, которых раньше в их обществе не было. Так, Н.Н. Козлова отмечает, что перемены в обществе происходили не

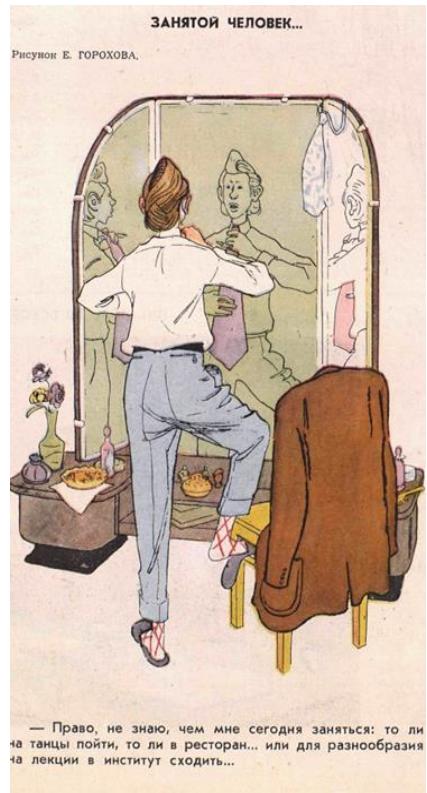

Рисунок 2. Горохов Е. Занятой человек // Крокодил. - 1954. - №7.

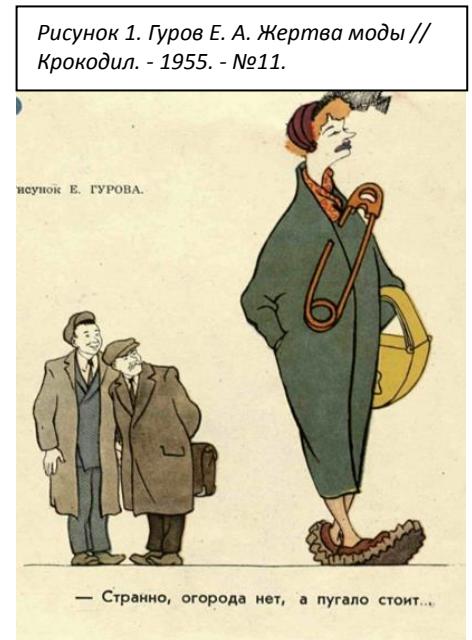

Рисунок 1. Гурев Е. А. Жертва моды // Крокодил. - 1955. - №11.

только вследствие государственной политики [6, с. 97]. Воздействие «сверху» - со стороны государства – подкреплялось и движением «снизу» - из недр общества, которое зачастую само стремилось к новшествам и творило новое.

В результате сочетания влияния западной культуры и стремления советской молодёжи к индивидуальности возникло такое явление как стиляги, оцениваемое историками как феномен советской культуры 1950-1960-х гг. Ю.Е. Музалевская называет стиляг «особой молодёжной субкультурой, представлявшей собой многопластовое образование, основу которого составляла советская богема и нонконформисты – художники и поэты, музыканты и актёры» [7, с.127].

Характерными чертами стиляг были их яркий вызывающий внешний вид, который выделялся на фоне «повседневного костюма» обычных советских граждан, и дерзкое, взбалмошное поведение, которое выражалось в любви стиляг к западным исполнителям и танцам.

Такой феномен советского общества, как стиляги, не мог не остаться незамеченным советской сатирической прессой. Изучая ее, можно прийти к выводу, что данное явление негативно воспринималось широкой общественностью. Это положение подтверждается бесчисленным количеством карикатур, сюжет которых построен на высмеивание образа стиляг и их особенностей.

Авторы карикатур иронизировали над одеждой стиляг, их причёсками и образом жизни в целом.

Так, в карикатуре Егора Горохова «Занятой человек...» [3, с.14] высмеивается образ жизни стиляги. В сюжете представлен молодой человек, которому наскучил легкомысленный образ жизни, и он «для разнообразия»

Рисунок 3. Баженов А. В. Подражатели // Крокодил. - 1957. - №24.

намеревается сходить в университет. То есть, автором «зашифрована» в рисунке и сопровождающем его фельетоне мысль, что стиляга в последнюю очередь будет вести себя как серьёзный человек, так как для него вся жизнь – это праздник и бесконечное веселье.

В карикатуре Евгения Гурова «Жертва моды» [4, с.15] мужчины называют девушку пугалом из-за её необычной одежды и аксессуаров, которые привлекают к себе внимание.

Рассматривая карикатуры, помещённые в выпусках «Крокодила» за 1950-е гг., можно определить некую тенденциозность в изображение стиляг – они всегда рисуются в негативном ключе. Это подтверждает историк А.А. Попова в своём исследовании, нацеленном на изучение образа советского мужчины в целом, но косвенно затрагивая и стиляг: «Иллюстративный ряд журнала [«Крокодил»] предполагал целое поле антнормативных явлений, в него были включены: жулики, завистники...стиляги...» [9, с. 43].

В карикатуре Александра Баженова «Подражатели» [1, с.5] стиляги вообще представляются в образе животных – такую аналогию проводит автор, на основе сравнения образа жизни стиляг и обезьян. Можно отметить, что стиляги и не считали за людей вовсе, так как они своим поведением являли отклонение от принятых, социально одобряемых форм поведения советской молодежи.

И. Д. Ковальченко отмечает, что изобразительные источники имеют специфические методы и формы выражения информации, что усложняет работу с данным типом источников, так как они требуют определённой системы методов «для прочтения» информации. Ученый подчёркивал, что для любых изобразительных и художественно-литературных источников важнейшей проблемой является выделение выраженной в изображенном и литературном образе информации, адекватно воспроизводящей действительность [5, с.133-134]. В силу этого источниковедческий анализ этих источников оказывается значительно более сложным, чем обычных письменных источников. К тому же этот анализ, как правило, требует привлечения дополнительной информации из других источников. В виду этого, историческое источниковедение изобразительных источников несмотря на то, что их комплекс огромен, еще не привлекло должного внимания и не получило надлежащей разработки.

Изобразительные источники обладают рядом преимуществ по сравнению с другими видами источников, особенно в исторических исследованиях. Изобразительные источники дают визуальное представление о прошлом, позволяя историкам увидеть реальные события, людей и места. Это может быть особенно ценным для понимания визуальных аспектов культуры и истории в целом. Например, карикатуры могут отображать сцены, передающие историкам информацию о взглядах современников, их отношения к наблюдаемым событиям и явлениям.

Таким образом, можно сделать вывод, что в карикатурах журнала «Крокодил» стиляги рассматривались как негативное явление в советском обществе, появление которого связано с политикой открытости западному обществу. Сами стиляги и их подражатели активно порицались в обществе, в том числе с помощью рисунков в сатирических изданиях. Это совершилось для того, чтобы показать молодому поколению, что стиляги – это «плохой» пример, которому не стоит следовать.

Список источников и литературы:

1. Баженов А. В. Подражатели // Крокодил. 1957. №24.
2. Васин С.И. Серия фотографий «VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Гости фестиваля». 1957 год // Сайт «Мультимедиа Арт Музей, Москва». [Электронный ресурс] URL: <https://russiainphoto.ru/> (21.03.2024)
3. Горохов Е. // Крокодил. 1954. №7.
4. Гуров Е. А. Жертва моды // Крокодил. 1955. №11.
5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука. 2003. 486 с.
6. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М.: ИФ РАН. 1996.
7. Музалевская Ю.Е. Стиляги как феномен отечественной послевоенной моды // Труды СПБГИК. 2007. №175. С. 125-127.
8. Николаева А. Т. О некоторых вопросах содержания и форм письменных исторических источников. // Труды МГИАИ. Т. 7. М., 1954. С. 3-27.

9. Попова А. А. Журнал «Крокодил» как исторический источник по реконструкции визуального негативного образа советского мужчины в первое послевоенное десятилетие (1945-1955 гг.) // Омский научный вестник. 2012. №2. С. 40-44.
10. Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по Отечественной истории. М.: Наука. 1975.

E. M. Левченкова

Череповецкий государственный университет

Колода таро Pierpont-Morgan: семейная история миланских династий Висконти и Сфорца

Изображения на картах – «огромный плацдарм для исторических исследований», поскольку там зачастую воспроизводится герцогский церемониал. Кроме того, карты передают общую атмосферу миланского двора [6, с. 20]. В данном исследовании мы предложим свой взгляд на анализ древнейших карт таро и попытаемся предложить кандидатов, которых, по нашему мнению, изобразили на картах Висконти-Сфорца, созданных к 1551 г.

В последнее десятилетие явно возрос интерес к таро в общем, а историки и искусствоведы начали по крупицам «реконструировать» историю этого явления. На данный момент не имеется каких-либо основательных трудов с атрибутированием персонажей, изображенных на данной колоде. Объектом исследования являются колоды карт таро под сборным названием «Таро Висконти-Сфорца». Предметом исследования являются карты Брак и Повешенный из колоды Pierpont-Morgan.

Самым первым трудом по истории таро является «Первобытный мир...» Антуан Кур де Жебелена (1782 г.) [4]. Жебелен является автором теории о египетском происхождении таро, а также основоположником оккультного таро. Новые исследования по таро затрагивают его мистификацию, а также историю карточной игры «тарокки». Историки не акцентируют внимание на атрибутировании персонажей. Исключением является труд Г. Моакли [5], которая предложила теорию об изображении семейной истории миланских династий на картах таро Висконти-Сфорца.

Целью исследования является атрибутирование персонажей с карт таро Pierpont-Morgan. Также мы ставим себе задачей показать преемственность династии Сфорца от Висконти на примере данной части колоды.

Несмотря на то, что таро уже существовало в 1420-е гг., упоминания о карточных играх в XV в. редки. Флавио Альберти Лиллио писал: «Игра тарокки предназначена для Лордов, Принцев, Королей, Баронов и Рыцарей» [3, с. 141]. Именно из-за их престижности, карт таро сохранилось мало: они были символом статуса [6, с. 17].

Старейшая колода, широко известная под названием «Висконти ди Модроне» была создана в 1420-е гг. при Филиппо Марии Висконти. Следующая колода известна под названием «Пьерпонт-Морган Бергамо Висконти-Сфорца», реже – «Калеони-Баглиони», была создана в 1450-е гг., когда в Милане воцарилась новая династия Сфорца. Известно, что Франческо Сфорца в каждом своём действии старался показать себя легитимным преемником династии Висконти. Такую стратегию он проводил и в отношении культуры, поэтому новую колоду можно считать частью политики Франческо Сфорца [6, с. 5].

Важно отметить, что первоначально карты из колод таро Висконти-Сфорца не имели названий и порядковых номеров, они появились позже, когда к ним появился оккультный интерес. Для удобства мы будем использовать эти названия. Теперь перейдем к анализу конкретных карт из этой колоды.

Брак. Эта карта из колоды является важнейшей в колоде. Она представляет собой ярчайший пример преемственных начинаний Франческо. Карта изображает церемонию бракосочетания Бьянки Марии Висконти и Франческо Сфорца. Хотелось бы отметить, что сцена бракосочетания Висконти-Сфорца сохранилась и в виде миниатюрной картины, предположительно написанной в 1463 г. тем же художником, что написал и эту часть колоды, а именно Бонифаччо Бембо, и она поразительно схожа с «карточной» версией.

Отметим, что на одеждах обоих персонажей с карты «Брак» изображены солнечные лучи, более известные как «Раза Висконти». Эти лучи – один из геральдических символов династии Висконти, который используется и в оформлении Собора Рождества Девы Марии (Милан), тесно

связанного с династией Висконти. «Разу Висконти» можно увидеть и в оформлении фона карт колод «Висконти-Сфорца». Так как брачный союз соединял две семьи, Франческо получал право использовать геральдику Висконти, что делал довольно часто, пытаясь легитимизировать себя в глазах миланских жителей как преемника Филиппо Марии Висконти.

На картах этой колоды присутствует и другой геральдический символ – три скрещивающихся кольца. Это эмблема связана с городом Кремоной, который в 1420 г. перешёл под власть Филиппо Марии Висконти. Этот символ стал символом Висконти, но Филиппо Мария использовал его редко. Франческо Сфорца во многом перенял геральдику Висконти и из неё особо активно использовал именно эти три скрещивающихся кольца [6, с. 21-24]. В этом ключе нельзя не заметить, что абсолютное большинство символов принадлежали именно роду Висконти, и лишь со временем были заимствованы Сфорца.

Повешенный. В ходе работы над колодой у нас появились две теории о том, кто изображен на этой карте. Обе версии связаны с популяризацией т.н. *Pittura infamante* (в пер. с итал. – порочащий портрет) в Италии в XV в. «Картины позора» обычно заказывали главы итальянских городов-государств, чтобы отомстить тем, кто их предал.

Известно, что у семьи Сфорца имеется целая история, связанная с такими «портретами». Муцио Аттендоло, отец Франческо Сфорца, был нанят папой Григорием XII для помощи в войне между Папской областью и Неаполитанским королевством. Папа не спешил выплачивать гонорар, из-за чего Муцио перешёл на сторону неаполитанцев. Решение кондотьера привело к тому, что папа Григорий заказал «позорный портрет» Аттендоло. Считаем, что на карте «Повешенный» мог быть изображен именно Муцио Аттендоло.

По другой версии на карте «Повешенный» изображен самый молодой персонаж из этой части колоды, что подчеркивается использованием ярко-зеленого цвета. По словам М. Пастуро, насыщенный зеленый цвет символизировал юность [1, с. 85]. Возможно, здесь изображен Галеаццо Мария Сфорца, сын Франческо Сфорца и Бьянки Марии Висконти, который был наследником миланского герцогства. В 1450-1451 гг. Галеаццо было всего 6-7 лет. Нашу точку зрения мы можем аргументировать двумя фактами.

Франческо Сфорца был первым герцогом Милана из династии Сфорца, он долго вел борьбу за признание за собой герцогства. В этой ситуации наследник играл важную роль в политической жизни государства, т.к. являлся гарантом установления новой династии. Поэтому он явно мог быть изображён на этих картах как далеко не последний человек в политике Милана. Кроме того, в пользу нашей версии говорит и внешнее сходство изображенного юноши с Галеаццо.

Но за что 6-летнего ребенка, наследника могли так изобразить? Вернемся к сюжету с «позорным портретом» Муцио Аттендоло. Эта история так просто не закончилась. Папа римский приказал сделать, куклу, которая бы символизировала Муцио. Её повесили на виселице с правой ногой и прикрепили табличку, на которой было написано: «Я – Сфорца, фермер из Котиньолы». Франческо Сфорца, по-видимому, относился к этому «с юмором», он «безудержно смеялся над этим» [2, с. 185] и, следовательно, мог «пошутить» таким образом над сыном.

Таким образом, карты таро Висконти-Сфорца действительно являются важным историческим источником, на основе которого можно глубже понять настроение новой династии, их направление в политике и многое др. Анализ столь специфического источника требует хорошего знания итальянской геральдики XV в., понимания политических процессов и в общем истории Милана во второй половине XV в.

Обратив внимания на геральдику, использованную на картах, мы увидим стремление Франческо Сфорца легитимизировать свою власть как миланского герцога, преемника Филиппо Марии Висконти. Ввиду того, что кондотьеру пришлось приложить немало усилий для захвата власти в Милане, это не представляется удивительным. Его союз с дочерью Филиппо Марии Висконти Бьянкой Марией несколько помог улучшить общественное мнение по вопросу его наследия, а карты таро, заказанные им в 1550 г., стали лишь продолжением его политики по укреплению своего положения при дворе. Об этом говорит и использование геральдики преимущественно Висконти, а не Сфорца.

Список источников и литературы:

1. Пастуро М. Зеленый. История цвета / перевод с французского Н. Кулиш. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 168 с.
2. Abele-Hipp S. Tarocchi. Spielerische Herrschaftsdemonstration der Herzöge von Mailand 1395–1500. Harder: wbg Academic, 2022. 252 s.
3. Alvarez Portugal, V. Modelos de la imagen. El Mago del tarot Visconti // Anales Del Instituto De Investigaciones Estéticas. Vol. XL, num. 112, 2018. P. 133-179.
4. Court de Gébelin, Antoine. Monde primitif, analysé et comparé avec le monde modern... Paris: Chez l'Auteur, etc., 1773-1782. 600 p.
5. Moakley, G. The Tarot Cards Painted by Bonifacio Bembo for the Visconti Sforza Family: An Iconographic and Historical Study. New York Public Library, New York, 1966. 124 p.
6. Zuffi S., Bandera Bistolfi S. Brera: I tarocchi di Bonifacio Bembo e la cultura cortese tardogotica. Milano: Electra, 1999. 47 p.

C.B. Поткин

Пермский государственный университет

Рассказ Лю Синь «Классный руководитель» как репрезентация последствий «культурной революции» в «литературе шрамов»

Понятие «культурная революция» впервые было введено в оборот В.И. Лениным в 1923 году в работе «О кооперации» [5]. Под таким понятием деятель понимал распространение грамотности, развитие массовой просветительской работы среди сельского населения. После оно утвердилось для обозначения политики замены «буржуазной» культуры на социалистическую, сформированную по принципам марксизма [1].

Великая пролетарская культурная революция или же просто «культурная революция», объявленная Мао Цзэдуном в 1966 г., понимается в историографии Китая как катастрофа. Главными виновниками происшествия принято считать «банду четырех» (от кит. 四人帮, sìrén bāng), в состав которой входили члены Политбюро ЦК КПК, наиболее приближенные к «великому кормчemu», во главе с его последней женой Цзян Цин.

В те годы создавались отряды молодых людей, хунвейбинов, которые не были отравлены феодально-буржуазной культурой. Единственной книгой, которую они читали, являлся цитатник Мао Цзэдуна, изданный в формате маленького красного томика. Хунвейбины без суда и следствия получали полномочия бороться с оппортунистами, отступниками от строительства коммунизма и нового мира – со всеми, кто по их подозрению проповедовал старую феодальную мораль. В связи с этим профессора истории, философии, литературы подвергались публичным избиениям, в большом количестве уничтожались книги иностранных авторов.

Так прошло десятилетие целенаправленного искоренения интеллектуализма, традиций и всех тех, кто эти традиции соблюдал. Одним из главных врагов мира трудящихся был назван Конфуций, также была создана кампания против романа «Речные заводи». Никто из деятелей государства и культуры не был защищен. Например, реформатор Дэн Сяопин, который тогда имел отношение к управлению китайской экономикой, был избит и отправлен на перевоспитание работать трактористом в одну из провинций. С 1966 по 1976 гг. остановилась в развитии и китайская литература. То, что было издано в этот период, являлось пропагандистскими прозой и поэзией.

Однако по окончании культурной революции, когда «банда четырех» была арестована и приговорена к смертной казни, в 1978 г. возникло новое течение – «литература шрамов» (от кит. 伤痕文学, shānghén wénxué). Такая литература, по мнению А.Н. Коробовой, репрезентирует «предательство близких, трагические судьбы интеллигенции, нравственные ориентиры молодого поколения, сбитые под влиянием политической пропаганды» [4, с. 120]. Истоками нового течения стали рассказы «Шрамы» Лу Синьхуа и «Классный руководитель» Лю Синью. Первое произведение, давшее название литературному течению, было написано в 1978 г., однако второе появилось раньше, в 1977 г.

Лю Синью (от кит. 刘心武, Liú Xīnwǔ), автор рассказа «Классный руководитель» (班主任Bānzhěn rèn), родился в 1942 г. в провинции Сычуань. В 1961 г. он окончил педагогическое училище, потом работал учителем средней школы [7]. Последствия «культурной революции» и их проявления в

обществе стали центральной проблемой в его произведениях [2]. Идеей рассказа «Классный руководитель», как признается Лю Синьу в интервью, является неразрывность связи между четырьмя культурами: иностранной, китайской классической, китайской народной и культурой, образованной в период с 1949 по 1966 гг [8].

Обратимся к переводу А.Н. Желоховцева и перескажем сюжет произведения [3, с. 84–106]. Главный герой учитель Чжан Цзюньши согласился принять в свой третий «В» класс выпустившегося из камеры предварительного заключения хулигана Сун Баоци, однако столкнулся с критикой Инь Дацюэ, его коллеги, преподавателя математики, и Се Хуэйминь, секретаря молодежной организации третьего «В» класса. После того как среди вещественных доказательств по делу Сун Баоци обнаружился роман Э.Л. Войнич «Овод», между учителем Чжаном и Се Хуэйминь начался серьезный разлад. Чжан Цзюньши вспомнил, как «читал эту книгу с восторгом юности», как «ребята яростно спорили об “Оводе”, его достоинствах и недостатках». Однако, Се Хуэйминь искренне «считала “Овод” “ядовитым сорняком”», так как если книга не из магазина или библиотеки, то она «обязательно либо пошлая, либо “желтая”. Девочка была «абсолютно уверена, что иностранные “желтые” книги гораздо “желтее”, чем китайские». Вскоре учитель Чжан направился к дому Сун Баоци и узнал, что мальчик не читал книгу, более того, он был «лишен элементарной политической сознательности». Уже в парке Чжан Цзюньши поразмыслил о вреде политики «банды четырех» и решил «действительно заняться воспитанием» молодого поколения, чтобы «вырастить себе могучую смену».

Рассказ содержит в себе множество репрезентаций последствий «культурной революции». К примеру, «пустой и бессмысленный взгляд, мутные, тупые глаза» Баоци, подростки, которые хотели «без труда урвать “свою долю”, ничего не читать и ничему не учиться». Также негативные последствия «культурной революции» находят отражение и в образе Се Хуэйминь, которая «вообразила себя законченной революционеркой» и «готовилась бороться» за коммунизм, «но “четверка” сузила ее кругозор, ослепила ее». Девочка «наивно верила печатному слову», когда «в культуре свирепствовала фашистская автократия».

Положительным персонажем является Ши Хун, ученица Чжан Цзюньши, которая «пристрастилась к чтению с малых лет» и нередко «обсуждала текущие события или литературные произведения» со своей семьей. Справедливо считать, что девочка умеет анализировать литературу. Доказательством служит фрагмент рассказа, когда Се Хуэйминь, уверенная в том, что Ши Хун читает «желтую» книгу, отбирает у девочки роман «Песня молодости». Реакция Ши Хун была основана на предварительном прочтении книги, поэтому она ответила так: «Чем доносить, лучше сама бы прочла!» На мой взгляд, в образе Ши Хун заложена надежда рассказчика на образованность будущего поколения.

В произведении часто можно увидеть призывы к действиям и соблюдению морального долга. Ярким примером служит «готовый сорваться с губ крик» учителя Чжана: «Спасите детей! Спасите детей, заживо погребенных “бандой четверых”». Имеется в тексте и такое доказательство, представленное размышлениями Чжан Цзюньши: «Его долг, долг народного учителя, – не только воспитать своих школьников, свою смену, но и обеспечить будущее родины, чтобы на девяти миллионах шестистах тысячах квадратных километров процветал, развивался и гордо занимал свое место среди других народов мира китайский народ!»

Таким образом, рассказ Лю Синью «Классный руководитель» представляет последствия «культурной революции», отражает осуждение политики того времени, призывает к восстановлению образования, а также величия Китая. События «культурной революции» точно описывает утверждение Карла Маркса. Он прав в том, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [6, с. 13].

Список источников и литературы:

1. Большая российская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/kul-turnaia-revoliutsiiia-24fdb5> (29.04.2024).
2. Китайский Клуб НИУ ВШЭ | Москва [электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-147893035_2191 (03.05.2024).

3. Классный руководитель. Пер. А. Желоховцева // Люди и оборотни: Рассказы китайских писателей: Сб. / Пер. с кит.; Сост. и предисл. А. Желоховцева, В. Сорокина. М.: Прогресс, 1982. С. 84–106.

4. Коробова А.Н. Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х — середине 1980-х годов // Шаги / Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 120–135.

5. Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45. 1923. С. 369–377.

6. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 7. М.: Политиздат, 1956.

7. Синология.Ру [электронный ресурс]. URL: https://www.synologia.ru/a/%D0%9B%D1%8E_%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D1%8C-%D1%83 (02.05.2024).

8. 中国作家协会主管. Ассоциация китайских писателей. Интервью с Лю Синью [электронный ресурс]. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/n1/2018/1228/c405057-30492203.html> (30.04.2024).

П. Э. Торопова

Череповецкий государственный университет

Как наступил ренессанс в Миланском герцогстве: анализ карт таро Висконти-Сфорца как исторического источника

Исследователи отмечают, что карты таро Висконти-Сфорца можно рассматривать как исторический источник, но мало кто пытался это сделать. В нашем исследовании мы предложим свой анализ одной из частей колоды в ключе формирования ренессансной культуры в Милане в XV в.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в последнее десятилетие возрос интерес к таро в целом. Во-вторых, на данный момент не имеется каких-либо обстоятельных трудов по истории карт таро, они не рассматриваются как исторический источник. Объектом исследования являются карты таро Висконти-Сфорца, а его предметом – Колесо Фортуны, Умеренность, Звезда, Луна, Мир.

В ходе работы нами была изучена практически вся существующая литература, в которой представлен научный анализ карт таро Висконти-Сфорца. Такие работы единичны, но в последние годы интерес к теме возрастает. На данный момент таким изучением этой темы занимаются только зарубежные исследователи.

Автором первого труда, затрагивающего историю таро, был французский пастор де Жебелен, живший в XVIII в. Он стал основоположником оккультного толкования этих карт [5]. Исследования XX в. и новейшие работы затрагивают историю игры тарокки, мистификацию таро и атрибутирование персонажей и сцен на картах.

Целью исследования является анализ карт таро Висконти-Сфорца как исторического источника по эпохе Возрождения на территории Северной Италии.

Карт таро сохранилось мало [9, с. 17]. Однако, карточные игры при дворе были популярны, о чем говорят фрески во дворце Борромео и замке Павия [4, с. 151]. Другим свидетельством можно считать переписку Альфонсо Д'Эсте и Людовико Сфорца, в которой они с интересом обсуждали карточные игры [9, с. 17].

Технические характеристики всех карт схожи. Они написаны темперными красками на картоне, для изображений использовалась золотая и серебряная фольга для декора. Первоначально карты таро Висконти-Сфорца не имели названий и порядковых номеров, они появились позже, когда к ним появился оккультный интерес, но для удобства мы будем использовать эти названия.

Первая колода таро была создана по заказу Филиппо Марии Висконти в 1420-е гг. В 1450 г. в Милане воцаряется новая династия – Сфорца. К этому событию или по случаю 10-летнего юбилея свадьбы Франческо Сфорца и Бьянки Марии Висконти была создана новая колода таро. Часть карт почти идентична картам из колоды Ф. М. Висконти, но есть и отличающиеся.

Наиболее характерной картой для этого периода является карта **Колесо Фортуны** [8]. У всех четырех персонажей на этой карте возле головы есть надпись, обозначающая их положение на колесе. Восходящая фигура слева говорит Regnabo («Я буду править»). Фигура сверху говорит Regno («Я царствую»). Нисходящая фигура говорит Regnavi («Я царствовал»). Фигура

внизу гласит: *Sum Sine Regno* («Я не имею власти»). Мы видим, как человек поднимается по лестнице до тех пор, пока не достигнет максимально возможной высоты. Неизбежно более амбициозные и сильные соперники придут за тем, кто имеет власть, и сбросят его с вершины. Интересно, что на одежде фигуры, изображающей Фортуну, изображены солнечные лучи Висконти.

Такое изображение колеса Фортуны традиционно для Средневековья, оно встречается с XIII в. в разных культурах. Это подтверждает идею, что Милан из всех итальянских государств был наименее ренессансным в этот период – в данном герцогстве все еще были сильны средневековые традиции. Постепенно в эпоху Возрождения под влиянием гуманизма таких изображений становится все меньше, но к середине XV в. эта тенденция ещё не коснулась Милана.

Последняя часть колоды, созданная в 1480-е гг., состоит из шести карт (Сила, Умеренность, Звезда, Луна, Солнце, Мир). Авторство её, вероятно, принадлежит художнику феррарской школы. Часто создателем этих изображений называют Антонио да Чиконьяру, феррарского художника при миланском дворе. Однако существует дискуссия, и многие исследователи предполагают, что эти карты создали братья Бонифацио Бембо.

Мы же высказываемся в пользу феррарского происхождения этой части колоды. Во-первых, стилистика этих карт сильно отличается от остальных (чисто миланской школы). Художник здесь использует яркие, насыщенные цвета, очень часто присутствует красный (розовый) цвет, который почти отсутствует на картах двух предыдущих частей таро Висконти-Сфорца. Во-вторых, персонажи одеты в совершенную иную по фасонам одежду. Эта мода отсылает нас к античным мотивам. Одежды такого стиля носили в Центральной Италии и на Юге Северной Италии, к которой относится и Феррара [1, с. 94]. Эти территории были наиболее ренессансными. А в центре Северной Италии, где расположен Милан, была распространена бургундская мода [1, с. 94], яркие примеры которой можно увидеть на двух предыдущих частях колоды. И, в-третьих, три из шести карты изображают Беатриче Д'Эсте – жену Людовико Сфорца и представительницу феррарского герцогского дома.

На картах **Умеренность** [7], **Звезда** и **Луна** [6] изображена одна и та же девушка. Внешне она очень похожа на Беатриче Д'Эсте, жену Людовико Сфорца. Она считалась общепризнанной красавицей, поэтому неудивительно, что художник изобразил её сразу на трех картах. Кроме того, известно, что Людовико баловал Беатриче богатыми подарками. Вполне возможно, что и эти карты были одним из подарков.

По этим картам можно хорошо проанализировать моду Северной Италии в конце XV в. Во-первых, Беатриче изображена в одеждах античного стиля, о котором было сказано ранее [1, с. 94]. В этот период в Италии был следующий идеал красоты: очень высокий лоб и золотистого цвета волосы [1, с. 96]. Можно заключить, что эти карты изображают эталон итальянской женщины эпохи Возрождения.

Мир. На карте изображено два персонажа, которые внешне очень похожи на детей Людовико Сфорца и Беатриче Д'Эсте: Максимилиано и Франческо. Они поддерживают сферу, содержащую некую крепость. Город на карте Мир иногда рассматривают как изображение Иерусалима [3, с. 190]. С этим можно согласиться, т.к. в эпоху Возрождения любой город претендовал на звание Нового Иерусалима. Однако в этом изображение заключается не только религиозный подтекст. Анализируя планы Милана XV в., можно сделать вывод, что здесь изображен именно Милан. Этую версию подтверждают архитектурные особенности. На карте отчетливо видно, что в центре возвышается собор – Сан-Лоренцо Маджоре. Эта базилика была построена еще во времена Римской империи и в Ренессансную эпоху воспринималась современниками как символ античности. Город на карте окружен водой. Интересно, что в эпоху Возрождения воду изображали именно бледно-зелеными оттенками и ярко выраженным волнами [2, с. 67].

Эта карта, как нам кажется, отражает атмосферу и настроения при дворе Людовико Сфорца. Дело в том, что Милан в XV в. хоть и был окружен рвом с водой, но не выглядел как остров посреди моря, как это показано художником. Скорее всего это изображение отражало некую идеологию Милана в конце XV в., по которой Милан понимался оплотом Возрождения, единственным по-настоящему ренессансным городом, возвышающимся над океаном темного Средневековья. Следовательно, либо за примерно 30 лет, прошедших от времени создания прошлой колоды, произошел крутой

поворот в культуре Миланского герцогства, либо такая идея появилась благодаря феррарцам.

По всей видимости, художник вложил в карту и свой взгляд на политику Милана. Напомним, что сферу держат дети Людовико Сфорца от Беатриче Д'Эсте. Ни один из них не являлся наследником герцогства, но художник уверяет будущее Милана именно им. Возможно, это связано с привязанностями к феррарской линии.

Таким образом, карты таро Висконти-Сфорца действительно являются важным историческим источником, на основе которого можно изучать не только политические процессы в Милане, но и культурные и идеологические трансформации. Анализ столь специфического источника требует больших усилий и детального изучения всех нюансов жизни Милана во второй половине XV в.

Однако мы выявили важный характерный момент для этой колоды: в Милане в конце XV в. произошли существенные изменения в культуре и мировоззрении: государство встало на путь ренессанса, что и отразилось на «феррарской» части колоды.

Список источников и литературы:

1. Блохина И. В. Всемирная история костюма, моды и стиля. Минск: Харвест, 2015. 400.
2. Пастуро М. Зеленый. История цвета / перевод с французского Н. Кулиш. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 168 с.
3. Abele-Hipp S. Tarocchi. Spielerische Herrschaftsdemonstration der Herzöge von Mailand 1395–1500. Harder: wbg Academic, 2022. 252 s.
4. Alvarez Portugal, V. Modelos de la imagen. El Mago del tarot Visconti // Anales Del Instituto De Investigaciones Estéticas. Vol. XL, num. 112, 2018. P. 133-179.
5. Court de Gébelin, Antoine. Monde primitif, analysé et comparé avec le monde modern. Paris: Chez l'Auteur, 1773-1782. 600 p.
6. Zuffi S., Bandera Bistoletti S. Brera: I tarocchi di Bonifacio Bembo e la cultura cortese tardogotica. Milano: Electra, 1999. 47 p.
7. The Wheel of Fortune. Milan, Italy, ca. 1450-1480 // Pierpont Morgan Library. MS M.630.9.

8. Temperance. Milan, Italy, ca. 1450-1480 // Pierpont Morgan Library.
Manuscript. M.630.5.

9. Luna. 06AC00889/01-26 // Collezione Francesco Baglioni.
Accademia Carrara.

Секция V. Источники по социальной истории.

A.B. Лоцилов

Вологодский государственный университет

Вологодские епархиальные ведомости как источник по истории старообрядчества конца XIX – начала XX веков

Журнал «Вологодские епархиальные ведомости», выходивший с 1864 по 1917 гг., является важным источником по истории старообрядчества. Многие стороны жизни староверов нашли своё отражение на страницах данного журнала. Особенно нас интересуют записки епархиальных миссионеров, которые выходили в неофициальной части выпусков. Благодаря дневникам миссионеров мы можем понять специфику взаимоотношений между старообрядцами и Русской православной церковью.

Важно отметить, что цель публикации дневников епархиальных миссионеров заключалась в разоблачении и критике старообрядчества, поэтому при анализе необходимо внимательно подходить к тем или иным высказываниям миссионеров. Во многих выпусках записок вологодского епархиального миссионера содержится описание споров между миссионером и старообрядцами. Изучая описание данных бесед, мы сможем лучше понять идеологическую составляющую обеих сторон. Для нас представляют особую важность сведения, в которых идёт описание быта и культуры староверов.

Приступая к изучению Вологодских епархиальных ведомостей, мы должны рассмотреть специфику распространения раскола на территории Вологодской губернии, иначе будет не понятно, на какие аспекты необходимо обратить внимание при чтении журнала. И. Н. Тяпин делает акцент на том, что Вологодский край не стал мощным старообрядческим очагом в силу определенных обстоятельств, которые подрывали патриархальный уклад: во-первых, малая удаленность от политических центров; во-вторых, более плотная заселенность по сравнению с Архангельской и Олонецкой губерниями; в-третьих, относительно высокое развитие производительных сил [1, с. 80 - 81]. Однако Вологодская губерния была окружена территориями, которые являлись крупными

старообрядческими центрами различных толков, что и обусловило наличие большого спектра старообрядческих течений [1, с. 80 – 81].

Патриархальные тенденции ослабевали там, где были сильны модернистские процессы. Таким образом, мы можем сказать, что в конце XIX – начале XX в. из-за модернистских тенденций, способствовавших разрушению патриархальных традиций, в старообрядческой среде наступил кризис. Важно определить, нашли ли данные процессы отражение на страницах Вологодских епархиальных ведомостей.

В качестве гипотезы исследования выступает возможность использования Вологодских епархиальных ведомостей как источника, содержащего в себе сведения об изменениях ментального облика старообрядчества. Изучение ментальности старообрядцев особенно актуально сейчас, когда исследователи К.Я. Кожурин, Р.Ю. Аторин, К.М. Товбин, выработали новую методологию изучения старообрядчества: они отмечают, что изучение трансформаций ментального облика старообрядчества поможет понять современное пострелигиозное сознание [2, с. 93].

Научная новизна исследования заключается в изучении Вологодских епархиальных ведомостей как источника по истории быта и культуры старообрядчества в рамках новой методологии изучения старообрядчества, разработанной К.Я. Кожуриным, Р.Ю. Аториным, К.М. Товбиным. Мы рассмотрим различные стороны жизни старообрядцев: брак, брачно-семейные отношения, связь между вологодскими староверами и крупными центрами, пути получения финансирования и литературы, отношения между крестьянами и староверами, а так же функционирование моленных домов.

Цель – изучение Вологодских епархиальных ведомостей как источника по истории быта и культуры старообрядчества конца XIX – начала XX в.

Исходя из цели, ставятся следующие задачи исследования: 1) охарактеризовать сведения Епархиальных ведомостей о старообрядцах Вологодской губернии; 2) изучить культуру и быт старообрядчества на основании отчетов миссионеров; 3) проанализировать сведения, которые показывают процесс проникновения модернистских тенденций.

Материалы исследования представлены, во-первых, записками и дневниками вологодских епархиальных миссионеров; во-вторых,

ведомостями о состоянии раскола по Вологодской епархии. Выпуски журнала «Вологодские епархиальные ведомости» хранятся в БУК ВО «Вологодская областная универсальная научная библиотека». Многие материалы оцифрованы и доступны в электронной версии на сайте библиотеки.

В ходе исследования данных источников были применены следующие методы: сравнительно-исторический, ретроспективный и описательно-повествовательный методы.

В результате научного исследования удалось установить, что в Вологодских епархиальных ведомостях содержаться важные сведения о быте староверов конца XIX – начала XX в. Особый интерес представляют брачно-семейные отношения, так как старообрядцы взаимодействовали с православными крестьянами. Брак являлся одним из источников пополнения старообрядчества. Вологодский епархиальный миссионер Николай Следников приводит множество сведений о браках между староверами и никонианами. Во многие приходы раскол был занесён через браки. Особый для нас интерес представляют сведения, которые описывают особенности брачно-семейных отношений в семье, где сосуществовали старообрядцы и православные: например, во Флоровском приходе жены-раскольницы не допускают до своих чашек мужей и детей [3, с. 298]. Примечательно, что староверы старались запретить своим супругам посещать православные церкви. Были случаи, когда в одной семье могло быть несколько старообрядческих толков: так, в Кустовском приходе у Андрея Иванова отец – поморец, а жена принадлежит к secte begunov-staroobryadcov [4, с.437].

Стоит отметить, что епархиальный миссионер описывает случаи, когда крестьяне воспринимали старообрядчество как веру, которую нужно принимать перед смертью [5, с. 31]. Этим, возможно, и обусловлены ситуации, когда один член семьи вступал тот или иной старообрядческий толк. Кроме того, новый старовер не разрывал связь со своей семьёй, а устраивал келью в том же доме. В семье Тимофея Зыкова все православные, когда же он сам – раскольник: «Он в избе выгородил себе каморку, как делают вообще все кокшенгские раскольники, живущие среди мирских родственников»[6, с. 96].

Другим аспектом старообрядческой жизни было явление покровительства. В селе Новленском раскол, как утверждает Н. Следников, поддерживался и укреплялся деньгами: почти ежегодно в приход приезжал проживающий в Москве крестьянин из деревни Волково с целью одарить раскольников деньгами [7, с. 460]. В Кокшеньге раскол укрепился за очень короткое время за счёт близкого расположения к реке Сухоне, через которую можно было вести торговлю и поддерживать связь с Москвой и Нижним Новгородом [5, с.29].

Важен тот факт, что старообрядцы, живущие в различных поселениях, не были изолированы друг от друга: они могли ходить в разные моленные. В деревне Погорелове, согласно сведениям епархиального миссионера, находился «старообрядческий монастырь» филипповского согласия, который получал деньги, совершая молитвы по усопшим [8, с.622]. В домах этого «монастыря» жили иноки и инокини, которые пришли сюда из разных деревень, а «постриглись» в Пошехонском уезде [8, с.622]. Таким образом, между старообрядцами различных поселений были выстроены каналы связи.

Мы можем прийти к выводу, что в старообрядческую среду Вологодской губернии действительно проникали модернистские явления. Но сведения, полученные из Вологодских епархиальных ведомостей, недостаточны для глубокого и детального исследования этого процесса – информация носит поверхностный характер, так как цель епархиальных ведомостей заключалась прежде всего в обличении раскола. Для более подробного раскрытия темы необходимо использовать другие источники. Вологодские епархиальные ведомости раскрывают самобытность староверческой культуры, её связь с крупными центрами старообрядчества. Записки вологодских епархиальных миссионеров содержат множество аспектов культуры и быта старообрядчества Вологодской губернии, но эти сведения рассредоточены по различным выпускам журнала «Вологодские епархиальные ведомости», поэтому их затруднительно использовать без дополнительной исследовательской литературы.

Список источников и литературы:

1. Тяпин, И.Н. Характеристика старообрядчества на территории Вологодской области (конец XVII – начало XX века) / И.Н. Тяпин // Сборник

научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Выпуск V. Вологда: ВГПУ, издательства «Русь», 1997. С. 77 – 86.

2. Товбин, К.М. Составление старообрядческой антологии: методологические проблемы / К.М. Товбин., Р.Ю. Аторин, К.Я. Кожурин // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. №2. С. 87-101.

3. Поездки вологодского епархиального миссионера в 1899 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1900. №12. С. 297 – 299.

4. Поездки вологодского епархиального миссионера в 1900 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1901. №16. С. 437 – 444

5. Поездки вологодского епархиального миссионера в 1900 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1901. №2. С.29 – 32.

6. Поездки вологодского епархиального миссионера в 1900 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1901. №4. С.92 – 100.

7.Поездки вологодского епархиального миссионера в 1900 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1901. №17. С. 459 – 466.

8. Поездки вологодского епархиального миссионера в 1899 году // Вологодские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1900. №24. С. 619 – 628.

С.А. Соковнина

Санкт-Петербургский государственный университет

Торговая жизнь Бреста в XVI – первой половине XVII веков

В позднем Средневековье значительная роль в развитии экономической, политической, правовой и культурной жизни Великого княжества Литовского принадлежала городам, которые исторически выполняли экономическую, административную и военную функции. К середине XVI в., то есть в момент их наибольшего процветания, к числу самых крупных городов этого государства относился Брест. Важной экономической

составляющей городской жизни при этом была торговля, обеспечивавшая поддержание международных и региональных связей.

При этом проблемы экономического развития Бреста в XVI в. еще не были подробно исследованы и освещены в историографии. Можно выделить несколько монографий по истории этого города, в которых приводится преимущественно событийная история, например, «Брест. История приграничного города (X – XXI века)» А. Черемина [12]. Большое внимание Бресту в рамках польско-белорусской торговли уделил также З.Ю. Копысский, проанализировавший мытную книгу Бреста за 1583 год [6]. Данный реестр представляет собой записи с 31 января (за исключением 1 – 3 февраля) по 27 мая, содержащие информацию о проезжавших через Брест торговцах, составе их товара, начальном и конечном пунктах маршрута, размере взимаемого с них мыта и количестве возов (последнее уточняется не всегда) [2, 289 – 322; 3, 252 – 289]. Этот же источник является основным и в нашем исследовании, только в отличии от белорусского историка, анализировавшего характер торговли и соотношение экспорта и импорта, мы уделим основное внимание повседневному аспекту жизни торговцев.

Через центральную часть Бреста проходили пути до Вильны и Кракова, Замухавечье пересекала дорога до Луцка [11, 485 – 487]. Применительно же к чуть более позднему периоду второй половины XVI – первой половины XVII в. З.Ю. Копысский выделил ключевые для белорусских городов дороги, из которых складываются следующие торговые пути через Брест: 1) Орша — Минск — Несвиж — Слоним — Каменец — Брест — Ломазы — Люблин; 2) Вильна — Волковыск — Брест — Ломазы — Люблин; 3) Большой гостинец: Брест — Кобрин — Пинск; 4) Несвиж — Слоним — Ружаны — Лысково — Новый Двор — Шерешево — Черновчицы — Брест — Кодень — Владимир; 5) Брест — Ратно — Владимир — Луцк [6. 153 – 154]. Помимо разветвленной сети названных выше торговых путей, через Брест протекал Западный Буг, по которому с середины апреля также осуществлялась перевозка товаров на комягах и полукомягах [3, 260]. В общей сложности, берестчане могли поддерживать товарообмен с жителями таких крупных городов, как Вильна, Киев, Краков, Луцк, Люблин, Минск, Могилев, Москва, Познань, Слуцк, Смоленск и других.

Еще в XIV в. Бресте был основан гостиный двор [5, 313], что говорит о его важности как центра торговли уже в то время. Постояльцами могли быть как торговцы, направлявшиеся непосредственно в Брест, так и те, для кого он был лишь временной остановкой на пути. Применительно ко второй половине XVI в. мы видим, что с точки зрения вытекающих из этого логистических потребностей, город был хорошо развит и был способен обеспечить проезд более 120 возов за один день [2, 295 – 300]. Судя по тому, что 21 февраля 1583 г. такое количество повозок следовало в двух противоположных направлениях (из Бреста в Люблин и из Люблина в Брест и далее до Пинска), расстояние между зданиями в центре города могло быть достаточным для двустороннего движения. Нам известно, что для поддержания торговых потоков городские власти регулировали минимальную ширину улиц, через которые проходили гостинцы: "waruiemy, aby była przestronność szeroka w koło budy, iako wozem u szyrzey obiechać może" (перевод с польского: «требуем, чтобы около постройки была широкая площадка, которую возом и шире обехать можно») [1, 392].

Для большего привлечения иногородних купцов, в соответствии с Магдебургским правом» городу даровалось право проведения трех ярмарок в год, как в столице Вильне,: «первый ярмарокъ на октавы Трех Кролеи, а другой ярмарок по Велице дни на светыи Войтех, а третии ярмарок в осен на светыи Балтромеи. А мают тые ярморки стояти каждый по две недели со всим доброволеньством безмытно, по тому, как и по иным местом ярморки держат» [9, 87]. В остальные же дни при проезде через Брест с товаром иногородние купцы платили таможенную пошлину. Брестская таможня занимала второе место в доходах государственной казны [12, 112]. Собранные ей за несколько лет средства покрывали расходы на восстановление центрального района города вместе со строительством паркана.

Брестское мыто «с перевозы и з вагами, и со всеми доходами, што здавна к мыту им слухает» [4, 255] часто сдавалось в аренду евреям. В грамотах великого князя отмечается тенденция к постепенному росту и усилению нарушений и злоупотреблений как нарушений со стороны купцов: «А которыи бы гости хотели мыто нашо обежъдчати новыми дорогами, минаючи мыто нашо» [8, 46], так и со стороны наместников: «и сам бы еси в

мыто нашо и в промыту не вступал ся и наместнику своему не велел вступати ся» [4, 263]. Через стремление к дальнейшему росту мыта подчеркивается важность значительных доходов брестской таможни: «И во всемъ бы еси мыту нашему был помочонъ, какъ бы ся мыто нашо не понижало» [8, 46].

По данным мытной книги 1583 г., в промежуток с февраля по май через нее проехало 242 торговца, больше трети из которых составляли сами берестчане (табл. 1.1). При этом пик активности приходится на февраль-март, после чего в апреле практически все поездки совершались лишь самими жителями Бреста, и лишь в мае начинается постепенное оживление торговой жизни. Это говорит о том, весной приостанавливаясь интенсивная торговая деятельность в рамках всей Речи Посполитой.

Объяснением тому может служить достаточно низкий уровень логистического развития страны, характеризующийся, в том числе, и плохим качеством дорог. Дорога из Варшавы в Вильнюс могла занять от недели до месяца — в зависимости от времени года, погодных условий, типа транспорта и от общественного статуса путешественника [10]. Мы видим, что торговцы опасаются отправляться в путь в одиночку. Они могли, как следовать общим маршрутом группами до 10 человек [2, 295 – 300], так и полностью объединять свои капиталы: «Илья Липчик и Меркель Новоховичь, жидове Берестейские, мели товар свой до Люблина» [2, 293], что помогало справляться как с логистическими задачами, так и обеспечить большую безопасность. Дополнительным препятствием была небольшая плотность населения, из-за чего путешественники должны были брать с собой больше еды и питья, имели больше шансов заблудиться или подвергнуться нападению [10].

Таким образом, на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени Брест, находившийся на перекрестке путей из польских земель на территорию бывшего Великого княжества Литовского, играл значительную роль в торговой жизни всей Речи Посполитой. Мы видим, что жизнь купца была связана со множеством трудностей и опасностей, грозящих крупными материальными потерями и даже возможно смертью. Однако тот факт, что предпримчивые люди были готовы идти на столь большой риск, свидетельствует о жизненной необходимости поддержания экономических связей между городами и высокой прибыльности торговой деятельности.

Список источников и литературы:

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссию. Вильна, 1872. Т. 6.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссию. СПб., 1848. Т. 3. 362 с.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссию. СПб., 1848. Т. 4. 584 с.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(6). СПб, 2012. 664 с.
5. Вяліка княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.1: Абаленскі – Кадэнцыя. Мінск, 2007. 688 с.
6. Копысский З.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. Минск, 1966. 227 с.
7. Литовская метрика (1522-1530). 4-я книга судных дел. Вильнюс, 1997.
8. Литовская метрика. Книга № 4 (1479-1491). Вильнюс, 2004.
9. Литовская метрика. Книга № 9 (1511-1518). Вильнюс, 2002.
10. Рустыс Камунтавічус. Падарожжы па Літве ў XVI--XVII ст.: досвед італьянцаў і французаў [Электронный ресурс] URL: <https://www.belhistory.eu/archives/1179> (29.02.2024).
11. Соковнина С.А. Брест в середине XVI века: к вопросу о городской структуре // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (8–10 ноября 2022 г.). СПб, 2023. С. 483–491.
12. Черемин А.А. Брест. История приграничного города (Х – XXI века). М., 2017. 384 с.

Таблица 1.1. Поездки торговцев, проехавших через Брест в феврале – мае 1583 года

Даты	Количество торговцев	Из них берестчане
04.02 – 17.02	44	23
18.02 – 03.03	79	14
04.03 – 17.03	54	23
18.03 – 31.03	12	4
01.04 – 14.04	7	7

15.04 – 28.04	6	5
29.04 – 12.05	18	10
13.05 – 26.05	22	10
Итог	242	96

Таблица составлена на основе «Мытной книги» [2, 289 – 322; 3, 252 – 289].

*E. M. Сынкова
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М. В. Ломоносова*

«...Необходимо изменить существующий порядок отпуска леса на изделия»: северные крестьяне глазами лесного инспектора в конце XIX – начале XX в. (по материалам Лайского лесничества)

Лес на протяжении жизни человечества был средой обитания, источником строительных материалов, топлива, пищи и так далее. Много леса уходило на крестьянские постройки: большие двухэтажные дома-дворы, овины, бани. На традиционные промыслы уходило много леса. Так солеваренный промысел требовал большого количества дров, а для смолокурения требовалось много смолья. Представители власти не могли оставить без контроля использование этого ресурса. Документы, регулирующие отношения между крестьянами и властями отложились в Государственном архиве Архангельской области в виде дел фонда Лайского лесничества о продаже лесных материалов. Фонд включает в себя прошения крестьян, правила отпуска леса, а также деловую переписку между лесничим и Управлением земледелия и государственных имуществ.

Лайское лесничество, как и все остальные в Архангельской губернии, занималось регулированием вопросов по заготовке и отпуске леса. Лесничество располагалось на левом берегу Северной Двины, в 3-х верстах от Архангельска. В 1897 г. площадь всего лесничества составляла 474 342,8 дес. (518 220 га), в том числе лесной почвы 290 442,5 дес. (317 308 га), болота занимали около 150 000 дес. (163 875 га) территории [9, с. 183 – 186]. По сравнению с другими лесничествами, Лайское было сравнительно небольшим. К 1902 г. состояло из двух дач: Заостровской сборной и Кехотской.

Транспортировка леса из лесничества к местам главного сбыта осуществлялась по Северной Двине и её притокам – рекам Кудьма, Лая, и Урзуга. Еще одна особенность лесничества заключается в том, что оно расположено в непосредственной близости к городу Архангельску. В лесничестве преобладали сосна и ель [2, л. 11-23].

Одной из главных задач Лесного управления в конце XIX – начале XX в. было сохранение лесных ресурсов. Ответственность за правильное ведение хозяйства возлагалась на лесничего, который в своем подчинении имел несколько объездчиков и обходчиков. Как правило, должность последних занимали крестьяне, проживавшие в ближайшем от лесничества населенном пункте. Лесная стража в Лайском лесничестве в 1909 г. состояла из 5 объездчиков и 9 обходчиков [1].

В обязанности лесничего входил надзор за сохранением и эксплуатацией леса во вверенном ему лесничестве, составление ежегодных хозяйственных планов, в том числе по лесовозобновлению, ведение служебной документации: отчеты, журналы продаж, отпуска леса, проведенных работ и пр.

В собственном владении лесов у крестьян не было, поэтому крестьяне составляли прошение, в каждом конкретном случае указывая, сколько деревьев и для каких нужд им нужно: «Мы, ниже подписавшиеся, крестьяне Архангельской губернии и уезда Вознесенской волости Лайского сельского общества... почти что все занимаются вывозкой леса, где и находят единственное пропитание, чем и поддерживают свое благосостояние... к сему сроку не успели заготовить для себя лесной материал, главное дрова и жерди» [6, л. 183]. Прошение составлялось, как правило, от всего сельского схода с приложением именного списка крестьян. Количество запрашиваемых материалов не должно было превышать установленной нормы. Лесничему было необходимо проверять списки, чтобы предотвратить желание крестьян запрашивать лес для лиц, в нем не нуждающихся или вовсе не существующих [7, л. 79].

Разрешением на заготовку леса являлся «билет», который выдавался заготовщикам в ответ на их прошение. В таком билете четко указывалось, количество, качество леса и из какого участка разрешено его вывезти. Билет имел порядковый номер, а сведения о количестве отпущенных билетах и лесе

заносились в ведомость лесничим. Например, по лесному билету № 330 от 26 ноября 1910 г. в Заостровской даче Чужгорской общиной было заготовлено дров из растущего леса сосновой породы 24,25 куб. саж. ($51,74 \text{ м}^3$), еловых жердей – 180 шт., кольев – 115 шт [4, л. 186].

Установленные лесным управлением, правила отпуска были не всегда удобны как для самих крестьян, так и для служащих лесничества. Население не задумывалось о лесе, как о ресурсе, который может закончиться. Отправляясь на лесозаготовки, крестьянин все еще рубил лес наиболее привычным и удобным для себя способом, что в свою очередь также влияло на сокращение лесов.

На протяжении долгого времени вырубались деревья наилучшего качества. Непригодные деревья или то, что от них осталось, бросали на месте рубки. Поэтому леса постепенно «засорялись», а оставленный «валежник» затруднял всходы и рост молодых деревьев. Такие правила рубки сложились в XIX в., но на практике активно использовались и в начале XX в.

На эти моменты обращал внимание лайский лесничий. В 1911 г. лесничим был назначен г. Войцеховский [5, л. 3]. В переписке с Управлением земледелия и государственных имуществ, лесничий не раз указывал на то, что крестьяне не рационально подходят к заготовке леса себе на домашние надобности. Так, например, срубив дерево, «отрезает для своей надобности 3 или 4 аршина, смотря по роду изделий, от комля, а остальную часть ствола оставляет в лесу. Если заготовленные таким образом отрубки почему-либо плохо колются, то заготовщик бросает их и заготовливает другие, ровно ничем не рискуя, так как места рубок (целые кварталы!) не свидетельствуются» [3 л. 23].

На домашние надобности крестьянам отпускался как мертвый, так и растущий лес по одинаковой стоимости. Растущий, здоровый лес использовался для продажи пиловочных бревен, которые приносили главный доход в бюджет Управления земледелия и государственных имуществ. Продажа мертвого леса, как продажа материалов для кустарного производства, имела второстепенное значение. Таким образом, растущий лес берегли для нужд государства, в то время как мертвого было в избытке [9, с. 6]. Чтобы хоть как-то ограничить использование растущего леса и мотивировать крестьян рубить в первую очередь мертвый, заготовка дров

долготьем (т.е. цельными стволами) разрешалась только из мертвого леса. Растущий лес также разрешалось использовать на дрова, но заготовлять его поленьями, не длиннее 1 аршина. Таким образом, дрова из растущего леса можно было доставить только гужем – на повозке с лошадьми, что было намного сложнее и дольше [6, л. 174].

В 1912 г. в своем донесении Управлению земледелия и государственных имуществ лесничий предложил вовсе не разрешать отпуск материалов на дрова из растущего леса в участках, где был избыток мертвого леса [7, л. 114].

Крестьяне Задвинского общества ослушались предписаний лесничего и заготовили растущий лес долготьем, а не поленьями. В таком случае, чтобы не принуждать заготовщиков разделять уже заготовленный лес на короткие поленья, Управление разрешило вместо разделки на коротье сделать надрубы через каждый аршин, глубиной не менее, чем до сердцевины, в срок до 15 мая [6, л. 195]. Огласить решение Управление запланировало 29 апреля на сельском сходе Задвинского общества через сельского старосту. Однако, как пишет староста, сход не состоялся ни «29 апреля, в следствии моей болезни...; 3-го мая по случаю храмового праздника в деревне 2/3 домохозяев были пьяными сход было собирать бесполезно; 6-го мая сход тоже не мог состояться, так как часть крестьян по случаю распутицы не могла попасть домой с заводов, а часть, и притом большая, еще 5-го мая уехали на сплав дров» [6, л. 196].

Также в продолжение он добавляет, что, несмотря на выше указанные причины крестьяне еще на сходе 22 апреля «хорошо были осведомлены об условиях сложения с них штрафа от лиц, бывших у г. Начальника Управления Земл. и Госуд. Имущ. ... условия 3-го мая и в следующие дни были неоднократно разъяснены как отдельным лицам, так и группам крестьян, а некоторые из них даже сами читали предписание г. Лесничего» [6, л. 196].

Сопротивление крестьян делать надрубы на растущем лесе, как полагал лесничий, было связано с тем, что лес, предназначенный на дрова, в итоге мог использоваться для заготовки изделий на продажу. Если такое попустить, то дрова из мертвого леса никогда заготавливаться не будут [6, л. 174].

Крестьяне, нарушившие условия отпуска леса, судя по всему, проигнорировали указания, как лесничего, так и Управления. На них было наложено взыскание в сумме 2035 руб. 28 коп., которое было разрешено снять, если к установленному сроку они все-таки сделают надрубы. Крестьяне так и сделали, правда при вторичном освидетельствовании оказалось, что дров с надрубами всего только 6 куб. саж., а остальные 114 куб. саж. были сплавлены к деревне [7, л. 80].

Дело крестьян Задвинского общества закончилось тем, что заготовленные и самовольно сплавленные 120 куб. саж. дров были секвестрированы 23 мая в том же 1912 г. лесничим Лайского лесничества Войцеховским в присутствии старосты Задвинского сельского общества Д. М. Пустошина и десятского деревни Задвинской А. Ф. Пустошина [6, л. 226].

Лесничий старался исходить из хозяйственных соображений и считал, что любые злоупотребления в пользовании лесом необходимо пресекать сразу: «при первой попытке заготовить самовольно – составлять протокол» [7, л. 114]. Иначе, примеру крестьян Задвинской деревни последуют все остальные, «так как знают, что Лесное Ведомство не пожелает разорять их большими штрафами» [7, л. 114].

При одинаковой стоимости мертвого и растущего леса, крестьяне выбирали наиболее подходящий. Заготовляя дрова из растущего леса, крестьяне нередко рубили и строевые деревья, предназначавшиеся для государственных нужд, а лесная стража в силу своей малочисленности при большой территории, была не в состоянии уследить за всеми заготовщиками [7, л. 114]. Их деятельность главным образом была направлена на контроль заготовок леса для лесопильных заводов [8, с. 18-19]. Правда, как вышло на практике, немалую часть времени требовалось выделять и для осуществления надзора за отпуском леса крестьянскому населению.

Несмотря на то, что в лесничестве главным образом отпускался пиловочный лес на продажу, значительная часть леса все же использовалась и населением, которое не всегда довольствовалось правилами отпуска леса и иногда ими пренебрегало. Несоблюдение формальностей вызывало конфликты между заготовщиками и представителями лесного ведомства. В итоге процесс отпуска леса затягивался из-за выяснения обстоятельств.

По мнению лайского лесничего крестьяне, своим сопротивлением строго действовать предписаниям, затрудняли развитие рационального пользования лесом. Более того, крестьяне злоупотребляли тем обстоятельством, что лесная стража была не в состоянии уследить за всеми заготовщиками и рубили любой лес. Такое неповинование выражалось в том, что лесничество оказывалось не в состоянии регулировать отпуск леса. В то время как сокращалось количество растущего леса, не вырубался мертвый и занимал значительную площадь лесничества. Для северного крестьянина лес в свою очередь был основным источником его существования. Лесорубочный промысел требовал больших трудовых и временных затрат, чем крестьянин особенно дорожил. Таким образом, заготовщик поступал исходя из своих хозяйственных соображений – заготовить больше качественного леса в меньший срок. Но такое положение дел шло в разрез с намерениями лесничего, а именно сократить использование растущего леса и освободить большие площади от мертвого.

Список источников и литературы:

1. ГААО Ф. 197. Оп. 1. Д. 3.
2. ГААО Ф. 197. Оп. 1. Д. 6.
3. ГААО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 23.
4. ГААО Ф. 197. Оп. 1. Д. 24.
5. ГААО Ф. 197. Оп. 1. Д. 34.
6. ГААО Ф. 197. Оп. 1. Д. 40.
7. ГААО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 63.
8. Римский-Корсаков, Н. А. Леса // Обзор Архангельской губернии за 1902 г. 1902.
9. Сахновский, Н. Памятная книга лесничествам Архангельской губернии. Архангельск., 1907.

И.Н. Шиловский

Вологодский государственный университет

**Протокольная и сопутствующая ей документация заседаний
(собраний) сельсоветов и колхозов 1920-1930-х гг. как источник по
истории общественного сознания (на материалах Северного края)**

Протокольная документация, а также сопутствующие ей материалы играли важную роль в официальной делопроизводственной документации [16, с. 258-262, 271-273, 275-286]. Как источник получения информации в статье использованы протоколы работы сельсоветов и колхозов (артелей) за период 1920-1930-х гг. Они извлечены из фондов Государственного архива Вологодской области (далее ГАВО): фонд 196; фонд 220; фонд 222; фонд 2732. Всего в этом архиве находится на хранении 977 фондов с документацией о деятельности сельсоветов, 576 – с документацией о деятельности колхозов. Частично материалы можно найти в районных архивах. Все рассмотренные в статье фонды относятся к Усть-Кубинскому району Вологодского округа Северного края: Троицкий сельсовет; Спасский сельсовет; сельскохозяйственная артель (колхоз) «Юный коммунар» Богославского сельсовета.

Все хранящиеся в ГАВО протоколы имеют статус документов постоянного хранения. Протоколы колхозов сохранились не за весь период их существования, связано это с тем, что окончательное место хранения протоколов было определено в более поздний период. Многие колхозы к этому времени претерпели реорганизацию юридических лиц в виде слияния или прекращения своей деятельности. Поэтому довольно значительная часть протоколов и сопутствующей им документации утрачена. В сформированные фонды помимо протоколов общих собраний крестьян, собраний колхозников, также входит много документов, относящейся к деятельности сельсоветов и колхозов за указанный период. Так, просмотренные нами фонды за этот период времени включали в себя, помимо, протокольной документации общих собраний крестьян ряд других документов. Это такие источники, как: статистика по актам гражданского состояния; переписка по военным делам; переписка по земельным делам; документы к сведению и руководству;

выписки из протоколов, справки, удостоверения, обращения, жалобы крестьян и другие материалы.

На сохранность протоколов и сопутствующих им материалов серьезное влияние оказало время: так часть материалов ввиду ветхости находятся на проведении реставрационных мероприятий и на данный момент недоступны для изучения, некоторая часть из них будет недоступна и после реставрации, пока, не будет осуществлена их цифровизация. В документах часто присутствует большое количество орфографических ошибок – уровень образованности крестьян в то время был не очень высок. Одним из препятствий для изучения протоколов было то, что очень часто протокольная документация велась, в связи с дефицитом бумаги и типовых отпечатанных бланков, на листах разного качества. Это мог быть вырванная из какого-нибудь журнала страница, оборотная сторона какого-либо информационного листа. Очень часто протоколы велись карандашом, заполнялись спешно и не разборчиво.

Бланки протоколов, скорее всего, заготавливались заранее, чтобы соблюсти все элементы официального документа. Такой вывод нам позволяет сделать то, что некоторые элементы документа, такие как дата и количество присутствующих в процессе проведения собрания иногда оставались не заполненными, несмотря на то, что сами записи об этом в документе присутствуют. Такая небрежность являлась как следствием малообразованности крестьянства, особенно по сравнению с городскими жителями, так и того, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. основу крестьян, вступивших в колхоз, составляла группа крестьян, отнесенная к группе бедноты [5, л. 1-133]. В протоколах присутствует очень много сокращений, понятных современникам и не всегда понятных исследователю. Нельзя не учитывать и то, что секретарь, протоколируя деятельность собрания, по наитию пытался, в первую очередь, отразить мысли своего руководства.

Различия в ведении протокольной документации зависели от субъективного фактора: ведение протокола могло быть небрежным или, наоборот, аккуратным, отражать личностные особенности протоколирующего – кто-то протоколировал в очень сокращенном варианте, не придавая значения репликам и обсуждению вопросов, концентрируясь только на основных вопросах, предложенных к решению. Другая часть

протоколирующих, наоборот, пыталась внести в протокол значительную часть обсуждения, происходившего на собрании. Особенно это заметно при сравнении протоколов президиума колхозов с протоколами общего собрания колхозников. Так, если протоколы заседаний президиума колхоза в основном относятся к категории «глухих» [16, с.262] и являются в рамках нашего исследования малоинформационными, то общие собрания колхозников гораздо чаще содержали в себе фиксацию прений [5, л. 1-133; 12, л. 1-114; 13, л. 1-36; 14, л. 1-24]. Такая эмоциональная вовлеченность колхозников в процесс обсуждаемых вопросов позволяла нам выявить отношение крестьянства к тем изменениям, которые происходили с ними.

Несмотря на сложности изучаемых источников, которые мы перечислили, протокол являлся официальным документом, который имел общие требования для всех составителей протокола и предполагал четкую фиксацию происходящего на собрании, что во многом исключает возможность художественного вымысла в данном документе и позволяет опираться на полученную информацию.

Основу протокола составляют обязательные для данного типа официальных документов элементы: дата документа, количество присутствующих, перечень членов правления, рассматриваемые вопросы, фиксация фамилий выступающих, утверждающая часть (решение собрания) [16, с. 262]. Очень важно, что в протокольной документации четко прослеживается позиция современников по происходившим вокруг них изменениям, как принято говорить: «Здесь и сейчас». Отсутствует процесс искажения восприятия событий людьми последующих поколений или тех же самых искажений, которые проявляются, когда очевидец описывает происходящие с ним события в гораздо более поздний период времени, например в своих воспоминаниях (мемуарах) [16, с. 369-370]. Это позволяет нам говорить о высокой ценности данной документации для историка. Часть протокольной документации помимо самих протоколов, содержала сопутствующие им документы (списки, обращения, жалобы, постановления) которые являлись очень информативным источником в рамках нашего исследования [4, л. 1-149; 9, л. 1-33; 11, л. 1-52; 12, л. 1-114; 13, л. 1-36; 15, л. 1-31].

В 1920-1930-е гг. сельсоветы, а затем и колхозы формировались из крестьян, непосредственно проживающих на селе. Протоколы общих собраний это официальные документы, в которых зафиксированы взгляды и отношение крестьян к происходящим процессам, их переживания. Общие сходы сельсоветов, а в дальнейшем и колхозов, колхозные собрания собирали большую часть жителей деревни, что позволяет нам говорить о высокой репрезентативности выборки. Участвуя в собраниях, крестьяне могли высказать как свое личное отношение к происходящему, так и получить поддержку односельчан, взгляды которых совпадали с докладчиком. Все эти озвученные взгляды и жизненные позиции, попадали в протокол и скрупулезно фиксировались. Таким образом, протокольная и сопутствующая ей документация наиболее приближены к передаче мироощущения крестьян, их забот и тревог, позволяют нам увидеть не только общее решение государственных органов, но и позиции его отдельных членов.

Изучение документации сельсоветов, хранящейся в ГАВО, возможно только с 1924 г. Это связано с рядом постановлений Президиума ВЦИК в 1924 г., которое ввело районирование и формирование сельсоветов на территории нынешней Вологодской области. На первом этапе исследования рассматривались протоколы сельсоветов в период до создания колхозов. Рассмотрены и проанализированы материалы фондов ГАВО с документацией сельсоветов за 1924-1931 гг. [1, л. 1-110; 2, л. 1-16; 3, л. 1-15; 4, л. 1-149; 5, л. 1-133; 6, л. 1-105; 7, л. 1-61; 8, л. 1-43]. Это было необходимо для того, чтобы на втором этапе исследования сравнить, как меняется отношение крестьян по изучаемым нами критериям в период появления и становления колхозов. Важно было, чтобы информация по заданным критериям отражалась не только в одном протоколе, а подтверждалась схожей информацией в нескольких протоколах одного или нескольких фондов за определенный временной период.

На втором этапе мы изучали одновременно протокольную и сопутствующую ей документацию сельсоветов и колхозов в сравнении за 1931 г. С 1932 г. изучали протокольную документацию общих собраний крестьян в делах, которые хранятся в фондах колхозов. Это связано с тем, что, если в 1931 г. в единичных фондах, где хранится документация по

деятельности сельсоветов, мы еще находим дела с общими протоколами крестьян [4, л. 1-149], то с 1932 г. протоколы с общими собраниями крестьян в фондах, где хранится документация, связанная с деятельностью сельсоветов, в ГАВО отсутствуют. С этого времени крестьянские собрания с обсуждениями переходят в колхозные собрания. Как следствие, с 1932 г. их необходимо искать в официальной документации, которую вели колхозы [9, л. 1-33; 10, л. 91; 11, л. 1-52; 12, л. 1-114; 13, л. 1-36; 14, л. 1-24; 15, л. 1-31]. Этот же период 1931-1933 гг. характеризуется массовым вступлением крестьянства в колхозы на территории Северного края.

Список источников и литературы:

1. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 196. Оп. 1. Д. 23.
2. ГАВО. Ф. 196. Оп. 1 Д. 38.
3. ГАВО. 196. Оп. 1. Д. 39.
4. ГАВО. Ф. 196. Оп. 2 Д. 1.
5. ГАВО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2.
6. ГАВО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАВО Ф. 220. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАВО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 30.
9. ГАВО. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАВО. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 3
11. ГАВО. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 11.
12. ГАВО. Ф. 2732. Оп. 1 Д. 16.
13. ГАВО. Ф. 2732. Оп. 1 Д. 18.
14. ГАВО. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 28.
15. ГАВО. Ф. 2732. Оп. 1. Д. 29.
16. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2007.

Секция VI. Источники по исторической памяти.

B.B. Антоновская

*Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы*

Дискурсивные стратегии реабилитации национал-социализма по материалам выступлений Ульрихсбергского собрания ветеранов

(1986-2017 гг.)

Практически сразу после освобождения Австрии силами союзнической коалиции, на территории возрожденного государства стали возникать региональные ветеранские организации, изначальной целью которых было помочь ветеранам пережить травматичные события Второй мировой войны и найти свое место в начавшемся послевоенном переустройстве Австрии. Изначально подобные объединения бывших военных были под запретом военной администрации, поэтому все благотворительные фонды и организации помощи выжившим существовали кратковременно.

Однако после 1955 г., когда Вторая Австрийская Республика окончательно восстановила свою независимость, ветераны смогли развернуть свою деятельность без угрозы запрета. Это стало возможным не только благодаря событиям 1955 г., но и по ряду других факторов. Во-первых, в освобождённой Австрии не произошла полная политика денацификации, что позволило ультраправым создавать объединения и влиять на общественно-политический дискурс. Во-вторых, в австрийском обществе закреплялся нарратив о виктимности, согласно которому все австрийцы объявлялись жертвами войны, которых принуждали к совершению преступлений. Однако, ветераны не считали себя жертвами в том смысле, в котором считали гражданские. Они, с одной стороны, считали себя героями своего времени, а с другой – жертвами послевоенного правосудия, варварских действий союзников во время войны и произвола оккупационных властей.

Присутствующие на ветеранских мероприятиях в это время обращались к памяти своих погибших товарищей, утверждали их великую жертву, принесенную на алтарь Родины [2, с. 13]. В данный период в организации культивировался подвиг солдата-защитника. Подобные

памятные церемонии находили позитивный отклик у широкой общественности, рассматривающих поминование бывших военных в контексте «доктрины жертвы». Ветеранские мероприятия также поддерживались партийными деятелями, Бундесхеером и церковнослужителями.

Все изменилось после резонансных событий 1986 г., когда австрийскую и международную общественность потрясло «Дело Вальдхайма», федерального президента Австрии, которого обвиняли в нацистских военных преступлениях. Вальдхайм выбрал в качестве тактики оправдания прославление своего солдатского долга, ведь он «делал то же самое, что и сотни других австрийцев во время войны» [5, с. 158]. В связи с этим солдатские мемориалы предстали перед общественность совершенно в другом свете. Их рассматривали как знаки «ложной памяти», которые затмили истинную память о Второй мировой войне. Это, несомненно, отразилось на деятельности ветеранских объединений – если ранее ветераны не нуждались в защите своей точки зрения, то теперь им приходилось оправдывать свои убеждения. В данной статье нами будут рассмотрены дискурсивные стратегии реабилитации национал-социализма на примере выступлений членов Ульрихсбергского собрания ветеранов, которое является первой и до сих пор действующей организацией ветеранов в Каринтии.

В контексте пересмотра коллективной памяти периода национал-социализма и восстановления «белых пятен» истории, Ульрихсбергское собрание отстаивало свое видение того периода, как истинно верное. Так, в сентябре 1986 г., по случаю установления мемориальной таблички Имперской службе труда в Роще почета Ульрихсбергского собрания, профессор Дюллер произнес следующую короткую речь: «Никогда не было такого времени, когда бы история не нарушалась. В смысле того, что произошло на самом деле... Даже если какой-то современный историк пытится отрицать, что служба с лопатой понималась не как служба идеологии, а как служба народу» [2, с. 119]. Ветераны не отрицали свою службу в армии или иных нацистских организациях. Но, в сравнении австрийской общественностью, которая была готова встретиться лицом к лицу с неудобным прошлым и сделать шаг к его проработке, ветераны не

стремились пересматривать его с той позиции, с которой требовало общество.

Тем не менее, Ульрихсбергское собрание старалось легитимизировать свою ежегодную встречу в глазах общественности. Так, например, Ульрихсбергское собрание проспонсировало установку так называемого «Камня Европы» (*Europastein*) в 1994 г. Данный памятник, по мнению организатора собрания Н. Ренчера, должен был стать местом, «где люди молятся за мир и где бывшие солдаты дружески пожимают друг другу руки. Над этим мемориалом должен звучать клич наших погибших товарищей «Никакой больше войны!», который должен быть передан потомкам теми, кто остался в живых...» [2, с. 29]. В действительности же, подобная либеральная переориентация собрания фиксировалась только на бумаге – в уставе организации. Уже в продолжении своей речи по случаю установления мемориала, Н. Ренчер заявил, что «люди из всех европейских стран признали необходимость борьбы за Европу без коммунистов, многие из этих европейцев-добровольцев заплатили за свой дальновидный поступок своими жизнями» [2, с. 30]. Исключая из своей речи, как и из смысла мемориала, огромную группу пострадавших от войны лиц – советских солдат, Н. Ренчерставил под сомнение ту приверженность миру, на которую собрание стремилось обратить внимание. Более того, по заявлениям инсайдеров из Ульрихсбергского собрания, можно сделать вывод, что «Камень Европы» планировался как мемориальный объект, посвященный «старым товарищам» – бывшим добровольцам иностранных формирований войск СС.

Об огромном вкладе ветеранов, сражавшихся на стороне нацистской Германии, в свободу современной Европы, говорил также и Йорг Хайдер – известный австрийский политик праворадикального толка и многолетний лидер АПС. Хайдер выступал на Ульрихсбергском собрании дважды – в 1995 и 2000 гг. В своих речах, обращаясь к ветеранам Ваффен-СС, заявлял следующее: «Ваши жертвы не должны были быть напрасными! Без вашей смелости жертвовать собой сегодня в Западной Европе не было бы той свободы, которую многие уже считают само собой разумеющейся. Вы положили начало миру и свободе» [4]. Хайдер также отмечал, что «те, кто приезжает в Ульрихсберг, — это не старые нацисты. Они не неонацисты, они не преступники» [4]. Исследователи деятельности Йорга Хайдера, анализируя

его высказывания, не приходят к однозначному мнению, по какой причине он делал такие провокационные заявления: был ли это его образ, желание привлечь внимание к своей персоне и партии, или же он действительно верил в то, что говорил. Обращаясь к речам Й. Хайдера на Ульрихсбергском собрании ветеранов, отметим, что своими высказываниями он девальвирует роль преступника, приписывая солдатам вермахта и СС доблестную роль в установлении мира и свободы в Европе.

Выступающими на собрании также были предприняты попытки по-новому взглянуть на немецкую агрессию. Так, в 2000 г. Курт Майер, председатель Ассоциации товарищей корпуса Штайнера, выступая перед ветеранами, заявил следующее: «Без наших солдат Ваффен-СС сегодня не было бы свободной Европы. Нас бы захлестнул коммунизм-большевизм. Признаемся, что у нашего тогдашнего правительства хватило мужества отдать приказ о наступлении в 1941 году. Это не было безрассудством. Это было последнее спасение Европы» [2, с. 34]. Стоит отметить, что ранее подобные темы на собрании не поднимались. Они стали продуктом нового времени, в котором ветеранам приходилось отстаивать свои позиции.

Следует отметить, что в дальнейшем задокументированных речей с собрания становится меньше, так как Ульрихсбергское сообщество лишилось финансовой поддержки и участия армии в 2009 г., вследствие чего не могло организовывать масштабные церемонии. Тем не менее, на собрании все так же появлялись австрийские политические деятели. Так, в 2010 г. на Ульрихсбергской встрече выступил Стефан Таушиц, бывший председатель АНП (2007-2012), который в своей речи призвал «не судить мертвых и оставить это Богу» [4]. Таушиц буквально предлагал австрийской общественности закрыть глаза на военные преступления тех, кто продолжает ежегодно собираться на Ульрихсбергском холме, и воздержаться от громких заявлений в сторону ветеранов, которые делали то, что были должны.

Ульрихсбергскую встречу в 2012 г. посетил бывший член Ваффен-СС Герберт Бельшан фон Мильденбург. В своей речи, фон Мильденбург озвучил идеи, которые наглядно демонстрируют ревизионистский характер восприятия ВМВ членами собрания. Так, на встрече констатировалось, что солдаты СС выполняли свой долг, а аудитории был задан провокационный вопрос от фон Мильденбурга: «Назовите хоть одно преступление,

совершенное Ваффен-СС?» [4], ответа на который, разумеется, не последовало.

Для нашего исследования также интерес представляет речь Мартина Раттера – общественного деятеля правопопулистского толка, выступающего против миграционной политики действующего правительства. В своем выступлении перед ветеранами Второй мировой войны и сочувствующими в 2017 г., он назвал солдат героями, благодаря силе, воле и крови которых стала возможна дальнейшая жизнь людей, ведь «иначе мы бы тут не стояли» [3]. В продолжении, М. Раттер также отметил, что в настоящий момент происходит атака на «право народа на самоопределение» со стороны мигрантов, которые размывают единый народ с общей историей, языком, культурой и территорией; и если раньше такого не было, то в настоящее время политики способствуют тому, чтобы «это право было втоптано в грязь» [3]. Гости собрания встретили выступление М. Раттера с большим энтузиазмом.

Проведя анализ представленных в данном исследовании речей, мы выделили пять смысловых категорий, на которых делался основной акцент выступающих: солдат – жертва, солдат – герой, солдат – не преступник, солдат – поборник мира, ветераны – хранители истинной истории. Данные лейтмотивы в выступлениях не являются четко разграниченными и часто дополняют друг друга, отталкиваясь от контекста ситуации, в которой была произнесена речь. Все эти «архетипы» призваны были легитимировать не только деятельность ветеранов в настоящем времени, но и реабилитировать их прошлое. Выступающие в своих речах апеллировали к системе ценностей, которая была утрачена в современном обществе, а также занимались мифотворчеством – легитимацией с использованием переформулированных исторических нарративов. Спикеры собрания стремились реабилитировать действия австрийской армии и интерпретировать их в контексте оборонительной войны за родину; утвердить позитивное видение «подвига» ветеранов в коллективной памяти и их заслуги в установлении свободы и мира. Выступающие не обращались к национал-социалистической идеологии как к таковой, избегая прямого включения своих действий в ее систему. Они делали акцент на людях, которым приходилось существовать в строго заданных рамках того общества. Тем не менее, заложниками ситуации они

себя не считали, а в совокупности с высказываниями о мужественной борьбе с коммунистической экспансией и другими озвученными тезисами, национал-социализм может восприниматься, по меньшей мере, как «необходимое зло», к которому стоило примкнуть во благо защиты народов Европы. Таким образом, из-за циркуляции подобных идей героизация нацизма не была преодолена полностью.

Список источников и литературы:

1. Haider, J. Wofür ich mich meinetwegen entschuldige. Haider, beim Wort genommen., Wien.: Czernin Verlag., 2000.
2. Rencher, N. Ulrichsberg Dokumentation, Klagenfurt: Satz-und-Druck Team., 1999.
3. Rutter, M. Ulrichsbergtreffen 2017: Abwehrkampf gegen Migration und Migrationslüge (Rede) [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=pZ8LPKIVRDE&t=3s> (29.04.2024)
4. Sulzbacher, M. Das rechtsextreme Ulrichsbergtreffen: Kultstätte einer «verbrecherischen Organisation» [Электронный ресурс] URL: <https://www.derstandard.at/story/2000133156962/das-rechtsextreme-ulrichsbergtreffen-kultstaette-einer-verbrecherischen-organisation> (30.04.2024)
5. Waldheim K. In the eye of the storm. A Memoir. London: Weidenfeld and Nicolson, 1985.

А.М. Арония
Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова

Почтовые марки как источник исторической памяти о движении за гражданские права в США

Сохранение памяти о движении за гражданские права, и в целом, о протесте афроамериканцев является значимой частью современной политики памяти США. Так, важным коммеморативным мероприятием стал «Месяц афроамериканской истории» (ориг. Black History Month), который ежегодно

проводится с 1976 г [3]. Память об афроамериканском движении сохраняется и другими путями – через тематические уроки и курсы в школах и университетах, выставки в музеях и библиотеках, образовательные и общественные мероприятия, кино и музыку. Специфическим источником исторической памяти о движении за гражданские права являются почтовые марки, в связи с этим представляется актуальным проанализировать какие события и лица протеста нашли свое отражение в марках, а также каким образом они влияют на сохранение памяти об афроамериканской истории.

В первую очередь обратимся к понятиям «историческая память» и «источник исторической памяти». Важно отметить, что не существует единого подхода к определению понятия «историческая память», в некоторых исследованиях оно отождествляется с коллективной и социальной памятью. С точки зрения Л.П. Репиной: «Историческая память» понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом — как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [1]. Важной чертой исторической памяти является ее субъективный характер. Источник исторической памяти можно определить как объект (материальный или нематериальный), генерирующий историческую память.

Почтовые марки представляют собой как исторический источник, так и источник исторической памяти. В качестве исторического источника марки обладают следующими характерными особенностями:

1. Марки являются визуальным историческим источником;
2. Изображения, отпечатанные на марках, могут содержать визуальные образы-символы страны, эпохи, культуры, исторических деятелей;
3. Большую роль в сохранении марок играют музеи, а также коллекционеры.

Для характеристики почтовых марок как источника исторической памяти помимо визуального образа, необходимо анализировать и такие параметры как: были ли эти марки в обращении, и есть ли к ним в настоящее время доступ широкой общественности, например, экспонируются ли они музеями.

С 1940 по 2023 г. в США вышло 196 марок, посвященных афроамериканскому протесту [2]. Визуальные сюжеты почти всех марок делятся на два типа: марки, посвященные значимым личностям и марки, посвященные значимым событиям. Также выделяются отдельные серии марок, перечислим самые крупные из них:

1. «Черное наследие» (ориг. Black Heritage) – состоит из 46 марок, выпускалась с 1978 по 2023 г., посвящена выдающимся личностям;
2. «Легенды американской музыки» (ориг. Legends of American Music) – состоит из 33 марок, выпускалась с 1993 по 1998 г., посвящена музыкантам-афроамериканцам;
3. «Вместе к лучшему сотрудничеству» (ориг. To Form a More Perfect Union) – состоит из 10 марок, выпускалась в 2005 г., посвящена значимым событиям афроамериканского протеста.

Существуют и менее крупные серии марок, например, «Винтажное черное кино» (ориг. Vintage Black Cinema), «Легенды бейсбола» (ориг. Legends of Baseball), «Пионеры гражданских прав» (ориг. Civil Rights Pioneers).

В рамках характеристики почтовых марок в качестве источника исторической памяти, представляется целесообразным проанализировать, какие сюжеты (портреты личностей и события) на них печатались.

Почтовые марки, посвященные значимым афроамериканским деятелям, отличаются огромным разнообразием и широтой охвата сфер общественной жизни, так помимо активистов движения за гражданские права, его идеологов, правозащитников, есть марки с портретами поэтов и писателей, музыкантов, спортсменов, пилотов, военных, ученых, журналистов. В рамках данного исследования остановимся на марках, непосредственно связанных с движением за гражданские права.

Обратимся к лидерам и активистам протesta. Марки с изображением Мартина Лютера Кинга выходили дважды: в 1979 г. – именная марка из серии «Черное наследие», и в 1999 г. – марка, посвященная речи «У меня есть мечта» из серии «Празднование эпохи 1960-х» (ориг. Celebrate the Century-1960s:). Отметим, что Мартин Лютер Кинг, единственный лидер афроамериканского протеста, чей портрет встречается дважды. Приведем некоторых активистов, чьи портреты также встречаются на марках:

- Уитни Мур Янг – 1981 г., именная марка из серии «Черное наследие»;
- Филипп Рэндолльф – 1989 г., именная марка из серии «Черное наследие»;
- Малcolm X – 1999 г., именная марка из серии «Черное наследие»;
- Рой Уилкинс – 2001 г., именная марка из серии «Черное наследие»;
- Тергуд Маршалл – 2003 г., именная марка из серии «Черное наследие»;
- Анна Джуллия Купер – 2009 г., именная марка из серии «Черное наследие».

Большинство марок, посвященных значимым событиям, было выпущено в 2005 г., в серии «Вместе к лучшему сотрудничеству» (ориг. To Form a More Perfect Union), среди которых:

- Бойкот автобусных линий в Монтгомери (1955 г.);
- Марш на Вашингтон (1963 г.);
- Принятие Акта о Гражданских правах (1965 г.);
- Марши от Сельмы до Монтгомери (1965 г.);
- Принятие закона об избирательном праве (1965 г.).

Таким образом, мы видим, что в почтовых марках происходит презентация самых разных аспектов движения за гражданские права, но для характеристики марок в качестве источника исторической памяти, необходимо проанализировать каким образом они влияют на формирование и сохранение памяти об этих событиях.

В первую очередь, марки использовались по прямому назначению, были в обращении, а за счет большого тиража к ним имела доступ широкая аудитория, так тираж серии «Вместе к лучшему сотрудничеству» (ориг. To Form a More Perfect Union) составлял 50 миллионов экземпляров [4]. О том, что марки имели хождение, свидетельствуют сохранившиеся конверты. Также большую роль в сохранении марок и предоставлении к ним доступа для публики играет Национальный почтовый музей Смитсоновского института (ориг. The Smithsonian's National Postal Museum), именно там хранится коллекция марок, посвященная афроамериканской истории. В музее также проводились тематические выставки, например в 2015-2016 гг. работала выставка «Свобода не за горами: Черная Америка от гражданской войны к гражданским правам» (ориг. Freedom Just Around the Corner: Black

America From Civil War to Civil Rights). Кроме того, на сайте музея есть постоянная электронная выставка марок, посвященных афроамериканской истории, где все марки представлены в систематизированном виде, с кратким описанием деятелей и событий на них изображенных.

Таким образом, почтовые марки являются ценным источником исторической памяти о движении за гражданские права в США. Визуальное наполнение марок, отражает значимые события афроамериканского протеста, а также его лидеров и активистов, что способствует формированию и сохранению памяти о Движении. За счет больших тиражей и обороту, к маркам есть доступ у широких групп населения, кроме того, распространению марок способствуют музеи, а также различные интернет-площадки.

Список источников и литературы:

1. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) [Электронный ресурс] URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/t4i3bktcnj/direct/77944920.pdf> (15.05.2024)
2. African American Subjects on United States Postage Stamps [Electronic resource] URL: <https://about.usps.com/who/profile/history/african-american-stamp-subjects.htm> (15.05.2024)
3. Black History Month: A Commemorative Observances Legal Research Guide// Library of Congress [Electronic resource] URL: <https://guides.loc.gov/black-history-month-legal-resources/history-and-overview> (15.05.2024)
4. To Form a More Perfect Union [Electronic resource] URL: <https://postalmuseum.si.edu/exhibition/the-black-experience-the-fight-for-civil-rights/to-form-a-more-perfect-union> (15.05.2024)

Д.А. Безродный
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет

Образ викингов в исторической памяти ирландцев XII—XVII вв.

В период с VIII по XI вв. Ирландию постигла участь большинства европейских стран того времени — ее земли стали подвергаться активным набегам викингов. Деяния скандинавских конунгов и их дружин прочно вошли в историческую память ирландцев, как яркий пример агрессивного захвата и разорения земель, которые ирландская земля претерпевала от чужеземцев с Севера на протяжении четырех веков. Трагические события эпохи викингов нашли свое отражение в созданных ирландцами нарративных источниках — хрониках, исследование которых позволить понять, в каком образе скандинавы вошли в историческую память ирландцев. В исследовании используется несколько хроник — это «Анналы Четырех Мастеров», «Хроника Скотов» и «Война Ирландцев с Чужеземцами».

«Анналы четырех мастеров» (далее — «АЧМ») [3] были созданы учеными монахами францисканского ордена: Майклом О'Клери, Маурисом О'Малконари, Фергусом О'Малконари и Конари О'Клери, которые с 22 января 1632 по 10 августа 1636 г., находясь во Францисканском монастыре недалеко от г. Донегол, проводили работу по компиляции ирландских хроник, таких как: «Ульстерские Анналы» [10], «Фрагментарные Анналы» [6], «Анналы острова Всех святых» [9] и др. Ограниченнность таких источников нивелируется их компиляцией на страницах одного текста, что дает цельную хронику истории Ирландии. «Хроника Скотов» (далее — «ХС») [5] была составлена примерно в 1120—1124 гг. и во многом совпадает с «Анналами Четырех Мастеров», различаясь только в датировках, так как, по мнению ученых, они основаны на общем, не дошедшем до наших дней, круге источников [5, pp. XXXVI—XXXVIII]. «Хроника Скотов» очень важна для исследования, так как в связке с «Анналами Четырех Мастеров» позволяет точнее прояснить аспекты образа скандинавов, представленного в хрониках. «Война Ирландцев с Чужеземцами» (далее — «ВИСЧ») [11] —

апологетический трактат XII в., восхваляющий победу Брайана Бору¹ над викингами. Это сочинение было создано примерно в 1100—1119 гг. и предназначалось для прославления Брайана Бору и его правнука — действующего Верховного короля Ирландии Муихертаха Уа Брайана [7]. Этот текст особенно ценен тем, что во многом именно рассказ о Клонтарфской битве 1014 г. создал образ викингов для массовой Ирландской культуры.

Первой составляющей созданного образа викингов являются эпизоды, когда они получали наказание от Небесных сил. Например, неназванный сын конунга Рагналла, который в 940 (941) г. после разорения святилища св. Патрика получил кару от Бога и св. Патрика — это была атака со стороны шотландских викингов, а потом и скорая смерть от короля Уладов, Мадудхана [3, р. 647; 5, р. 205]; истребление 3060 данов [3, р. 721] (цифра явно преувеличена и не подтверждается другими источниками), разграбивших в 986 г. монастырь св. Колумбы² на о. Айона: «три тысячи шестьдесят из них были убиты благодаря чудесам Бога и св. Колумбы» [3, р. 721].

Божья кара для вышеупомянутых персонажей появилась на страницах хроник исходя из продвигаемого их составителями процерковного нарратива, в котором скандинавы являлись не просто губителями каких-то отдельных групп жителей ирландских областей, а прямыми обидчиками Церкви и всех святых покровителей Ирландии, вместе с Самим Богом. Но, если учесть время составления «ХС», «ВИСЧ» и «АЧМ» (XII—XVII века), то открывается новый смысловой подтекст. Ведь период составления источников — это время, когда Ирландия была вновь оккупирована в XII веке англо-норманнами, а затем, в XVI—XVII веках династиями Тюдоров и Стюартов, ущемлявших Кельтскую Церковь, Гэльский язык и этническую самобытность ирландцев [2, р. 26—122].

Такие примеры из истории служили для пропагандистской цели, демонстрируя ирландцам, что, даже если их правители не могут защитить

¹ Брайан Бору (926[?]-1014) — Верховный Король Ирландии (1002—1014), чье войско победило викингов в решающей битве у Клонтарфа в 1014 г. [8, р. 45; 1, С. 203].

² Св. Колумба — монах, приверженец жесткого аскетизма. Один из самых просвещенных монахов VI века. Основатель монастыря на о. Айона, просветитель Шотландии и Северной Ирландии. Наравне со Св. Патриком и Св. Бриgidой входит в тройку главных Святых покровителей Ирландии [8, pp. 98—100].

страну, то Святые заступники, всегда оберегавшие Ирландию от чужеземцев, обязательно помогут и в этот раз справиться с очередной оккупацией.

Второй составляющей образа викингов, является закрепление их облика, как серьезных, жестоких противников, не обделенных военной хитрость. О последней, например, говорит то, что конунги выстраивали засады на своих противников. Например, в 954 (955) Олаф Годфриссон, получил информацию о местонахождении войск Конгалаха, Верховного Короля Ирландии, и «устроил засаду на Конгалаха возле Тигх-Гигхрайнн», полностью уничтожив войско вместе с самим королем [3, р. 673; 5, р. 213].

Яркую характеристику скандинавских дружинников дает «ВИСЧ»: «свирые в гневе, безжалостные языческие люди <...> все без различия страдали от них» [11, р. 43]. Хронисты, в целях пропаганды победы Брайана Бору, создают образ жестокого врага, который, к тому же, отлично воюет и хорошо вооружен. Данный образ дополняет описание битвы у Тары 980 г. где содержится много информации об экипировке и оружии викингов XI в.: «их отполированные, широкие, трехслойные, тяжелые, надежные, сверкающие доспехи; и их жесткие крепкие, геройские мечи; и их хорошо заклепанные длинные копья» [11, р. 53]; и битвы у Клонтарфа 1014 г.: «опасные, отравленные стрелы, помазанные и окрашенные в кровь драконов и жаб, и водяных змей ада, и скорпионов, и выдр, и чудесных ядовитых змей всех видов <...> и отполированные, сияющие желтым (золотом — Д. Б.) луки; и крепкие, широкие, зеленые, острые, шершавые, темные копья <...> тяжелые, прочные, доспехи из стали двойной закалки и из ледяной, нержавеющей латуни для защиты их тел» [11, р. 159]. Как видно из вышеуказанных отрывков, хронист намеренно гиперболизирует образ викингов, наделяя их арсенал мифологическими стрелами, с «адским» ядом и описывает великолепного качества доспехи. Все это сделано для закрепления в исторической памяти современников величия Брайана Бору и ирландцев, сломивших столь сверхмощные войска чужеземцев.

Данный образ контрастирует с некоторыми фактами о конунгах X в. Среди многочисленных упоминаний о разорении церквей и монастырей, есть несколько важных записей, таких как: «Год 919 <...> Годфри, внук Инвара, вернул себе власть в Дублине; и Арма <...> разорена им <...> но он пощадил оратории с кульдайцами и дома немощных» [3, р. 605] и «Олаф Ситрикссон,

Король чужеземцев Дублина, отправился в монастырь св. Колумбы паломником и умер после молитвы и покаяния» [5, р. 227]. Эти отрывки показывают, что уже в X веке викинги, в лице отдельных персонажей конунгов, могли воспринимать отдельные части христианства, пусть и в искаженном виде. Так, Годфри, пощадивший в 919 г. церкви Армы [3, р. 605; 5, р. 193], спустя время, в 927 г. разорил монастырь Килдейр [3, р. 623], но небольшой сдвиг в мышлении конунгов уже был сделан, и через 60 лет, Олаф, после поражения от ирландцев в битве у Тары 980 г., отправился в монастырь св. Колумбы замаливать свои грехи [3, р. 705; 5, р. 225].

За несколько веков после окончания эры скандинавской экспансии в Ирландию в местных хрониках сформировался образ, основанный на легендах и древних анналах, в которых викинги предстают как безжалостные губители Ирландии. Для составителей анналов они стали идеальным примером пришлых захватчиков, эпизоды борьбы с которыми накладывались на контекст событий времени написания источников, взывая к исторической памяти ирландцев, которым вновь нужна была вера в то, что они смогут дать отпор новым захватчикам своих земель.

Список источников и литературы:

1. Бондаренко Г. В. Бриан Бору // БРЭ. Т 4. М., 2006. С. 203.
2. Гольман Л.И. История Ирландии. М.: Мысль, 1980. 390 с.
3. Annals of the Kingdom of Ireland by the Four Masters (a translator John O`Donovan). Volume I. Dublin: 1856. P. 407—785.
4. Celtic Culture. A Historical Encyclopedia. Volum I. Santa-Barbara. ABC-CLIO, 2006. — 2128 p.
5. Chronicum Scotorum. A history of Irish affairs (a translator William M. Hennesy). London, 1866. — 419 p.
6. Fragmentary Annals of Ireland // CELT: Corpus of Electronic Texts: a project of University College. Cork, 2008.
7. Ní Mhaonaigh M. Cogad Gáedel re Gallaib and the Annals: a comparison // Ériu. Vol. 47. Dublin: 1996. pp. 101—126.
8. Medieval Ireland an encyclopedia. N-Y., London: Routledge. 2005. — 546 p.

9. O'Muraíle N. "Annals of [all] Saints' Island on Lough Ree" // Encyclopedia of the Medieval Chronicle. Vol. I. Leiden, Boston: Koninklijke Brill, 2010. pp. 53—54.
10. The Annals of Ulster // CELT: Corpus of Electronic Texts: a project of University College. Cork, 2020.
11. The War of The Gaedhil With The Gall (a translator James Henthorn Todd). London, 1867. 343 p.

C. A. Ивашева

Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина

Источники по истории национально-культурных автономий (на примере Белорусской НКА г. Сыктывкара)

В условиях, где народ проникает в чужую культуру, может произойти ассимиляция – потеря одной частью социума своих отличительных черт и их замена приобретёнными у другой части. Поэтому, чтобы не возникало таких проблем, в Российской Федерации в 1996 г. были образованы национально-культурные автономии [8].

«Национально-культурные автономии – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений» [8].

Так как в качестве примера была взята «Белорусская национально-культурная автономия» г. Сыктывкара, то стоит сказать несколько слов об истории появления этой общественной организации.

Всё началось с 1930-х гг., когда в Республику Коми начали прибывать белорусы – спецпереселенцы в годы сталинских репрессий. Кроме этого много белорусов приезжало для участия в освоении новых месторождений, добычей угля, поэтому они органично влились в хозяйственную деятельность

региона. В 1996 г. уже начинал подниматься вопрос о создании белорусской общественной организации. В итоге 5 апреля 1997 г. была создана «Белорусская национально-культурная автономия» на собрании белорусов, организованном по инициативе Аркадия Степановича Крупенько – первого председателя автономии [7, с. 51].

Несмотря на то, что Белорусская НКА существует в РК более четверти века, нет обобщающей аналитической публикации о становлении и деятельности этой организации. Между тем, представляется важным изучить опыт работы национально-культурной автономии по решению вопросов сохранения самобытности, развития языка, национальной культуры, а также выявить форматы работы по укреплению единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений. Существует несколько работ, опубликованных членами автономии, эпизодически отражающих деятельность организации. Например, «След на северной земле» [7], «Беларусь - наша Родина, а Север стал любовью...» [2].

Вместе с тем существует широкий круг репрезентативных источников, позволяющих рассмотреть поставленные вопросы.

Существование НКА закреплено федеральным законом « О национально-культурной автономии», в котором определены роль и задачи НКА.

Деятельность НКА базируется на других законодательных актах РФ. В частности, один из последних – закон «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» [11].

Что касается сохранения национального содержания в культуре белорусов – то перечень задач содержится в Уставе БНКА – источнике законодательно-нормативного характера [5]. Реализация же данных задач отражена в делопроизводственных материалах автономии. Годовые планы содержат перечень большого количества мероприятий по сохранению национальных традиций: мероприятия, приуроченные национальным праздникам - День независимости Белоруссии 3 июля, и, «Дожинки» - праздник урожая, а также участие в международных фестивалях [10]. В годовых отчетах БНКА подводятся итоги проведения данных мероприятий.

Судя по отчетам, наиболее эффективными считаются участия в международных фестивалях, где среди участников много молодежи. Участие

в международных мероприятиях повышает статус национально-культурной автономии, растёт популярность данной организации. Анализ годовых планов и отчетов НКА позволяет утверждать, что большую роль в сохранении национальной песенной культуры белорусов играет хор «Купалинка», который участвует в проведении праздников как республиканского, так и международного уровня.

Наиболее важные события из жизни автономии отражены на страницах периодической печати. Так, например, в журнале «Лица. Республика Коми» опубликовано интервью с Аркадием Степановичем Крупенько про Всебелорусское народное собрание [6, с. 72-73], где присутствовало 2400 делегатов со всего мира, были выбраны 5 регионов России – Республика Коми также вошла в этот список. В журнале «Республика» была выпущена статья, посвящённая 20-летнему юбилею создания национально-культурной автономии. На мероприятии в качестве одного из приглашённых гостей был председатель федеральной национально-культурной автономии белорусов Сергей Львович Кандыбович. Публикация наряду с другими материалами подтверждает наличие тесного взаимодействия автономии с Белоруссией и с региональными властями. В 2023 г. на страницах международного журнала «BELARUS» после «Фестиваля искусств» в Республике Беларусь было опубликовано интервью с заместителем председателя НКА Анной Федоренко [3, с. 98-102], где она рассказала о своем творчестве – валянии из шерсти, которое является традиционным для белорусов. Федоренко заметила, что технику валяния она переняла от своего дедушки, и на занятиях в Этношколе обучает такой технике и учащихся.

Расширить представления о 25-летней деятельности автономии помогают источники дипломатического характера - двусторонние договоры между автономией и организациями Республики Беларусь. Так, например, договор о сотрудничестве Белорусской НКА между Витебским музеем принёс такой проект как Выставка художницы Алевтины Стручковой «Песня, стихотворение, картина» [4]. В договорах фиксируется осуществление совместных культурных проектов, помощь со стороны Республики Беларусь, которая выражается в предоставлении национальных костюмов для хора и др.

Работа по укреплению единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений связана, прежде всего, с конструктивным диалогом НКА с органами исполнительной власти РК, что также отражено в документальных источниках. В республике созданы все условия для результативной деятельности национально-культурных автономий. БНКА располагается в Доме Дружбы народов РК в центре столицы – города Сыктывкара. Ещё в 2000 г. вышло Распоряжение Главы Республики Коми о реализации государственной национальной политики Республики Коми [9]. Эта программа была рассчитана на 3 года, с 2000 по 2003 гг. В 2000 г. проходила конференция, где Министерство финансов выделило 28 700 руб. на организацию Конференции НКА «Беларусь» в Республике Коми.

Вместе с тем, анализ доступных материалов позволяет заметить, что в первое десятилетие своего существования в мероприятиях НКА представители органов региональной власти участвовали чаще, практически в каждом мероприятии.

Планы последних лет свидетельствуют о том, что организаторами и участниками событий НКА являются лишь члены автономии. Вероятно, в организации наработан опыт самостоятельного ведения дел.

При решении задач укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений важную роль играет символическая политика. Она является важным инструментом обеспечения информационно-коммуникативного взаимодействия между властью и обществом.

Важным методом изучения символической политики в динамике является метод наблюдения и контент-анализ, который можно применить для изучения рекламных материалов БНКА. Если рассмотреть рекламные афиши, например, программы мастер-классов, афиши на концерт хора «Купалинка» [1], то можно заметить, что там изображён орнамент только белорусской культуры, и, почему-то ни на какой из афиш не удалось заметить символов, относящихся к территории коми, либо же элемента русской культуры. Если бы концерты хора организовывали республиканские учреждения, то такие афиши можно было бы интерпретировать как элементы культурно-символической политики региональной власти, поддерживающих развитие национальных культур народов Республики Коми. Возможно, не самый

удачный пример с национальным хором «Купалинка», но что касается символики, использованной при оформлении кабинетов культурно-просветительской деятельности на базе Дома Дружбы, где официально размещается БНКА – она вполне «работает» на «укрепление единства российской нации»: на стене висят 2 портрета президентов Российской Федерации и Республики Беларусь и флаги обоих государств. Представляется, что символика географического сегмента, где существует НКА (Республики Коми) в оформлении кабинета не была бы лишней.

Одним из важнейших источников, позволяющим исследовать динамику настроений и социально-психологического климата в коллективе, являются источники личного происхождения.

Дискурсивный анализ текстов воспоминаний членов автономии позволяет говорить о позитивном настроении членов данного сообщества, о росте мотивации в участии в принятии и осуществлении решений НКА, о стремлении к созидательному совместному труду, об озабоченности проблемой вовлечения молодёжи в деятельность общественной организации.

Исследуя результаты деятельности БНКА, следует провести анализ протоколов Отчётно-выборных конференций национально-культурной автономии «Беларусь» Республики Коми как материалов делопроизводства. Особое внимание мы обратили на раздел «Выступления в прениях». Он показывает, что национально-культурная автономия белорусов проделала плодотворную работу в решении тех задач, которые зафиксированы в Федеральном законе от 17 июня 1996 г «О национально-культурной автономии» [8]. Из негативных моментов отмечено слабое взаимодействие НКА со СМИ. Однако, важнейшим направлением, которому посвящена основная деятельность БНКА, стало сохранение в самом широком смысле национальной культуры народа, который волею судьбы оказался вдали от исторической родины.

Комплексное использование выявленных источников позволяет представить полную картину развития БНКА в Республике Коми, выявить основные направления национальной политики и форматы работы государственных структур с НКА, показать возникающие проблемы и способы их решения и тиражировать позитивный опыт общественных организаций.

Список источников и литературы:

1. Афиша о концерте хора «Купалинка». 2023 год. // Текущий архив Белорусской национально-культурной автономии. Д. 01-09. 2023 г.
2. Бабошин В.В., Крупенько А.С., Курочкин М.И. Беларусь – наша Родина, а Север стал любовью. Сыктывкар: «Вымский мост», 2017. 78 с.
3. Дзядзюля А. Люблю наш край, старонку гэту...// BELARUS. Минск. 2023. №10(1081). С. 99-102.
4. Договор о сотрудничестве «Белорусской национально-культурной автономией» с Витебским областным краеведческим музеем от 4 апреля 2023 г. // Текущий архив Белорусской национально-культурной автономии. Д. 01-04. 2023 г.
5. Копия Устава Белорусской НКА в Республике Коми // Федеральная национально-культурная автономия белорусов России Текущий архив Белорусской национально-культурной автономии. Д. 01-01. 2019 г.
6. Крупенько А. С. Белорусская национально-культурная автономия / Аркадий Крупенько; беседовал Игорь Соколов // Лица. Республика Коми. Сыктывкар. 2006. №2 (6). С. 72-73. (11.09.2023)
7. Курочкин М. И. В поиске талантов / След на северной земле. Сыктывкар. НКА «Беларусь» в РК. 2006. С. 333-340. (16.10.2023)
8. О национально-культурной автономии: фед. зак. от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (10.11.2023)
9. О реализации государственной национальной политики Республики Коми: Указ Главы Республики Коми от 06 марта 2000 г. №101. URL: [ЗАКОН Республики Коми от 09](#) (10.11.2023)
- 10.План работы Белорусской национально-культурной автономии в Республике Коми на 2011 год // Текущий архив Белорусской национально-культурной автономии. Д. 01-01. 2011 г.
- 11.Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы) от 20 августа 2013 г. Кодекс // Фед. целевая программа URL: <https://docs.cntd.ru/document/499040473> (03.02.2024)

A. P. Орлов

*Северный (Арктический)
федеральный университет
имени М.В. Ломоносова*

Русский Север как фронтир: взгляд А. П. Энгельгардта

В наше время понятие «Русский Север» активно используется в науке, однако единого понимания его сущности нет [8, С. 730]. Оно применяется по отношению к различным территориям, историческим периодам и описывает различные характеристики Европейского Севера России. Учитывая это большой интерес представляет реконструкция образа Русского Севера, созданного архангельским губернатором А. П. Энгельгардтом в своих очерках о путешествии по территории Архангельской губернии, написанных в конце XIX в. Внимание к этой работе объясняется тем, что на данный момент считается, что именно в ней было впервые использовано понятие «Русский Север» [6, с. 29]. Для анализа данной работы мы опираемся на фронтируюю теорию, объясняя выбор тем, что территория Европейского Севера России обладает характерными для фронтира чертами – природно-географическая, geopolитическая и культурная удалённостью от центра [4, С. 41-42]. Выбор данной теории также объясняется существующими прецедентами изучения с помощью неё территории Русского Севера [1].

В исторической науке понятие «фронтир» появилось благодаря Ф. Дж. Тёрнеру как «место контакта дикости и цивилизации» [7, с. 14], способствовавшее появлению и развитию демократических институтов в США. С начала 1990-х гг. фронтируя теория используется российскими историками, что объясняется некоторыми факторами: попыткой отойти от советской методологии, расширением предметного поля науки, знакомством российских историков с работами западных специалистов, написанных в рамках фронтирующей теории [11, с. 69]. Однако в российской историографии понятие «фронтир» трансформировалось – российские историки рассматривают фронтир не в качестве «двигателя прогресса» и «пространства перманентного конфликта», а как «зону коммуникации и взаимодополняющего <...> взаимодействия между обществами с различной

спецификой» [5, с. 96]. Рассматривая фронтир в данной работе, мы будем использовать критерии фронтира, выделенные И. П. Басалаевой [2], так как в своей работе автор уделял внимание чертам фронтира, которые возможно выявить с помощью анализа текста исторических источников.

Природная исключительность территории – один из характерных признаков фронтира. Одним из способов демонстрации природной исключительности региона является описание сложного ландшафта местности, который представляет, в том числе, и «естественными рубежи», обозначающие его границы в отсутствии чётких внешних и внутренних границ [2, с. 48]. Описывая местность Архангельской губернии, А. П. Энгельгардт обращал внимание на «нагромождённые в беспорядке дикие утёсы, шумные ручьи, каскадами падающие в расщелины скал» [9, с. 128], «ледяные и снежные скалы» [9, с. 159] и порожистые реки, которые играют роль дорог, так как в ряде районов Русского Севера «колёсных дорог вовсе нет» [9, с. 35]. Реки в губернии являлись и способом обозначения внутренних границ – часто губернатор строил своё повествования, описывая местность от одной реки к другой. Такой способ районирования губернии использовался и известными географами Российской империи – К. И. Арсеньевым, П. П. Семёновым Тян-Шанским, а также нашёл отражение в Географическо-статистическом словаре Российской Империи [3, с. 137]. Отдельное внимание губернатор уделял «символическим границам» – он подробно описывал гурии, пирамиды из камней, служившие «маяками для определения той или иной местности» [9, с. 182], и Печенгский монастырь, который, в отсутствие официальной границы на Кольском полуострове, «укреплял далёкую окраину за Россией и в православии» [9, с. 88].

Ф. Дж. Тёрнер писал, что фронтир «отражает экспансионистскую энергию народа» [7, с. 52] и связан с военными действиями. В современной науке «военные действия» воспринимаются метафорически – В. И. Мильчев отмечает, что «военными действиями» может считаться и борьба с окружающей средой, которая преобразует «фронтирного человека» [3, с. 84]. Ему, по мнению Ф. Дж. Тёрнера, свойственны грубость, сила, проницательность и изобретательность, упорство [7, с. 39]. Схожим образом и А. П. Энгельгардт воспринимал поморов Русского Севера, отмечая, что они являются потомками новгородцев, которым передались «дух

предприимчивости, необузданности и смелости» последних [9, 41 с.], а также поморы «сжились с морем и опасностями» из-за чего они не боятся суровой погоды [9, с. 187]. В качестве примеров смелости и предприимчивости поморов он писал о двух местных жителей, которых он не смог отговорить от участия в «безумной» экспедиции к северному полюсу [9, с. 43] и крестьянине Антуфьеве, который отказался возвращаться из-за шторма в порт, ведь за доставку груза на своём корабле он «взял деньги не малые» [9, с. 144]. Условия жизни на фронтире приводят и к гендерной трансгрессии женщин фронтира, а именно к изменению их гендерных поведенческих стереотипов [10, с. 323]. Удивление А. П. Энгельгардта вызывали женщины Русского Севера, которые в отсутствии мужчин были рулевыми и гребцами на лодках [9, с. 30] или десятскими [9, с. 210]. Экспансионистский характер фронтира выражается и в разделении этнических групп, населяющих его, на «культуртрегерские» и «примитивные», между которыми происходит символическая борьба, заканчивающаяся ассимиляцией «примитивных» [2, с. 47]. В описаниях нерусского населения региона угадывается «культуртрегерская» позиция автора – для карелов характерна «неразвитость» [9, с. 37], поедание ненцами оленя носило «дикий и отвратительный вид» [9, с. 181], зыряне отличались «ленистю и косностью» [9, с. 224]. Однако такой порядок вещей временен – губернатор писал, что нерусские народы подвергаются ассимиляции, которая спасает «менее культурное племя от вымирания» [9, с. 231].

Удалённость фронтира от центра влияет и на систему управления территориями, что позволяет говорить о «рыхлости административно-управленческой структуры» фронтира [2, с. 48]. Она может выражаться в разных формах – сосредоточенность общественной и политической жизни лишь в городах фронтира, произвол местных властей, высокий уровень преступности и других явлениях. Несмотря на принадлежность А. П. Энгельгардта к административному аппарату губернии, в своих записках он выделял некоторые характеристики региона, которые позволяют говорить о «фронтовом» характере власти на Русском Севере. К примеру, А. П. Энгельгардт писал о распространённом в Архангельской губернии уклонении от уплаты налогов на вырубку леса из-за нежелания соблюдать бюрократические процедуры, осложнённые большой площадью региона и

малым количеством чиновников [9, с. 206]. «Рыхлость» управленческого аппарата проявляется и в контрабандной торговле, распространённой в регионе и описываемой губернатором.

Таким образом, Русский Север в представлении А. П. Энгельгардта – фронтиризм Российской империи, для которого характерны суровые природные условия, неопределённые границы, «фронтиризм» тип человека, смешанное этнокультурное население, «рыхлость» системы управления регионом. Однако восприятие Архангельской губернии как фронтира не привело А. П. Энгельгардта к выводу о дикости региона – познакомившись с регионом ближе, губернатор увидел в нём потенциал, который может способствовать развитию страны. Эта точка зрения по отношению к региону стала относительно устойчива, что демонстрирует, к примеру, создание Архангельского общества изучения Русского Севера.

Список источников и литературы:

1. Александрова-Осокина, О. Н., Ван., Ю. Геопоэтика Белозерья в книге "Путешествие в Кириллобелозерский монастырь" С.П. Шевырева // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 5. С. 233-249.
2. Басалаева И. П. Критерии фронтира: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46-49.
3. Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. 1. СПб., 1863
4. Головнёв И. А., Головнёва Е. В. Фронтиризм в творчестве В. К. Арсеньева // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64). С. 40-48.
5. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сеня // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 81-105.
6. Калуцков, В.Н. Русский Север как культурно-географический регион // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. Поморские чтения по семиотике культуры. 2009. Вып. 4. С. 27-38.
7. Тёрнер Ф. Дж. Фронтиризм в американской истории. М., 2009.
8. Трифилова, Е. С. Terra incognita отечественного книговедения: к вопросу о применении и локализации концепта "Русский Север" // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 6. С. 729-739.

9. Энгельгардт, А. П. Русский Север: путевые записки. СПб., 1897.
10. Якушенко О. С. Женская трансгрессия на гетеротопных пространствах фронтира // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3. С. 321-326.
11. Sen', D. V. Frontier research in present-day Russia: Shaky boundaries of the academic dialogue // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1. С. 66-80.

С.Е. Пиперкова
Санкт-Петербургский
государственный университет

Устные воспоминания универсантов ЛГУ 1960-1980-х гг. как исторический источник: предварительные замечания

Среди большого количества исторических источников немаловажное место занимает устная история (Oral history), являющаяся активно использующимся методом получения и сохранения информации (сбор интервью). Он может способствовать выполнению задачи сохранения исторической памяти, предлагая новый взгляд на события недавнего прошлого.

Методы устноисторического исследования на данный момент собраны в большую методологическую систему. Идеи, предложенные и разработанные как в зарубежной науке (А. Портелли [4], Я. Вансина [1], П. Томпсон [6], Л. Нитхаммер [3], Л. Пассерини [10] и др.), так и в отечественной науке (С.О. Шмидт [8], В.М. Виноградов [9], Н.В. Гармаш [7], М.В. Лоскутова [2], Т.К. Щеглова [9] и др.), позволяют прикоснуться к «живой истории» посредством обращения к прямым свидетельствам, услышать «голос прошлого» и увидеть людей ушедшей эпохи.

Основные направления Oral history в России ориентированы на изучение целого ряда вопросов, таких как история Великой Отечественной войны, история повседневности и многое другое [5]. Однако важно отметить, что история культурной и научной жизни оставалась долгое время вне поля исторических исследований по устной истории, что сформировало актуальность нашего проекта.

Ленинградский государственный университет (ныне СПбГУ) был и остается важным научным, образовательным, социально-культурным центром не только в рамках северной столицы, но и по всей стране. Важные вехи в судьбе отечества и различные исторические события находили отражение в стенах университетской корпорации, свидетелям которых являлись её члены. Вследствие чего, обращаясь к жизни и биографии, например, универсантов, можно проследить социальные, общественные, культурные изменения и трансформации в позднесоветский период (1960-1980-е гг.).

С одной стороны, невысокая степень изученности истории ЛГУ в 1960-1980-х гг. диктует необходимость обращения к данному сюжету и создания базы исторических источников по данной теме. С другой — стремление понять интеллектуальный климат эпохи подталкивает нас к рассмотрению такой широкой темы как культурная и научная жизнь Ленинграда на примере универсантов ЛГУ, чья жизнь была связана не только с учебой и профессиональной деятельностью в стенах учреждения, но и с эпохой в целом.

Наше исследование было поддержано Фондом “История Отечества”. В рамках данной будут представлены некоторые предварительные замечания, сделанные в процессе работы.

Были выбраны несколько подходящих под тему проекта респондентов, с которыми провели интервью и собрали необходимый материал: М.В. и Т.В. Рождественские [15], С.Г. Кащенко [12], М.С. Стецкевич [14], С.Г. Стратановский [11], С.Ф. Сутырин [13]. Особенность выбора данных персоналий была вызвана тем, что они напрямую связаны с самим ЛГУ (являлись универсантами) и с процессами в научной, культурной и социально-политической жизни эпохи “застоя” и “перестройки” как свидетели исторической эпохи, несмотря на разный вид деятельности (поэты, литературоведы, математики, религиоведы, историки). Краткие характеристики проведенных интервью представлены в таблице ниже в качестве сравнительной таблицы.

Сравнительная таблица с результатами опросов респондентов

ФИО	Отношение к ЛГУ	Отношение к позднесоветской эпохе	Основные учителя
Стратановский С.Г.	Обучался в ЛГУ на филологическом факультете. Принимал участие в экспедициях от университета.		Среди особенно запомнившихся учителей были В.Я. Пропп, Д.Е. Максимов, Б.Ф. Егоров,
Рождественские М.В. и Т.В.	М. В. и Т.В. Рождественские учились одновременно на филологическом и историческом факультетах. От ЛГУ ездили во множество археологических экспедиций.	Относятся к "старой школе" интеллигенции, поэтому с детства были знакомы со множеством представителей культуры Ленинграда, в особенности с представителями "андерграунда". Отмечали, что они принадлежат к поколению 60-ков, поэтому в своей молодости были подвержены романтическим веяниям эпохи. Положительно высказывались о результатах перестройки для научной среды РФ.	Среди основных учителей можно выделить Д.С. Лихачева, А. П. Евгеньеву.
Кащенко С.Г.	С.Г Кащенко обучался на матмехе СПбГУ, вскоре увлёкся историей (повлияли Пушкин, Павловский, Екатерининский парки). Также побывал в Прибалтике и заинтересовался историей Северо-Запада. Начал посещать лекции на	Отношение к эпохе неоднозначное. С.Г. Кащенко признаётся, что в результате распада СССР произошёл слом всего общественного устройства. Например, Болонская система образования, по мнению С.Г. Кащенко, не может считаться совершенной, а во	Основным учителем С.Г. Кащенко можно назвать А.Л. Шапиро. Именно в рамках его семинара была написана первая научная статья по применению корреляционного анализа.

	историческом факультете, куда вскоре и был зачислен.	время коренных изменений необходимо, в первую очередь, думать о последствиях.	
Стецкевич М.С.	M.C. Стецкевич обучался на историческом факультете ЛГУ. Учеба проходила очень интересно, в университете "расширилось пространство свободы". На факультете царила доброжелательность. Преподаватели очень квалифицированные, особенно необычно было слушать лекции по истории стран Востока. Свои годы обучения в ЛГУ Михаил Станиславович называет лучшими в жизни.	Об эпохе много говорить не стал, то отметил, что перестройка была необходима для общества того времени.	Основные учителя: В.Г. Ревуненков, К.Б. Виноградов (научный руководитель) и др.
Сутырин С.Ф.	В 1969 году поступил на отделение политэкономии экономического факультета ЛГУ. Атмосфера на факультете была весьма позитивной. Часто проходили спортивные соревнования, кроме того, многие студенты любили играть в шахматы. Отношение к ЛГУ: позитивная атмосфера студенчества, профессиональные	Ситуация в период "перестройки" и 90-х была не очень простая. Существовали определенные надежды, но вскоре они стали иссякать. Собственно, период "перестройки" можно назвать временем серьезнейшего переосмыслиния в обществе, и это было достаточно тяжело с психологической точки зрения. С.Ф. Сутырин признается, что критиковал	Основными учителями можно назвать С.И. Тюльпанова, Н.Д. Колесова, Г.Г. Богомазова (руководитель диплома, главный учитель

	учителя, остался в вузе после его окончания, что о многом говорит	буржуазные теории искренне, поскольку видел в них изъяны. Из КПСС учёный не выходил, но все же посчитал, что и адаптация к новым реалиям работы была необходима	
--	---	---	--

Таким образом, в качестве предварительных выводов по проделанной работе мы получили ряд особенностей и характеристик, которые содержат собранные интервью. Во-первых, конечно, субъективизм мнений. Полученные интервью отражают взгляды определенной личности на те или иные события через призму жизненного опыта, который рожнится с общепринятыми объективными фактами. Ярким примером является полярное восприятие эпохи перестройки для науки и образования. Так, С.Г. Кащенко отзывает о “перестройке” и её последствиях для науки в негативном ключе, в то время как сёстры Рождественские оценивают результаты данного периода довольно положительными для российской науки. В целом стоит отметить, что каждый из респондентов оценивает позднесоветский период по-своему, отстаивая разные точки зрения, что подтверждает его неоднозначность в восприятии свидетелями.

Также в ходе сбора интервью мы получили информацию о восприятии университетами ЛГУ, отсутствующую среди других источников, от непосредственных свидетелей. Стоит отметить, что большинство респондентов считают студенческие годы наиболее яркими в своей жизни, а о родном университете отзываются исключительно в положительном ключе.

В дальнейшем наша работа будет нацелена на расширение круга респондентов и сбора дальнейшей информации для анализа мнений.

Список источников и литературы:

1. Вансина Я. Устная традиция как история (главы из книги) // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.
2. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб., 2003.

3. Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории. М., 2012.
4. Портелли А., Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб. 2003.
5. Ростовцев Е. А. Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2.
6. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
7. Устная история в зарубежных архивах: Зарубеж. опыт : Аналитический обзор / сост. В. М. Виноградов, В. Н. Гармаш. М., 1988
8. Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991.
9. Щеглова Т. К. Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 7. Материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т. К. Щегловой, И. В. Октябрьской. Барнаул, 2008.
10. Passerini L. Fascism in Popular Memory. Cambridge, 1987.
11. Галиев Р. Ф., Пиперкова С. Е. Интервью с С.Г. Стратановским от 28.02.2024 // Архив устной истории СПбГУ. Электронный архив СПбГУ. URL: <http://hdl.handle.net/11701/45274> (30.04.2024)
12. Жигалова Г. Интервью с С.Г. Кащенко от 05.04.2024 // Архив устной истории СПбГУ. Электронный архив СПбГУ. URL: <http://hdl.handle.net/11701/45250> (30.04.2024)
13. Жигалова Г. Интервью с С.Ф. Сутыриным от 18.04.2024 // Архив устной истории СПбГУ. Электронный архив СПбГУ. URL: <http://hdl.handle.net/11701/45322> (30.04.2024)
14. Пиперкова С.Е., Жигалова Г. Интервью с М.С. Стецкевичем от 09.04.2024 // Архив устной истории СПбГУ. Электронный архив СПбГУ. URL: <http://hdl.handle.net/11701/45277> (30.04.2024)
15. Трофимов Н. Интервью с М.В и Т.В Рождествескими от 09.04.2024 Архив устной истории СПбГУ. Электронный архив СПбГУ. URL: <http://hdl.handle.net/11701/45287> (30.04.2024)

*O.A. Чухутин,
независимый исследователь*

Наградные документы как источник по истории героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны (по материалам Вельского района)

С течением времени происходит искажение и снижение значимости событий и итогов Великой Отечественной войны, в связи с чем возрастает необходимость в анализе и актуализации имеющихся данных для более глубокого понимания подвига, совершенного участниками той войны.

Одним из важнейших исторических источников народного подвига выступают наградные документы, которые в деталях описывают героический поступок, за который был награжден солдат при исполнении воинского долга.

На сегодняшний день исследователи располагают сотнями тысяч документов о награждениях в годы войны, хранящихся в архивах, музеиных собраниях и личных хранилищах.

Анализируя содержание наградных документов времен Великой Отечественной войны, нельзя не заметить, насколько сильно идеология советского патриотизма оказала влияние на людей, отдавших свои силы не только ради наград, а исключительно для достижения окончательной победы над фашизмом.

Адаптируя систему награждения участников боевых действий, с учетом опыта награждений в начальный период войны, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 10 ноября 1942 г. передал инициативное право награждения государственными наградами командному составу воинских частей, которые зачастую были сами живыми свидетелями героических событий. При этом командиры, составившие наградные документы, обязаны были направлять их в Президиум Верховного Совета СССР [2,4].

Наградной лист во время Великой Отечественной войны - это документ, где отражались сведения о бойце и содержание его героических действий, на основании которых его представляли к награде. При определении вида награды не всегда соблюдался принцип

последовательности награждения, но строго учитывалась иерархия государственных наград и их степеней и, прежде всего, давалась оценка значимости совершенного подвига.

В зависимости от конкретных военных условий наградные документы составлялись в машинописном или рукописном виде с обязательным указанием: ФИО награждаемого, его должность и принадлежность к конкретному подразделению воинской части, наименование представляемой награды, наличие имеемых наград и другие сведения о его личности. Наиболее развернуто в наградном листе излагались события героических действий награждаемого и его значимость на конкретном театре военных действий. [5].

В период с 1941 по 1945 гг. были составлены около 30 миллионов наградных документов, где отражены героические события времен Великой Отечественной войны. Наградные документы Великой Отечественной войны, которые сохранились и опубликованы, являются бесценным материалом для исследователей, историков, поскольку это те самые документы, из которых по крупицам можно восстанавливать подлинную картину событий.

В Победу над фашистской Германией и жители Вельского района внесли свой вклад: более 16 тысяч вельчан были призваны в те годы в армию и на флот. Из них около 7 тысяч остались на полях сражений [3]. Практически все они были награждены орденами и медалями, как при жизни, так и посмертно. За каждой наградой стоял подвиг, готовность пожертвовать самым дорогим – жизнью.

Пять жителей Вельского района в годы Великой Отечественной войны были удостоены высокого звания – Героя Советского Союза: Михаил Фокич Баландин, Николай Иванович Кашин, Николай Михайлович Попов, Петр Прокопьевич Фефилов, Григорий Иванович Шибанов [1]. вельчанин Михаил Александрович Климовский награжден орденами Славы трех степеней [1].

В рамках данной работы мы проанализировали наградные документы Кавалера ордена Славы трех степеней, командира стрелкового взвода, гвардии старшины Климовского Михаила Александровича. Согласно документу, он родился 29 августа 1905 г. в крестьянской семье в деревне Герасимовской (местное название - Демешина) Кулойско-Покровской волости Вельского уезда. Окончил 4 класса. Работал плотником в

лесозаготовительной организации. Был призван в первую неделю войны на службу в ряды Красной Армии.

Из наградных документов на орден Славы 3-й степени в отношении гвардии рядового М.А. Климовского следует, что 24 апреля 1944 г. во время боя возле селения Варница (Молдавия) им было уничтожено 13 немецких солдат и офицеров в ходе отражения атак противника. Преследуя врага, он первым ворвался в немецкую траншею, захватил одного пленного. За данный подвиг гвардии рядовой М.А. Климовский был награжден орденом Славы 3-й степени с присвоением очередного воинского звания [6].

Ордена Славы 2-й степени, согласно наградному листу, гвардии старший сержант М.А. Климовский удостоен за события, произошедшие 16 августа 1944 г. В боях за деревню Щеглин Краковской губернии (Польша), проявив инициативу. С ручным пулеметом он выдвинулся в сторону атакующего противника и уничтожил до 25 фашистов. Своими действиями он отбил контратаку противника и способствовал удержанию населенного пункта, освобожденного ранее Красной Армией [6].

При освобождении селений Бerek и Metель (Польша) М.А. Климовский смело и стремительно повел своих бойцов на штурм вражеских укреплений, первым ворвался в ряды противника, уничтожив 6 солдат и взяв в плен одного. 13 января 1945 г. во время преследования отступающего противника, командуя группой бойцов, ночью зашел в населенный пункт, который еще был занят немцами. Обнаружив в селении противника, он напал на немцев и со своей группой уничтожил в этой схватке 18 гитлеровцев, сам лично уничтожил 4-х гитлеровцев.

14 января 1945 г., вступив в командование взводом, смело обошел противника с тыла и уничтожил расчеты батареи, мешавшие продвижению наших подразделений, лично уничтожил в бою гранатами и огнем автомата расчет одного орудия. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1945 г. за проявленное мужество и героизм при выполнении боевой задачи гвардии старший сержант Климовский был удостоен ордена Славы 1-й степени [6].

Подобные документы можно анализировать бесконечно. Их много, и каждый из них при углубленном исследовании заслуживает отдельной

статьи. Введение в оборот подобного рода документов создает важнейшую основу для воспитания современной молодежи.

Список источников и литературы:

1. Вельский краеведческий музей имени В.Ф. Кулакова. [Электронный ресурс] URL: <http://velskmuseum.ru/> (31.03.2024).
2. ГАРФ. Ф. 4, Оп. 12, д. 106 «а», л. 242-243.
3. КНИГА ПАМЯТИ Вельского района. Администрация МО «Вельский муниципальный район» 2008-2009 гг. [Электронный ресурс] URL: [Официальный сайт администрации МО "Вельский муниципальный район"](#) (31.03.2024).
4. Документы Победы: Наградной лист. // Родина. 2020. Спецвыпуск май. С. 2.
5. Документы Победы: Наградной лист. // Родина. 2020. Спецвыпуск май. С. 6-7.
6. Память народа [Электронный ресурс] URL: <http://pamyat-naroda.ru> (08.04.2024).

Сведения об авторах¹

Антоновская Варвара Владимировна – магистрантка 1 курса Российского университета дружбы народов. Научный руководитель - Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН.

Арония Анастасия Мамукаевна – аспирантка 3 года обучения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель - Репневский Андрей Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории САФУ.

Бабина Александра Аркадьевна – преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. Научный руководитель - Тюленев Владимир Михайлович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений ИвГУ.

Безродный Денис Андреевич – студент 2 курса Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Научный руководитель - Редькова Ирина Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории ПСТГУ

Беспалько Григорий Николаевич - аспирант 2 года обучения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Болдырев Роман Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории САФУ.

Бородина Марьяна Александровна – аспирантка 2 года обучения Сибирского федерального университета. Научный руководитель – Замараева Юлия Сергеевна, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и искусствоведения СФУ.

Буланова Валентина Александровна – магистрантка 1 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Шурупова Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории САФУ.

¹ Сведения предоставлены на момент поступления текстов в редакцию.

Вадов Никита Вадимович - магистрант 1 курса Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского. Научный руководитель – Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ННГУ.

Деникина Александра Игоревна – магистрантка 1 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Шурупова Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории САФУ.

Дудинская Виктория Александровна – магистрантка 1 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Минаева Татьяна Станиславовна, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории САФУ.

Иванова Александра Александровна – студентка 3 курса Сибирского федерального университета. Научный руководитель – Таракова Мария Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения СФУ.

Ивашева Светлана Андреевна – студентка Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Научный руководитель – Максимова Любовь Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, директор института истории и права СыктГУ.

Ильченко Илья Александрович – студент 3 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Шубин Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории САФУ.

Карманова Мария Степановна – студентка 2 курса Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Научный руководитель – Русанова Вера Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам СыктГУ.

Кёрцдерфер Елизавета Анатольевна – независимый исследователь, г. Тюмень

Киреев Елисей Константинович – студент 2 курса Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Научный

руководитель – Фруменкова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры русской истории (XIX-XXI вв.) РГПУ.

Кренёва Ксения Игоревна – студентка 3 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Фельдт Алексей Евгеньевич, к. и. н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории САФУ.

Левченкова Елена Мурадхановна – студентка 2 курса Череповецкого государственного университета. Научный руководитель – Добровольский Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ЧГУ.

Лошилов Александр Витальевич - студент 4 курса Вологодского государственного университета. Научный руководитель – Малахов Родион Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Отечественной истории ВоГУ.

Лысцева Анжела Александровна – студентка 3 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Фельдт Алексей Евгеньевич, к. и. н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории САФУ.

Марданова Екатерина Сергеевна – студентка 1 курса Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Научный руководитель – Кутузова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам СыктГУ

Михеева Полина Александровна – студентка 4 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Фельдт Алексей Евгеньевич, к. и. н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории САФУ.

Нимаева Дарья Анатольевна – студентка 1 курса Сибирского федерального университета. Научный руководитель – Серёдкина Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии и искусствоведения СФУ.

Орлов Арсений Романович – магистрант 1 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Тетеревлева Татьяна Павловна, кандидат

исторических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной истории САФУ.

Пильников Федор Валентинович – магистрант 1 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Минаева Татьяна Станиславовна, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории САФУ.

Пиперкова София Евгеньевна – студентка 2 курса Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – Сокурова Ольга Борисовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры СПбГУ.

Поткин Сергей Владимирович – магистрант 1 курса Пермского государственного национального исследовательского университета. Научный руководитель – Белоусов Константин Игоревич, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

Прокин Дмитрий Андреевич – магистрант 1 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Тетеревлева Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной истории САФУ.

Резанов Андрей Дмитриевич – аспирант 3 года обучения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Супрун Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории САФУ.

Рощина Диана Константиновна – студентка 4 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель - Репневский Андрей Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории САФУ.

Савин Илья Александрович – студент 3 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Тетеревлева Татьяна Павловна, кандидат

исторических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной истории САФУ.

Соковнина Светлана Александровна – студентка 4 курса Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель – Филюшкин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран СПбГУ.

Соловьев Владлен Александрович – аспирант 1 года обучения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Зарецкая Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, директор ВШСГНиМК САФУ.

Сущева Ксения Владимировна – магистрантка 1 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Чуракова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории САФУ.

Сынкова Екатерина Максимовна – студентка 6 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Шурупова Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории САФУ.

Тарасов Виталий Иванович – студент 2 курса Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Научный руководитель – Редькова Ирина Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории ПСТГУ.

Торопова Полина Эдуардовна – студентка 2 курса Череповецкого государственного университета. Научный руководитель – Добровольский Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии ЧГУ.

Уварова Анжелика Вадимовна – аспирантка 1 года обучения Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Научный руководитель – Аранович Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории искусства СПбГУПТиД.

Федулин Никита Сергеевич – студент 3 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель – Чуракова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории САФУ.

Хребтов Никита Андреевич - аспирант 2 года обучения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Научный руководитель – Минаева Татьяна Станиславовна, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории САФУ.

Чухутин Олег Альбертович – независимый исследователь. Научный руководитель – Супрун Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории САФУ.

Шатков Всеволод Георгиевич – студент 2 курса Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Научный руководитель – Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и историко-культурного наследия ЕГУ.

Шиловский Игорь Николаевич – аспирант 1 года обучения Вологодского государственного университета. Научный руководитель – Димони Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ВоГУ.

Ars Historica

Сборник научных статей

Выпуск 16

Научный редактор:

Татьяна Станиславовна Минаева

Редактор-составитель:

Герман Сергеевич Рагозин

Минимальные системные требования:

Процессор одноядерный, 1,7 ГГц; 512 Мб; Windows XP; устройство чтения DVD-ROM;
программное обеспечение: Adobe Reader.

Подписано к использованию 17.04.2025. Электронное издание.
Объем: ____ Мб, тираж 10 электрон. цифровых дисков (DVD).

Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56